

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) г. Ялта

На правах рукописи

ШИХМАТОВА Эльмира Самвеловна

**СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В КРЫМУ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Специальность: 13.00.01 – Общая педагогика,
история педагогики и образования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
Редькина Людмила Ивановна,
доктор педагогических наук, профессор

Ялта – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	18
1.1. Историография проблемы исследования.....	18
1.2. Понятие «социальные заведения для несовершеннолетних детей» и их типы в системе общественного призрения Крыма во второй половине XIX – начале XX века.....	45
1.3. Общая характеристика состояния социальной сферы Крыма в изучаемый период.....	59
1.4. Предпосылки и этапы становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века.....	66
Выводы по первой главе.....	88
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ.....	92
2.1. Организация деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в изучаемый период.....	92
2.2. Особенности воспитательной и образовательной работы в социальных заведениях для детей Крыма второй половины XIX – начала XX века.....	122
2.3. Возможность использования опыта детских социальных заведений Крыма второй половины XIX – начала XX века в современной системе социальной защиты несовершеннолетних.....	164
Выводы по второй главе.....	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	179

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	183
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	219
Приложение А. Типы социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.).....	219
Приложение Б. Этапы становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.).....	220
Приложение В. Заработная плата сотрудников социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.).....	223
Приложение Г. Перечень социальных заведений для несовершеннолетних и количество детей в них по уездам Крыма (вторая половина XIX – начало XX в.).....	224
Приложение Д. Расписание занятий и учебные планы некоторых социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.).....	226
Приложение Е. Режим дня некоторых социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму	227
Приложение Ж. Содержание детей в приюте Таврического губернского земства (1866 г., 1887-1896 гг.).....	228
Приложение З. Распределение учебных часов для каждого класса сельскохозяйственной школы Таврического исправительного приюта для несовершеннолетних преступников.....	229
Приложение И. Сведения о призреваемых детях в Керченском Мариинском приюте в 1910-1911 учебном году.....	230
Приложение К. Благотворительность в современной Республике Крым в области социальной поддержки детства.....	231
Приложение Л. Фотоматериалы по проблеме становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму.....	232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Стратегические цели воспитания молодежи в Российской Федерации отвечают требованиям XXI века по возрождению духовности в обществе, формированию национальных и общечеловеческих ценностей, обеспечению потребностей крымчан в высоком уровне образования и воспитания, сохранению культурно-исторических традиций, общенациональной и этнической идентичности и обеспечению исторической преемственности поколений. Эти направления государственной социальной политики обозначены в Федеральных законах «О дополнительных гарантиях при социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (1996), «Об опеке и попечительстве» (2008), «Об образовании в Российской Федерации» (2012), «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.», концепция федеральной целевой программы «Социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.» (2014).

Коренные изменения, происходящие в сфере государственной политики по социальной защите семьи, материнства и детства Республики Крым после вхождения ее в состав Российской Федерации обусловили поиск новых жизненных смыслов. Переоценка ценностей и устоявшихся идеалов побуждают педагогическую науку к постоянному совершенствованию путей и средств социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, системы их образования и воспитания в соответствии с национальными, экономическими и духовно-культурными потребностями общества. Концептуальное осмысление основополагающих проблем современной системы социальной защиты детей в Республике Крым убеждает в том, что ее модернизация невозможна без учета культурно-исторических и национально-педагогических достижений прошлого.

На организацию системы социальной и педагогической защиты детей-сирот оказывают существенное влияние особенности региона, определяющие направления и перспективы развития социальной сферы в контексте подготовки

подростающего поколения к труду и жизни при помощи формирования активной жизненной и профессиональной позиции. В первую очередь этому способствует изучение, объективная оценка, творческое осмысление и использование лучших достижений истории педагогики с целью оптимального сочетания классического наследия прошлого с современными достижениями научной мысли.

Согласно официальной статистике Министерства просвещения Российской Федерации по состоянию на 2016-2018 гг. зарегистрировано более 400 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из которых около 55 тыс. находятся в детских домах различного типа и школах-интернатах. В Республике Крым и г. Севастополе зарегистрировано более 350 детей-сирот, которые находятся в Федеральном банке данных детей для усыновления. Количество несовершеннолетних крымчан, воспитывающихся в замещающих семьях, в несколько раз больше. Несмотря на то, что, благодаря государственной социальной политике, эти показатели ежегодно снижаются, они все еще вызывают обеспокоенность специалистов, требующих внедрения комплекса мер по повышению качества воспитания и социализации несовершеннолетних в государственных организациях, определения приоритетов в нравственном воспитании, базовых идей развития системы социально-педагогической защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Решение данных проблем невозможно без осуществления анализа историко-педагогического опыта развития системы опеки и призрения несовершеннолетних, который основывается на социокультурных особенностях каждого региона страны.

В XXI веке в отечественной историко-педагогической науке в силу политических и идеологических условий (1917-1991-гг.) существуют пробелы в исследовании деятельности учреждений для опеки и призрения незащищенных категорий детей, существовавших в различных регионах России в конце XIX – начале XX в. В данном контексте изучение особенностей становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. приобретает значительный научный и

практический интерес, поскольку опыт работы данных учреждений может стать полезным для реализации в практике современной системы образования и социальной защиты детей Республики Крым.

Проблема исследования и степень ее разработанности. История становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму неразрывно связана с развитием благотворительности в Российской Империи, которую изучали такие ученые XIX – XXI веков как С. В. Агулина, Е. Ю. Горбунова, Ю. И. Гузенко, Т. Б. Кононова, А. Линденмейер, Л. Н. Мокеева, П. И. Нещеретный, Б. Ш. Нувахов, О. К. Павлова, Н. А. Святский, А. Г. Соколов, А. Д. Стог, С. С. Сулакшин, Г. Н. Ульянова. Эволюция опеки и общественного призрения в России нашла отражение в отечественных и зарубежных трудах Н. Ф. Басова, Ю. В. Богинской, В. Герье, В. Ф. Дерюжинского, Б. А. Зимаева, Е. Д. Максимова, Е. П. Мерко, К. А. Мушинского, В. Ф. Одоевского, Т. Г. Пташко, М. В. Раттур, О. В. Семина, Н. В. Чернецова, А. С. Щеглова, а положение дел призрения в отдельных губерниях страны рассматривали М. Г. Ковалева, Ю. В. Сиренко, Я. В. Ханьков, Л. В. Хотимова. Историю общественных организаций и государственных учреждений для несовершеннолетних Российской империи, среди которых в том числе были социальные и образовательные заведения, исследовали В. А. Абельбейсов, А. А. Бердников, Дж. Бредли, Н. П. Ерошкин, Д. А. Прохоров, А. Д. Степанский. Также вызывало историко-педагогический интерес положение дел с сиротами, подкидышами и беспризорными детьми (М. Д. Ван-Путерен, Н. А. Засецкий, В. Могилевский, М. Ошанин, А. В. Петрова, И. М. Радецкий, Е. Г. Черникова).

Историки, педагоги и юристы посвящали свои работы проблемам XIX – начала XX вв. в сфере перевоспитания малолетних преступников (Л. И. Беляева, П. И. Ковалевский, К. К. Кораблин, Д. А. Коротнев, М. И. Красовский, И. В. Синова, В. П. Шпак), развития интернатных заведений образования в Крыму (А. С. Аблятипов), организации дошкольного и социального воспитания (Е. А. Горшкова, Е. О. Гугель, Е. Н. Мишакова),

вклада личности в дело развития опеки и попечительства (А. С. Андросов, О. М. Бобкова, Г. Л. Круль, А. А. Непомнящий), законотворчества в сфере социальной защиты населения (И. И. Бецкой, К. К. Грот, В. Ф. Одоевский); медицинских аспектов призрения детей (Г. Л. Микиртичян), кадровой политики в социальных заведениях (С. Ф. Рязанов, В. Я. Стоюнин), дополнительного образования детей в России в исторической ретроспективе (Б. В. Куприянов), роли христианской церкви в дело опеки несовершеннолетних (Р. Е. Азизбаева, В. М. Бензин, Е. В. Моцовкина, А. А. Папков, Д. А. Пашенцев, Я. В. Сунцева Л. П. Шкарлат), вкладу этноконфессиональных объединений в дело образования и призрения несовершеннолетних в Крыму (Л. И. Редькина), зарубежного опыта социальных учреждений для детей (О. И. Безлюдный, М. В. Ефимова, Д. В. Лифинцев, Э. Мюнстерберг, Д. Ренсел).

Особенный интерес в рамках настоящего исследования представляют современные работы, посвященные изучению отдельных аспектов социальных учреждений для несовершеннолетних в Крыму в рассматриваемый период: О. М. Бобкова (деятельность А. Я. Фабра на Юге Украины), Н. В. Быковская (Мариинский приют в Керчи), Т. М. Головань (общественное дошкольное воспитание в Крыму), М. И. Маркевич (Симферопольский детский приют им. графини А. М. Адлерберг), А. Н. Савочка (детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии в Таврической губернии). В то же время целостного, обобщающего исследования по проблемам истории становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века в отечественной и зарубежной историко-педагогической науке осуществлено не было.

Изучение научной, научно-популярной, краеведческой литературы и архивных источников о становлении и развитии социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века убедительно свидетельствует об актуальности темы исследования, что обуславливается необходимостью разрешения следующих **противоречий между**: потребностями комплексного осмысления роли учреждений призрения

для детей в Крыму в исследуемый период в отечественной культурно-исторической перспективе и анализом отдельных форм их деятельности, ограниченным локальным историческим контекстом; многоплановостью роли учреждений призрения для детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX века) в развитии социальной работы на региональном уровне в России и недостаточной ее изученностью в истории отечественной педагогики; объективной потребностью в осмыслении особенностей деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX вв.) как педагогической культуры в России и отсутствием комплексного исследования, позволяющего на основе современной методологии представить целостное видение рассматриваемого феномена.

Данные противоречия определили **проблему** исследования: каковы методологические и концептуально-теоретические основы, инвариантные и специфические характеристики деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Актуальность обозначенной проблемы, ее недостаточная разработанность и необходимость решения перечисленных противоречий обусловили выбор темы исследования: **«Становление социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX века)»**.

Цель исследования: научно обосновать и актуализировать опыт социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века в современных условиях.

Объект исследования: социальные заведения для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. как социально-педагогическое явление.

Предмет исследования: процесс становления, развития и педагогической деятельности различных типов социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач исследования:**

- проанализировать состояние разработанности темы и определить степень репрезентативности ее источниковой базы, раскрыть существенные характеристики дефиниций исследования;

- выявить предпосылки и этапы становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних в детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века;

- раскрыть и охарактеризовать основные направления, содержание, формы и методы образовательной деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей;

- обосновать перспективы использования опыта деятельности социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму в практике современной системы социальной защиты детей.

Методологической основой исследования являются современные подходы к изучению историко-педагогического процесса, прежде всего: системно-исторический (В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг, Н. Ф. Басов, В. В. Давыдов, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин); аксиологический (Н. А. Аитов, У. В. Илько, Л. М. Сергеева, Г. Г. Русаков); региональный (А. П. Беликова, В. Б. Помелов, Л. А. Степашко) и личностный (М. В. Богуславский, Л. М. Зотова, Г. Н. Козлова).

Теоретическую основу исследования составляют научные разработки, анализирующие историко-педагогический процесс как неотъемлемую часть историко-культурного развития страны (В. Г. Безрогов, Л. Н. Беленчук, А. Ю. Бутов, А. В. Овчинников, В. Ю. Троицкий, М. В. Фирсов); идеи и концепции, раскрывающие историческую обусловленность развития педагогических идей и их влияние на развитие общества (Э. Д. Днепров, А. Н. Джурицкий, С. Ф. Егоров, В. В. Макаев, Л. В. Образцова, Ф. А. Фрадкин); положения современной науки о диалогическом отношении к культурному наследию прошлого (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Е. О. Галицких);

выводы об особенностях состояния образования и педагогической мысли в исследуемый период (А. Н. Корф, П. Ф. Каптерев, С. И. Миропольский, Н. Б. Ромаева, Л. А. Шкарлат); работы по охране детства и истории социальной работы и социальной педагогики (М. А. Галагузова, О. В. Беспалько, Ю. В. Васильева, Е. П. Мерко, В. М. Сорокин), исследования по истории, истории педагогики Крыма, содержащие теоретические и методологические подходы к изучению развития образования и социальной работы на полуострове (С. А. Вишнеvский, А. В. Глузман, В. Ю. Ганкевич, В. П. Дюличев, Н. П. Ерошкин, А. И. Маркевич), труды по истории развития образования, благотворительности, патронирования и общественного призрения в Таврической губернии, которые раскрывают предпосылки и ведущие тенденции становления и развития социальных учреждений в данном регионе (Т. М. Головань, Ю. И. Гузенко, Л. Н. Мокеева, А. Н. Савочка).

Методы исследования: общенаучные: анализ, синтез, аналогия, обобщение, систематизация, классификация историко-педагогических источников, архивных материалов, периодических изданий, что позволило проанализировать содержание и организацию педагогической работы социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX века), обобщить факты и сделать выводы; хронологический метод, обеспечивший раскрытие темы исследования в динамических изменениях и временной последовательности; персонально-биографический метод, с помощью которого раскрыта деятельность конкретных персоналий (представителей дворянства), которые внесли значительный вклад в развитие социальных заведений для детей в Крыму; поисково-библиографический метод изучения архивных, музейных, библиотечных каталогов, фондов, что позволило проследить генезис проблемы становления социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму в изучаемый период; контент-анализ записей выпускников социальных заведений, отчетов, учебных планов, программ, протоколов заседаний Советов попечителей приютов, сиротских судов для достоверной визуализации

педагогической деятельности социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.).

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX века. Нижняя граница (1854 г.) обусловлена открытием первого социального заведения для несовершеннолетних детей в Симферополе во время Крымской войны (Симферопольский детский приют имени графини А. М. Адлерберг). Верхняя граница (1918 г.) объясняется ликвидацией Таврической губернии и существующих органов власти, закрытием большинства социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму и началом реформирования системы призрения детей в соответствии с новой политикой советского государства.

Территориальные рамки исследования охватывают пять из восьми уездов Таврической губернии Российской империи, а именно: Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский, Ялтинский, Перекопский, а также Севастопольское и Керч-Еникальское градоначальства, которые во второй половине XIX – начале XX века находились на Крымском полуострове и имели ряд особенностей в историческом, экономическом, национально-культурном и социальном развитии, которые отличали их от других регионов Российской империи.

Источниковая база исследования. В процессе историко-педагогического исследования проанализированы документы, хранящиеся в дореволюционных фондах ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь: Таврическое губернское правление (ф. 27); канцелярия Таврического губернатора (ф. 26); органы просвещения и учебных заведений (ф.100, ф.103, ф.724); фонды общественных и благотворительных учреждений и организаций (ф.120, ф. 174, ф. 241); фонды городских управ, канцелярий и городской дворянской опеки (ф. 53, ф. 63, ф. 162); фонды Таврического губернского приказа общественного призрения (ф. 115).

Отдельную группу источников составляют научные фонды Евпаторийского краеведческого музея и научной библиотеки и музея

«Таврика» им. А. Х. Стевена (г. Симферополь). Проработана периодическая печать XIX – начала XX в.: «Салгир» (с 1897 г.), «Вестник Таврического губернского земства» (1906 – 1912), «Вестник воспитания» (1898 – 1910), «Вестник благотворительности» (1897 – 1902), «Южный курьер» (с 1901 г.), «Крымский курьер» (1893 – 1907).

Этапы исследования:

– первый, **поисковый**, этап (2010–2011 гг.) – проанализирована историко-педагогическая, краеведческая литература, архивные источники, периодическая печать, современные исследования и наследие педагогов-классиков, посвященные различным аспектам проблемы исследования; определены направления научного поиска, конкретизированы объект, предмет, цель, задачи, методологические и теоретические основы, методы исследования; уточнен понятийный аппарат;

– второй, **аналитический**, этап (2012–2014 гг.) – осуществлялась систематизация собранного материала, обоснование историко-теоретических, методических основ деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму второй половины XIX – начала XX века;

– третий, **обобщающий**, этап (2015-2018 гг.) – обобщены результаты исследования, выявлена сущность и своеобразие деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.; обоснованы перспективы и пути дальнейшего использования их опыта в современной практике социальной защиты детей в Республике Крым; обработаны выводы и оформлен текст диссертационной работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем определена роль социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века как историко-педагогического феномена и самостоятельного звена в системе общественного призрения государства; обоснована сущность ключевого понятия – «социальные заведения для несовершеннолетних детей»; конкретизирована типология социальных заведений для несовершеннолетних на полуострове во второй

половине XIX – начале XX в.; выявлены, систематизированы и содержательно раскрыты предпосылки создания первых социальных заведений для детей в Крыму; уточнена и дополнена периодизация (этапы) становления и развития социальных заведений для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.; дана объективная научная оценка состояния социальных заведений для детей в Крыму в исследуемый период, выявлена динамика их количественных и качественных характеристик, особенностей педагогической деятельности, а также получены данные и обобщена информация о роли социальных заведений в обучении и воспитании несовершеннолетних на полуострове во второй половине XIX – начале XX в.; конкретизированы цели, задачи, содержание образовательного процесса, методы и формы учебно-воспитательной работы в социальных заведениях для несовершеннолетних в Крымском регионе в указанный период; актуализированы возможности использования опыта работы социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму второй половины XIX – начала XX в. в современных социальных учреждениях; в научный оборот введен широкий круг педагогических фактов и материалов, представляющих значительный интерес для истории образования и педагогической мысли Республики Крым.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что получены новые данные о деятельности социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века; подтверждено: опыт работы социальных заведений для детей в Крыму в исследуемый период располагает глубоким и разнообразным содержанием, системой методов, форм и средств учебно-воспитательной деятельности с несовершеннолетними, что обогащает педагогическую теорию и современную образовательную практику, способствует расширению историко-педагогических знаний о развитии системы учреждений опеки и попечения детского населения в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв.; дополнены представления о том, что результаты диссертационного исследования могут быть использованы современной педагогической наукой в

поиске оптимальных путей совершенствования системы социальной защиты детского населения с учетом региональных особенностей Крыма.

Практическая значимость результатов исследования определяется внедрением в историю педагогики новых данных о социальных заведениях для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в., специфике их работы; теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы при обосновании новых концептуальных подходов совершенствования работы существующих социальных учреждений, моделировании новых типов социальных заведений в условиях модернизации современной системы социального воспитания молодежи; основные положения и фактический материал диссертации могут быть использованы при подготовке монографий, учебных пособий, научных разработок по истории педагогики и образования, социальной педагогике, теории и истории социального воспитания, истории социальной педагогики.

Достоверность и обоснованность результатов исследования и полученных выводов обеспечивается методологической и теоретической обоснованностью его положений; использованием комплекса взаимосвязанных методов познания, адекватных объекту, предмету, целям и задачам исследования; анализом большого количества материалов и архивных документов; изучением литературных источников и их сопоставлением с источниковедческой базой; комплексным рассмотрением проблемы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социальные заведения для несовершеннолетних детей – это учреждения всех форм собственности, осуществляющие бесплатный присмотр, уход и образовательно-воспитательную деятельность незащищенных категорий детей до 18 лет (сироты, беспризорные, дети, лишенные родительского попечения, малолетние преступники; несовершеннолетние с ослабленным здоровьем из многодетных и малоимущих семей, дети, пострадавшие в результате военных действий). Система социальных учреждений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.

представляла собой сеть заведений различного типа: сиротских домов, детских приютов, убежищ, колыбелей для подкидышей, исправительной колонии для малолетних преступников, корабля-школы, очагов для сирот воинов, каждый из которых имели свои особенности постановки целей, содержания и методики педагогической деятельности.

2. Функционирование социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму второй половины XIX – начала XX в. представляет собой сложную систему, развивающуюся во времени и пространстве. Генезис социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму изучаемого периода опосредован объективными предпосылками: геополитическими и демографическими (географическая и климатическая привлекательность Крымского полуострова; увеличение численности населения Крыма после его присоединения к России в конце XVIII в.; миграционная политика государства и многонациональный состав населения полуострова; последствия Крымской и события Первой мировой войны); социально-экономическими и нормативно-правовыми (последствия реформ Александра II, упрощение процедуры создания социальных заведений и благотворительных организаций, высокая детская смертность, отсутствие в Крыму детских приютов для сирот, нехватка дошкольных заведений и школ; недостаточное финансирование со стороны государства социальных учреждений; совершенствование нормативно-правовой базы их деятельности); культурно-педагогическими и духовными (реформа образования, создание элементарных (начальных) школ в большинстве социальных заведений Крыма; благотворительная деятельность национально-религиозных общин полуострова; влияние православной церкви на обучение и воспитание детей в социальных заведениях).

3. Создание социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в исследуемый период происходило поэтапно. Первый этап (1854 – 1890 гг.) – открытие первых социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму после событий Крымской войны и реформ Александра II. Второй этап (1891 – 1913 гг.) – развитие и расцвет существующих и открытие

новых социальных заведений для детей, создание при них начальных школ и профессиональных ремесленных образовательных учреждений. Третий этап (1914 – 1918 гг.) – ухудшение материального положения учреждений призрения в Крыму, уменьшение количества воспитанников в них, открытие учреждений для детей мобилизованных родителей и воинов, снижение качества образования в приютах, постепенный упадок сети социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в связи с событиями Первой мировой войны и революции 1917 г.

4. Во второй половине XIX – начале XX в. в Крыму была создана развитая система социальных заведений для несовершеннолетних, которая по праву считалась одной из лучших в Российской империи по охвату различных категорий нуждающихся детей, количеству учреждений для них и качеству ухода за воспитанниками. Основными задачами социальных учреждений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. были: круглосуточный уход и опека над несовершеннолетними сиротами, беспризорными и подкидышами, их воспитание, обучение и профессиональное образование, содействие трудоустройству выпускников. Главными направлениями воспитательной работы в социальных заведениях для детей в Крыму рассматриваемого периода были религиозно-нравственное, физическое и трудовое; преимущество отдавалось коллективным и групповым формам работы, а основными видами деятельности воспитанников были игровая, трудовая и учебная.

5. В современной России (1991 г. – начало XXI в.) необходимость совершенствования деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму на основе опыта деятельности подобных учреждений во второй половине XIX – начале XX вв. обусловлена задачами формирования духовной, интеллектуальной, нравственно-ответственной личности выпускников организаций системы социальной защиты. Рекомендованы для заимствования современной социально-педагогической практикой интернатных учреждений для сирот таких особенностей работы

дореволюционных социальных заведений: активное привлечение воспитанников школьного возраста к участию в ведении хозяйства детских домов, школ-интернатов и земельного участка при них; участие старших детей в уходе за младшими; мотивация выпускников социальных заведений к раннему началу трудовой жизни; преобладание заведений с небольшой численностью детей; организация ремесленных мастерских при социальных учреждениях.

Апробация результатов исследования. Материалы и результаты научного исследования докладывались и обсуждались на научно-практических конференциях: международных: «Развитие образования в условиях полиэтнического региона» (Ялта, 2007), «Педагогика и психология: традиции и инновации» (Львов, 2013), «Модернизация непрерывной практики и внедрение механизмов ее организации в систему высшего педагогического образования» (Ереван, 2013), «Современные тенденции развития педагогических и психологических наук» (Киев, 2013), «Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога» (Евпатория, 2012-2018), «Педагогика, психология и образование: от теории к практике» (Ростов-на-Дону, 2014); всероссийской – «Молодежь и государство: научно-методологические, социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования» (Тверь, 2014); всеукраинской – «Образовательное пространство. Глобальные, региональные и информационные аспекты» (Черновцы, 2013); региональных и межвузовских: «XII – XVI Недель науки» (Ялта, 2009-2014), «Январские педагогические чтения: «Методология, теория и практика этнопедагогике» (Симферополь, 2016), «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь, 2016), «Тенденции развития высшего образования в новых условиях», (Ялта, 2016), «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (Евпатория, 2017).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов к ним, заключения, списка литературы (360 наименований, из них 4 – на английском языке) и 11 приложений.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1. Историография проблемы исследования

Первые исследования государственного призрения и общественной благотворительности появились в Российской империи около двух веков назад. Современная отечественная историография содержит большое количество научных работ, где раскрыты такие проблемы как генезис общественного призрения в Российской империи (И. А. Горбунова [52], М. В. Раттур [296], Ю. В. Сиренко [281], Л. В. Хотимова [332]); эволюция филантропических учреждений Российской империи (М. Г. Ковалева [105], Е. П. Мерко [141], Г. Н. Ульянова [318]); формирование и изменение законодательства о призрении и благотворительности в России в XVIII – XX вв. (О. В. Семин [270]).

Традиционно отечественные ученые разделяют историографию общественного призрения на три периода: дореволюционный или досоветский (XIX – начало XX в.), советский (1917 г. – 1991 г.), современный (1991 г. – начало XXI в.). Данная классификация обусловлена степенью накопления материала, его анализом.

Первый историографический период – с середины XIX в. до конца 1917 г. связан с формированием направления по исследованию опыта социальной помощи, посвященного церковноприходскому, городскому и земскому призрению, частной благотворительности и общественной помощи.

Достоверные сведения о деятельности социальных учреждений в России во второй половине XIX – начале XX века можно получить из «Свода законов Российской Империи» – официального собрания действующих законодательных актов Российской Империи (1835-1917 гг.). Первый том данного документа содержит раздел «Свод учреждений государственных»,

который состоит в свою очередь из подразделов, описывающих полномочия, права и обязанности разнообразных учреждений и ведомств, от центральных до местных [264]. Также тринадцатый том (книга 1 и 2) «Свода законов» посвящен уставу об общественном призрении [265]. Части этого документа в исследуемый период регулировали работу учреждений общественного призрения, предусматривали создание на местах приказов общественного призрения, подведомственных губернским центрам и Министерству внутренних дел Российской империи. Статья 173 указывает, какие заведения относятся к приказу общественного призрения на момент действия закона (1835-1917 гг.): 1) дома сиротские и воспитательные; 2) больницы для умалишенных; 3) богадельни; 4) работные дома; 5) лечебные заведения (с некоторыми исключениями и особенностями) [265, с. 96].

В ряде дореволюционных научных работ отечественных ученых раскрывалась эволюция призрения в Российской империи. К примеру, труд А. Д. Стога «Об общественном призрении в России» (1818 г.) [304] стал первой попыткой в российской историографии проследить генезис институтов опеки, начиная с их возникновения в X в. и до начала XIX в. Автор проанализировал российское законодательство об общественном призрении и благотворительности со времен Киевской Руси до эпохи правления Александра I, высветив действия Петра I и Екатерины II в этой сфере, осуществил обзор деятельности приказов общественного призрения в разных регионах страны, в том числе в Таврической губернии. В данной книге предложены варианты периодизации развития опеки и попечительства, в том числе несовершеннолетних детей, с X по XVIII в., где А. Д. Стог выделил пять этапов: первый – с X по XIV в.; второй этап – XIV-XVII вв.; третий – с начала XVIII в. по 1775 гг.; четвертый длится с 1775 по 1801 гг. и последний, пятый этап – с 1801 по 1818 гг. [304]. Особенностью периодизации А. Д. Стога, отличающей ее от других, является стремление показать динамику становления и развития учреждений опеки и призрения для несовершеннолетних детей. Именно поэтому четвертый и пятый этапы связаны с одной стороны с

изменением административно-территориального управления государства, а с другой – с тенденциями помощи, которые зародились во время правления Екатерины II и были связаны с созданием Приказов общественного призрения.

Исследование А. Д. Стога «Об общественном призрении в России» фактически остается единственным комплексным исследованием проблем организации социальной помощи в Российском государстве в первой половине XIX в., где к тому же отдельно выделяется призрение детского населения в Таврической губернии, что дает нам общее представление о состоянии благотворительности и общественного призрения несовершеннолетних в первой половине XIX века в Крыму.

Современники А. Д. Стога приняли классификацию, предложенную им в начале XIX в., а отечественную систему общественного попечения о детях и благотворительности стали связывать с мерами правительства царской России в этой области. Данный подход предложен в том числе в работе «Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России», где, однако, содержатся более точные исторические ориентиры [96]. Периодизация становления общественного призрения для несовершеннолетних детей связывается в ней с принятием основных постановлений в этой области: первый период – с 988 г. (указы князя Владимира I) до 1682 г. (указы царя Федора Алексеевича); второй период – с 1682 г. по 1775 г., то есть до учреждения Приказов общественного призрения; третий период – с 1775 г. по 1864 г., когда было принято положение о земских учреждениях [96]. Здесь выделяется только три периода, а не пять, как у А. Д. Стога, и базу такой классификации составляет принцип изменения институтов помощи детям, соответствующих правительственным мерам России в социальной сфере.

Работы И. И. Бецкого посвящены практическим вопросам образования и воспитания детей-сирот в стационарных и полустационарных заведениях призрения. Его труды «Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества» (1764) и «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения до

юношества» излагают теорию создания «новой породы людей» (1776), посредством изоляции детей от вредного влияния общества, старых предрассудков и пороков в специально созданных для этого социальных заведениях – воспитательных домах [21].

Из произведений второй половины XIX – начала XX в., содержащих разработку проблемы общественного призрения детей в царской России, следует отметить работу Я. В. Ханькова «Исторический очерк правительственных мер по части общественного призрения в России» (1851) [331] и брошюру К. А. Мушинского «Устройство общественного призрения в России» (1862), где была подробно описана деятельность Приказов общественного призрения в Российской империи и источники их финансирования [154].

В 1839 г. В. Ф. Одоевский разработал «Положение о детских приютах», которое действовало в России на протяжении последующих 50 лет, являясь основным нормативным документом для большинства социальных заведений, в т.ч. в Крыму. Позже автором был опубликован «Наказ заведующим детскими приютами» с рекомендациями о критериях выбора смотрительниц для данных учреждений, режиме жизни детей в приютах [297]. При разработке этого документа В. Ф. Одоевский учел положительный педагогический опыт школы для детей Е. О. Гугеля – основателя российского дошкольного воспитания, а также детских социальных заведений за рубежом.

В соответствии с «Положением о детских приютах» и «Наказом заведующим...», разработанных В. Ф. Одоевским, приюты для детей должны были выполнять такие функции как: предоставлять убежище несовершеннолетним из бедных семей, остающимся без присмотра во время дневной работы родителей; внушать детям «чувство доброй нравственности и к этой цели направлять детские занятия и игры ... развивать умственные способности малолетних, приучать их к опрятности и порядку; давать воспитанникам основы знаний об окружающем мире, умения по ремеслу и рукоделию, а также поддерживать по возможности связь с семьями» [171, с. 67-

68]. Дети имели право находиться в приюте с 7.00 до 8 – 9 часов вечера. Согласно «Положению...» эти социальные учреждения подчинялись Комитету главного попечительства о детских приютах, который находился под покровительством императрицы. В обязанности этого комитета входило издание учебных пособий и руководств для приютов страны [171].

В 90-х гг. XIX – начале XX века в Российской империи стали появляться работы, в центре внимания которых была разработка законодательных основ общественного призрения в государстве. Одним из авторов подобных трудов был К. К. Грот, возглавлявший правительственную комиссию, созданную по распоряжению Александра III, которая в 1892–1897 гг. создала «Проект общих оснований положения об общественном призрении» [57]. В задачи комиссии К. К. Грота входило также выяснение положения дел в области помощи бедным в стране, обновление законодательства о благотворительности и разработка закона об общественном призрении.

Историографический интерес представляют работы, разработанные правительственной комиссией во главе с К. К. Гротом и опубликованные в 1892 г.: «Положение о попечительствах общественного призрения», «Некоторые данные о состоянии общественного призрения в России», «Свод ответов земских и городских управлений на основные вопросы общественного призрения». Эти документы ставили целью законодательные преобразования в социальной сфере России [57].

В связи со смертью К. К. Грота данные проекты не были доведены до логического конца, однако в целом автора можно назвать главным инициатором реформирования законодательной базы учреждений общественного призрения в Российской империи. Его законопроекты оказали существенное влияние на формирование общественного мнения о позитивной роли филантропии. На это указывает тот факт, что в последующее двадцатилетие (1897–1917) Министерство внутренних дел, Государственная дума, благотворительные ведомства в России в своих циркулярах и в практической деятельности постоянно ссылались на «интеллектуальный

капитал», накопленный Комиссией Грота [319]. В. Ф. Дерюжинский, является автором «Заметок об общественном призрении» (1887) и «Общественное призрение у крестьян» (1899) [68], выступал за создание нового устава, регулирующего деятельность всех социальных учреждений в России.

Стоит отметить, что многие предложения указанных авторов не были применены в практической деятельности по осуществлению общественного призрения, но в целом их работы оказала существенное влияние на становление правовой базы для работы действующих и создаваемых социальных учреждений на территории всей страны, в том числе в Таврической губернии и Крыму. Господствовавшие в начале XIX века эмоциональные оценки благотворительности в России ушли в прошлое, уступив место объективным аргументированным суждениям, основанным на материале реальной социологической и статистической картины потребностей общества. На основе анализа зарубежного опыта работы с несовершеннолетними и изучения социальных проблем в разных регионах страны, в России постепенно на протяжении XIX века стала складываться своя уникальная система социальных заведений для детей.

Одним из немногих российских исследователей феномена общественного призрения, который рассматривал в своих трудах в т.ч. и детские социальные учреждения Крыма, был Е. Д. Максимов [133]. Он усовершенствовал существующие на момент начала XX в. периодизации становления системы призрения на Руси с учетом произошедших историко-политических и социально-экономических изменений [131]. Е. Д. Максимов является автором нескольких работ, где использованы статистические и исторические материалы социальных учреждений и организаций для несовершеннолетних детей Крымского полуострова. Так, в его монографии «Очерки земской деятельности в области общественного призрения» (1895) приведены сведения о филантропической работе Таврического губернского земства по сравнению с аналогичными земскими учреждениями европейской части Российской империи [132].

В труде «Особые благотворительные ведомства и учреждения» (1903) Е. Д. Максимов исследовал структуру, механизмы взаимодействия центральных государственных ведомств, привлеченных к системе социальной защиты детского населения. Автор доказал, что общеимперские объединения, такие как Ведомство учреждений императрицы Марии, имели незначительное влияние на местные социальные заведения (в т.ч. на Детский приют им. А. М. Адлерберг и Керченский Мариинский приют), которые входили в его состав, из-за бюрократизации, которая мешала развитию современных методов опеки местного населения [133]. Необходимо отметить, что большая часть работ Е.Д. Максимова отличается фундаментальным обобщающим характером.

М. Д. Ван Путерен в своей книге «Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России» (1910) изложил некоторые аспекты призрения незаконнорожденных детей и подкидышей [42]. Будучи главным врачом императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, М. Д. Ван Путерен опирался на статистические материалы о содержании детей, полученные в т.ч. из Таврической губернии. М. Д. Ван Путерен сравнивает уровень смертности среди подброшенных младенцев из разных регионов Российской империи в конце XIX в. и отмечает, что детская смертность в учреждениях Таврического губернского земства был ниже, чем в других земских учреждениях страны [42].

В 1901 г. в Санкт-Петербурге опубликован фундаментальный коллективный труд «Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России» в двух томах, редактором которой выступил П. И. Лыкошин [22]. В первой части книги описывается история создания феномена опеки и призрения на Руси, развитие филантропического движения в Российской империи во время правления разных монархов (от Петра 1 до Николая II). Во второй же части издания содержатся очерки по истории благотворительных заведений, принадлежавших к Ведомствам учреждений императрицы Марии, в том числе о воспитательных домах и Ведомстве детских приютов, которое заведовало и двумя крымскими

учреждениями: Симферопольским детским приютом графини А. М. Адлерберг и Мариинским детским приютом в г. Керчи.

Значительный вклад в исследование проблемы социальных заведений для несовершеннолетних дореволюционного периода принадлежит крымским публицистам, краеведам и общественным деятелям. Первым, кто в 1890 г. составил подробное описание действующих благотворительных учреждений и организаций для детей в губернском центре – Симферополе, был Н. А. Святский. В его статье «История богоугодных заведений и благотворительных обществ города Симферополя» содержатся очерки по истории Детского приюта им. А. М. Адлерберг, сиротского дома им. А. Я. Фабра, Симферопольского благотворительного общества [268]. Статья Н. А. Святского насыщена фактами об открытии учреждений, их руководстве, финансах, контингенте, однако автор не делает выводов о состоянии общественного призрения в целом в Симферополе в рассматриваемый период, также его труды содержат мало материала о педагогической стороне воспитательной работы описываемых учреждений.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России продолжалась работа по теоретическому обоснованию деятельности учебных заведений интернатного типа для детей, не достигших совершеннолетнего возраста. Так, В. Я. Стоюнин в 70-х гг. XIX в. написал статью «Воспитательницам групп малолетнего отделения Московского воспитательного дома», в которой говорилось о важности соблюдения дисциплины, о самостоятельности ребенка и роли личности воспитателя, о содержании воспитательной работы в Московском воспитательном доме [305]. Произведения В. Я. Стоюнина оказали существенное влияние на замену схоластических, догматических, авторитарных методов обучения и воспитания в России.

Весомый вклад в развитие исследований по истории общественной благотворительности в Крыму принадлежит основателю краеведческого движения в Таврической губернии А. А. Маркевичу. В 1905 г. в своем труде «Таврическая губерния во время Крымской войны» он досконально

охарактеризовал благотворительную деятельность местных жителей во время Восточной войны и земских учреждений в сфере детского призрения [137]. Позже А. И. Маркевич стал директором приюта им. графини А. М. Адлерберг и подготовил очерк по истории данного учреждения, где исследователь восстановил главные этапы в истории развития приюта, описал жизнь воспитанников, привел статистические данные о количестве выпускников [138].

Подводя итоги первому досоветскому историографическому периоду становления социальных заведений в Крыму во второй половине XIX – начале XX в., можно отметить следующее: в центре внимания дореволюционных исследователей в сфере отечественной опеки и попечения несовершеннолетних в основном находились общегосударственные проблемы, а не региональные: законодательное регулирование социальной сферы в России, история и механизмы возникновения учреждений общественного призрения в стране, периодизация истории попечения детей, виды и методы опеки нуждающихся слоев населения, направления борьбы с беспризорностью и бедностью, особенности функционирования социальных заведений Российской империи.

Следует отметить также слабый интерес исследователей дореволюционной эпохи к изучению зарубежного опыта социальной работы, а также непосредственно детских социальных заведений. Отдельные аспекты деятельности социальных учреждений в Таврической губернии, в которую входил Крым, рассматривали лишь некоторые исследователи (М. Д. Ван Путерен, Е. Д. Максимов, А. Д. Стог). Крымские ученые, за исключением Н. А. Святского и А. И. Маркевича, также не обращались к проблеме социальной защиты детского населения полуострова. Ряд российских исследователей, которые рассматривали именно учреждения детского призрения в России (В. Я. Стоюнин), не обращались к материалам Крыма, изучая большей частью социальные заведения Центральной части России, Санкт-Петербурга и Москвы.

Недостаток научной разработки проблемы призрения детей в Крыму в дореволюционный историографический период может быть объяснен недавним (1783 г.) включением полуострова в состав Российской империи, а также тем, что изучаемый регион вплоть до 1921 г. не представлял собой отдельной административно-территориальной единицы, а входил в состав Таврической губернии.

Тем не менее, наличие во второй половине XIX – начале XX в. трудов и публикаций по исследуемому вопросу позволяет утверждать, что в досоветские времена состоялись первые попытки изучить отдельные эпизоды из истории общественного призрения детского населения как Российской империи в целом, так и Крыма. Однако глубокого и всестороннего анализа становления и развития сети социальных учреждений для опеки и попечительства несовершеннолетних в Крыму осуществлено не было. Во второй половине XIX – начале XX в. становление заведений социальной помощи населению (и детям, и взрослым) не рассматривалось еще учеными как целостное общественное явление, играющее существенную роль в социально-экономической и культурной жизни Таврической губернии.

Второй историографический период изучения отечественных социальных учреждений общественного призрения приходится на период с 1917 г. по 1991 год.

В научном наследии данного периода содержится мало опубликованных материалов, касающихся вклада историков советского периода и педагогов в освещение проблемы становления и развития системы общественного призрения детей Крыма в период XIX – начала XX века. Данное обстоятельство объясняется отчасти настороженным отношением советской власти по идеологическим мотивам к любым проявлениям научного интереса к частной благотворительности и освещением положительных аспектов развития социально-педагогических заведений того периода в царской России. Однако, несмотря на это, в советский историографический период учеными, общественными деятелями и педагогами было написано и опубликовано

определенное количество исследований, в которых рассмотрены вопросы создания и функционирования учреждений для сирот, беспризорных детей, многодетных семей в Крыму во второй половине XIX – начала XX века. Эти факты представляют интерес для дополнительного научного анализа, несмотря на их малочисленность.

Во время Всероссийского съезда комиссаров социального обеспечения (1918 г.) было решено издать декрет о национализации имущества благотворительных обществ и учреждений [272]. В результате этого все вопросы и проблемы опеки и попечительства нуждающихся семей, несовершеннолетних детей и сирот стали исключительно государственной прерогативой. Советская власть воспринимала частную благотворительность лишь как атрибут буржуазного общества, однако к общественному призрению и опеке такого отношения не было. В «Большой советской энциклопедии» можно найти достаточно подробные объяснения, хоть и несколько политизированные, таких понятий как «приказы общественного призрения», «приюты детские», «Ведомство учреждений императрицы Марии» и других категорий дореволюционной системы опеки и попечительства царской России [276].

Весомый вклад в развитие исследований по истории общественной благотворительности и патронирования в Крыму и Северной Таврии принадлежит организатору архивного дела в Крыму, о котором уже говорилось в этом параграфе, А. И. Маркевичу (1855-1942). В 1930 г. он опубликовал статью «Из культурного прошлого Крыма XIX в.: короткие очерки», где отдельные очерки посвятил основателям первых благотворительных учреждений Таврической губернии – А. Таранову-Белозерову и А. Я. Фабру [139]. Автор подробно осветил биографию этих меценатов, восстановил историю филантропических заведений, основанных на их пожертвования: Странноприимного дома Таранова-Белозерова и Сиротского дом Фабра (г. Симферополь). Необходимо подчеркнуть, что вышеупомянутая статья

А. И. Маркевича остается единственной известной работой по исследуемой проблематике именно в Крыму, подготовленной в советское время [139].

В конце 20-х – начале 30-х гг. вышли в свет педагогические труды П. П. Блонского [27], Н. К. Крупской [122], А. С. Макаренко [130], В. Н. Сорока-Росинского [356], С. Т. Шацкого [341], посвященные вопросам социального воспитания в советской России. Общие проблемы сиротства в дореволюционной России освещены в работах Е. П. Бусыгина [36], А. Д. Степанского [302], Л. В. Черепнина [337].

В 1968 г. Н. П. Ерошкин издал фундаментальный труд «История государственных учреждений дореволюционной России», в котором подробно описал устройство государственных учреждений различного типа с IX по XX вв. В этой книге упоминаются и учреждения общественного призрения для несовершеннолетних детей [78]. Н. П. Ерошкин отмечает, что во второй половине XIX века широкими полномочиями во всех сферах жизни страны было наделено Министерство внутренних дел, в котором полицейские ведали, в том числе и делами беспризорных детей, сирот, подкидышей.

В советский период характерной особенностью периодизации государственной системы социальной помощи населению является ее тесная связь с документами партии и правительства, которые служили указателями для обозначения периодов развития системы бесплатного социального обеспечения, которое на длительное время утвердилось в стране как ведущая форма поддержки определенных категорий граждан, постепенно оформившись в систему государственного обеспечения. М. В. Фирсов отмечает, что в работах раннего советского периода, посвященных государственной системе обеспечения упоминалось о существовании дореволюционных систем защиты взрослых и детей, хотя и в негативном смысле, а в работах позднего советского периода о них нет ни слова. Такая тенденция в освещении данного вопроса сохранилась до начала 90-х гг. XX в. [330].

В советский историографический период исследования социальных заведений для несовершеннолетних детей в царской России стали проводиться

за рубежом, в частности в США. Пик интереса в американской науке к этой проблеме пришелся на 80-90-е гг. XX в., когда вышли в свет монографии и статьи профессоров Дж. Брэдли [356], А. Линденмейер [357-358] и Д. Ренсела [359]. Рассмотрим их подробнее.

В исследованиях А. Линденмейер, которые продолжаются до сих пор, поднимаются многочисленные проблемы общественного призрения (в т.ч. детей) в России на всем историческом пути существования государства. Автор рассматривает роль церкви в формировании отношения общества к бедным и обездоленным; изучает реформирование органов местного самоуправления, повышение их роли в организации опеки и попечительства несовершеннолетних детей. Также А. Линденмейер пишет отдельные книги об известных личностях, занимавшихся благотворительностью в России (например, графине С. Паниной (1871-1956)). Одной из самых известных по исследуемой тематике является работа А. Линденмейер – «Бедность – не порок» (1996) [357].

Необходимо отметить, что не со всеми выводами автора можно согласиться. К примеру, исследователь считает, что в Российской империи любые независимые общественные инициативы имели политическую окраску, т.е. участие императорской семьи и дворянства в организации, финансировании и руководстве разнообразными государственными и частными социальными учреждениями имело политический смысл. А. Линденмейер точно подметила, что роль государственного управления в России была велика во всех сферах жизни страны. Действительно, именно государство часто становилось инициатором и спонсором, в лице императоров и членов их семей, в деле создания благотворительных заведений для несовершеннолетних детей. Однако это не является достаточным основанием, чтобы считать, что все общественные благотворительные организации и социальные учреждения во всей царской России имели политическую окраску: литературные источники и архивные документы содержат множество примеров бескорыстного, без всякой

политической подоплеки, участия дворянства и купечества в деле улучшения социального положения простого народа [358].

Американский ученый Дж. Брэдли в своих публикациях (1982) исследовал реформы системы социального обеспечения в России [356]. Он считает, что в советской научной литературе преувеличивается способность и желание царизма подавлять частную гражданскую инициативу и приводит в качестве доказательства факт наличия в империи в конце XIX века более десяти тысяч частных обществ и клубов, в том числе благотворительного и социального характера, обслуживавших как детское, так и взрослое население ничем не хуже своих западных аналогов [356].

Английский историк Д. Ренсел в своей работе «Политики Екатерининской России», используя материалы личной переписки и донесения иностранных дипломатов, сумел проанализировать влияние политики Екатерины II на привлечение внимания к социально-обездоленным слоям населения в следующем, XIX столетии [359].

Изучив научные труды отечественных и зарубежных авторов советского периода (1917 – 1991 гг.), рассматривавших историю становления социальных учреждений для детей во второй половине XIX – XX в. в Российской империи, можно сделать несколько выводов.

В первую очередь, необходимо отметить, что количество опубликованных материалов, касающихся деятельности социальных заведений для детей в исследуемый период в России, очень невелико (А. И. Маркевич, Н. П. Ерошкин). Несмотря на признание советской педагогикой самого факта существования развитой системы общественного призрения и большого количества социальных заведений для детей во второй половине XIX – XX в., опыт социальных учреждений целенаправленно не изучался и не использовался в практике работы советских детских домов.

В связи с почти полным прекращением историко-педагогических исследований социального характера в СССР эта тема начинает привлекать зарубежных ученых (США, Великобритания), которые рассматривают вопросы

опеки и попечительства над различными категориями населения, в т.ч. детьми, на всем историческом пути существования российского государства (Дж. Брэдли, А. Линденмейер, Д. Ренсел).

Вплоть до конца 80-х гг. XX в. тема общественного призрения несовершеннолетних детей в дореволюционном Крыму так и не стала предметом самостоятельного исследования. Лишь начиная с 1991 г. (третий историографический период), когда были сняты ограничения на исследования, а в отечественную науку пришли принципы свободы слова и плюрализма, в исторической и педагогической науке стал обнаруживаться интерес к различным аспектам проблемы деятельности учреждений опеки и попечительством над несовершеннолетними детьми во второй половине XIX – начале XX в. С 1991 г. ученые стран СНГ получили возможность без препятствий изучать историю дореволюционных социальных заведений с точки зрения научных позиций современности.

За 1991 – 2018 годы зарубежными и отечественными учеными проделана масштабная работа по изучению общественного призрения как феномена в Российской империи и Крыму, опубликован большой массив обобщающих трудов по истории педагогики. Причем изучение истории отечественной благотворительности второй половины XIX – начале XX в. предшествовало появлению научного интереса к исследованиям по становлению социальных заведений в Российской империи (С. В. Агулина [3], Е. Ю. Горбунова [52], М. Ф. Дмитриенко и А. В. Ясь [73], Д. А. Пашенцев [215]). Однако анализ истории становления социальных учреждений рассматриваемого периода далек от завершения в связи с исключительной объемностью источниковой базы исследования.

Вначале обратимся к анализу диссертационных работ российских и украинских ученых постсоветского периода, где рассмотрены некоторые вопросы опеки несовершеннолетних, развития и становления социальных учреждений для детей в Российской империи во второй половине XIX – начале

XX века. Подобные научные работы начинают появляться в конце XX – начале XXI века.

В первую очередь необходимо отметить тех исследователей, чьи работы характеризуются охватом проблемы призрения над детьми в Российской империи в целом. К таким можно отнести монографию Л.И. Беляевой «Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.)» (1995) [17]. Автор впервые комплексно исследовала историю становления и деятельности специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей во всей Российской империи (в т.ч. в Таврической губернии – Симферопольский исправительный приют) в дореволюционный период, выявила положения, сохраняющие актуальность и в настоящее время.

В 1997 г. украинский исследователь Ф. Я. Ступак предложил одну из первых классификаций благотворительных организаций, а позже, в 2010 г. он защитил докторскую диссертацию, которая была посвящена истории общественной опеки и благотворительности в Украине в конце XVIII – начале XX в. [307]. В ней автор использовал материалы дел Государственного архива в Автономной Республике Крым, освещающие деятельность Таврического приказа общественного призрения, Таврического губернского земства и сиротского дома А. Я. Фабра.

Интересна работа М. В. Раттур «Развитие системы общественного призрения детей и подростков в России (1881 – 1894 гг.)» (2004), где исследовательница обобщает социально-исторический опыт помощи детям в стране, дает детальную характеристику призрения несовершеннолетних, выделяет основные направления, виды и формы помощи детям и подросткам [246]. При этом, М. В. Раттур почти не касается вопросов возникновения и развития конкретных учреждений социально-педагогического характера.

Г. Н. Ульянова в 2005 г. опубликовала монографию «Благотворительность в Российской империи (XIX – начало XX в.)», где

исследовала проблемы социального призрения и благотворительности и внесла весомый вклад в осмысление источниковой базы исследуемой проблемы [318]. Также у Г. Н. Ульяновой работы есть персональный сайт в Интернете, где в открытом доступе размещены публикации по истории российской благотворительности в освещении историографии XIX – начала XX вв., гражданском обществе исследуемого периода, меценатах в сфере призрения [318-319].

Б. А. Зимаев в 2010 г. дал всестороннюю характеристику развитию системы общественного призрения в России в XVIII – начале XX в., историческим предпосылкам формирования российской системы общественного призрения, проанализировал деятельность земских попечительских органов [89].

Среди защищенных в последнее десятилетие в Российской Федерации диссертаций по тематике данного исследования необходимо отметить работу Е. Н. Мишаковой (2012), посвященную изучению становления и развития дошкольных образовательных учреждений в России второй половины XIX – начале XX в. [147], где автор обращается не только к сугубо дошкольным учреждениям, но и социальным, т.к. в рассматриваемый период многих беспризорных детей и сирот от двух до семи лет направляли в специализированные дошкольные учреждения или ясли круглосуточного пребывания.

Некоторые отечественные исследователи в своих трудах ограничили территориальные границы исследований определенной частью Российской империи или отдельной губернией. Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляют следующие работы: Л. В. Хотимова «Система социального призрения детей на Европейском севере России (последняя четверть XVIII-начало XX века)» (2003) [332] и М. Г. Ковалева «Учреждения социального призрения России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний)» (2006) [105]. В данных трудах выделяются общие для России факторы, влияющие на становление системы общественного

признания, анализируется историография и источниковая база исследования, упоминаются законодательные документы, регулирующие создание социальных заведений в России.

Вопросам периодизации этапов становления опеки и попечительства социальных заведений в современной историографии уделено особое внимание. Историко-педагогическая наука при этом базируется на объективности и логичности анализа фактов и тенденций. Каждая историческая эпоха обязана занять свою нишу в создаваемой периодизации общественного и частного признания нуждающегося населения страны. Данный подход позволяет специалистам рассматривать как ранние формы поддержки, которые чаще всего связывают с принятием на Руси христианства, так и архаические родовые формы, ставшие архетипическими формами для всех последующих систем социальной помощи.

Ряд современных российских авторов (Л. В. Бадя [14], Ю. В. Васильева [99], М. А. Галагузова [295], Е. П. Мерко [141]) выделяют несколько этапов становления и развития признания несовершеннолетних детей, начиная с Киевской Руси, Московского Центрального государства Российской Империи, СССР и до сегодняшних дней. Например, М. А. Галагузова выделяет 4 этапа развития благотворительности в государстве: I этап (IX-XVI вв.) – благотворительность начинается с деятельности церкви и частных лиц и не включена в обязанности государства; II этап (с начала XVII в. до реформ 1861 г.) – происходит появление государственных форм признания населения, создаются первые социальные учреждения; III этап (с 60-х гг. XIX в. до начала XX в.) – происходит переход от государственной благотворительности к частной филантропической деятельности, зарождаются общественные благотворительные организации; IV этап (с 1917 г. до середины 80-х гг. XX в.) – закрылись источники частной благотворительности и церковной благотворительности, государство взяло на себя заботу о социально нуждающихся категориях граждан [295].

Однако М. А. Галагузова не рассматривает современный период развития опеки и попечительства (XXI в.), не выделяет его в отдельный этап. Это сделали А. В. Мудрик и П. И. Нещеретный [159], выделив V, последний период развития социальных заведений в России – с 90-х гг. XX по XXI вв., который, по их мнению, характеризуется совместной деятельностью государства и частных лиц, создаются и развиваются новые благотворительные фонды, целевые программы оказания социальной помощи различным категориям населения, т.е. фактически возрождается частная благотворительность. Также изменяется отношение общественности к социальным категориям детей: государство пытается решить их проблемы путем расширения сети детских домов, открытия школ-интернатов, в том числе семейного типа, популяризируется опекунство и усыновление.

Наиболее полной и фундаментальной в отношении периодизации системы социальной помощи на Руси является позиция М. В. Фирсова, представленная с точки зрения «глобальных исторических факторов», которая базируется на периодизациях дореволюционных историков. Согласно периодизации М. В. Фирсова, со второй половины XVII века в России начинался период государственного призрения, который продолжался до середины XIX века. Затем в России наступает период общественного и частного призрения, когда в процесс оказания социальной помощи были вовлечены государственные и общественные структуры, использующие различные способы оказания помощи нуждающимся детям [330].

Периодизация системы социальной помощи М. В. Фирсова, в том числе несовершеннолетним детям, выглядит так: 1) архаический период (до X в.) – общинные и родоплеменные формы помощи у славян, а также взаимопомощь; 2) XII-XIII вв. – период церковно-монастырской и княжеской благотворительности; 3) с XIV в. по вторую половину XVII в. – период церковно-государственной помощи; 4) с середины XVII в. по вторую половину XIX в. – период государственного призрения; 5) период с конца XIX в. до начала XX в. – это общественное и частное призрение; далее следует 6) период

государственного обеспечения (1917 – 1991 гг.) и, наконец, 7) период социальной помощи продолжается с начала 90-х гг. по настоящее время. Внутри каждого из названных этапов становления системы социальной защиты детского населения на Руси М. В. Фирсов выделяет еще несколько периодов, в которых отражается специфика того или иного региона страны [330].

Отечественная медицина также не обошла вниманием историю социальной помощи сиротам второй половины XIX – начала XX в.: Г. Л. Микиртичан за последнее десятилетие опубликовала несколько работ, посвященных организации медико-социальной помощи детям в годы Первой мировой войны, истории создания Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества, проблемам борьбы с детской смертностью в сиротских учреждениях Российской империи [142-143].

Российская наука изобилует публикациями об отдельных типах социальных заведений для несовершеннолетних детей XIX – начала XX в. в периодических изданиях исторического, правового, юридического направлений: И. В. Синова и Д. К. Скрыльников, например, рассматривают воспитательно-исправительные учреждения для малолетних преступников [280], Н. В. Черкашина – государственное призрение незаконнорожденных детей [338], Т. В. Скляр изучает социальную деятельность по опеке над малолетними детьми [285].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что российские ученые в постсоветский период стали уделять пристальное внимание изучению становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей во второй половине XIX – начале XX в. Активное изучение истории педагогики дореволюционного периода объясняется стремлением ученых дать объективную оценку многим событиям и явлениям того периода. Но, отметим, что большая часть всех названных работ относится лишь к России в целом или к отдельным ее регионам, и практически не затрагивает историю социальной опеки над детьми на Крымском полуострове.

В Республике Крым востребованность и слабая изученность истории становления отечественных социальных заведений для несовершеннолетних детей, актуальность возвращения к глубоким традициям народной жизни, разнообразие методологических подходов к теории и практике социальной педагогики способствовали появлению ряда диссертационных работ, в которых с различной степенью глубины исследуются отдельные аспекты российской и крымской истории социальной помощи на различных ее этапах и в деятельности отдельных ее субъектов. В 1991-2013 гг. Крым являлся административной единицей Украины, что давало возможность украинским исследователям обращаться к изучению истории педагогики региона.

Крымский историк, этнограф А. Н. Савочка в своей кандидатской диссертации (2012 г.) обращается непосредственно к изучению общественной благотворительности в Таврической губернии (XIX – начало XX в.) [262]. В своей работе автор уделяет пристальное внимание становлению и развитию не только благотворительных организаций и объединений, но и заведений общественного призрения во всех уездах и градоначальствах Крыма (Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Ялтинский уезды; Керчь-Еникальское и Севастопольское градоначальство). А. Н. Савочкой проведена тщательная работа по сбору, обработке и анализу большого количества исторического и фактологического материала в крупнейших библиотеках и архивах Украины и России, в результате чего в научный обиход введен большой массив неопубликованных источников Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и государственных архивов г. Одессы и г. Симферополя Республики Крым. В них описан вклад различных благотворительных обществ Крыма в создание и финансирование большей части яслей, приютов, колоний для детей в разных городах Крымского полуострова. Отдельными параграфами исследователь выделяет детские приюты, а также общества помощи несовершеннолетним. Расширен и дополнен материал диссертации А. Н. Савочки монографией «Благотворительность в Таврической губернии (1802-1920)», где выделена периодизация развития

благотворительности и общественного призрения Таврической губернии [262]. Из всех проанализированных работ исторического характера, написанных в современный историографический период, именно исследование А. Н. Савочки представляет для наибольший научный интерес для данной диссертационной работы.

Начиная с 2001 г., в историографии наблюдается пристальное внимание к вопросам истории общественного призрения в разных регионах России, в т.ч. в Крыму. В частности, ученые, выходцы из научных школ «Гуманитарно-педагогической Академии (филиала) в г. Ялта» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», подготовили несколько серьезных работ, помогающих раскрыть специфику становления и развития социальных учреждений для детей Крыма второй половины XIX – начала XX в. К ним относятся работы Т. М. Головань «Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.)» [50], Г. Л. Круль «Благотворительно-просветительская деятельность семьи Романовых в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.» [122], Л. Н. Мокеевой «Становление и развитие благотворительности и патронирования в системе образования Крыма (XIX – начало XX в.)» [149]. Эти исследования содержат богатый фактологический материал о конкретных социальных заведениях для детей в Крыму в изучаемый период: колыбели для подкидышей, детские приюты, колонии в Ялте, Керчи, Севастополе, Симферополе, Евпатории. Названными авторами обобщены и систематизированы сведения из большого количества ценных архивных материалов, редких литературных источников.

В 2008 г. Г. Л. Круль на конкретном историко-педагогическом материале подготовила диссертацию, содержащую описание и оценку вклада царской семьи в развитие благотворительно-просветительского движения на территории Крымского полуострова. Г. Л. Круль рассмотрела предпосылки развития благотворительно-просветительской деятельности семьи Романовых, сосредоточив внимание в т.ч. на филантропических учреждениях для детей

(Детский приют им. А. М. Адлерберг), находившихся под покровительством императорской семьи [121].

В 2007 г. Т. М. Головань защитила диссертацию, в которой охарактеризовала становление и развитие яслей и дошкольных учреждений различных типов для подкинутых детей, сирот и беспризорных в Крыму в рассматриваемый период времени. Исследовательница проанализировала ведущие тенденции развития общественного дошкольного воспитания в Крыму, а также охарактеризовала организацию частными лицами (А. М. Адлерберг, С. А. Аренд, А. Я. Фабр) образовательной и воспитательной работы в дошкольных учреждениях для малообеспеченных слоев населения в регионе. Также Т. М. Головань в своей работе выделила четыре периода становления и развития общественного дошкольного воспитания в Крыму во второй половине XIX – начале XX века [50].

Л. Н. Мокиева в 2010 г. рассмотрела предпосылки и этапы возникновения благотворительности и патронирования в системе образования Крыма и их роль в развитии детских приютов, дошкольных учреждений и начальных школ полуострова во второй половине XIX – начале XX в. [149].

Отдельно нужно отметить публикации, монографии и диссертационные работы крымских ученых о развитии системы образования на полуострове во второй половине XIX – начале XX в. К ним относятся научные труды А. В. Глузмана [169], С. А. Вишневого [169], Д. А. Прохорова [173], Л. И. Редькиной [169]. Их исследования представляют серьезный научный интерес, освещают отдельные фрагменты, связанные с темой данной диссертации, и способствуют изучению становления социально-педагогических заведений в Крыму в указанном отрезке времени.

Православная церковь играла значительную роль в организации педагогического процесса в социальных заведениях для несовершеннолетних детей во второй половине XIX – начале XX вв. В связи с этим важно изучение работы крымских исследователей Е. В. Моцовой («Развитие конфессиональных учебных заведений в Крыму в XIX – первой половине XX в.»)

[151] и Л. П. Шкарлат («Образовательная деятельность православной церкви к Крымской епархии (1859-1917 гг.)» [345].

Среди литературных массивов можно найти работы о деятельности какого-либо одного социального заведения или благотворительного общества. Одной из таких работ является диссертация О. М. Бобковой – «Административная и культурно-просветительская деятельность А. Я. Фабра на Юге Украины (30-е – первая половина 60-х гг. XIX в.)» (2007 г.) [28-29], где отдельный параграф посвящен сиротскому дому А. Я. Фабра. Для описания работы данного социального учреждения О. М. Бобкова привлекла большое количество архивных источников, а также материалы одесских и крымских изданий, что дало возможность автору достоверно восстановить картину деятельности сиротского дома в исследуемый период.

Многие авторы в своих работах описывали жизнь и деятельность отдельных лиц – благотворителей Российской империи. Здесь можно указать статьи и монографии А. Н. Боханова [35], В. В. Комиссаровой [109], в которых представлены биографические очерки о жизни и общественной работе отдельных меценатов, характеристики ряда благотворительных организаций и направлений их деятельности.

Последние публикации (2012-2017 гг.) по социальному воспитанию детей в учреждениях опеки Крыма середины XIX – начала XX вв. принадлежат крымской исследовательнице Е. С. Красюковой [118-119].

Таким образом, третий (современный) историографический период изучения становления социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму является самым плодотворным в российской историко-педагогической науке. Данный период характеризуется большим количеством фундаментальных работ по проблеме призрения детей в различных губерниях России, а также в Российской империи в целом. Многие из них рассматривают становление учреждений социального характера Крыма. Однако научных работ, целью которых было бы глубокое и всестороннее исследование становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй

половине XIX – начале XX в. проведено не было, что позволяет обратиться к изучению данной проблемы.

Основой для изучения вопроса о становлении и развитии социальных заведений Крыму второй половины XIX – начала XX в. и написания данного диссертационного исследования являются несколько групп источников. Их можно разделить на две группы: опубликованные и неопубликованные.

Опубликованные источники охватывают широкий круг материалов, которые отличаются по происхождению, информационным возможностям и степени объективности. Наиболее значимыми источниками изучения истории становления социальных заведений являются: документы государственного законодательства и нормативно-правовые акты (например, «Свод законов Российской империи», «Полное собрание законов Российской империи») [264-265, 223]; делопроизводственная документация социальных заведений для несовершеннолетних детей, общественных организаций и учреждений (уставы, статуты, положения, договоры); материалы периодических изданий (заметки, статьи, объявления местных газет, журналов); статистические материалы (отчеты и пр.); источники личного (частного) происхождения: письма, воспоминания, завещания.

Ко второй группе материалов относятся неопубликованные архивные источники, т.е. архивные дела. В ходе работы над диссертацией были исследованы фонды региональных и ведомственных архивов Крыма с целью выявления неопубликованной информации о деятельности социальных заведений на полуострове.

Комплекс документов по истории социальных учреждений полуострова хранится в Государственном архиве Республики Крым (г. Симферополь). Деловая документация изучаемых организаций сконцентрирована в ряде фондов органов местного самоуправления, таких как «Канцелярия Таврического губернатора» (ф. 26), «Таврическое губернское правление» (ф. 27), «Симферопольская городская управа» (63), «Канцелярия Керчь-Еникальского градоначальника» (ф. 162). Именно здесь сохранились отчеты как

самих губернаторов, так и отдельных социальных заведений. Большую информативную ценность имеют отчетные и распорядительно-организационные документы, которые есть в фондах Симферопольской городской дворянской опеки (ф. 53), Таврическом губернском приказе общественного призрения (ф. 115), Конторы симферопольских богоугодных заведений Таврического губернского приказа общественного призрения (ф. 174). Необходимые в ходе исследования материалы также можно почерпнуть из фондов Сиротских судов: ф. 57 – Симферопольский городской сиротский суд, ф. 56 – Бахчисарайский городской сиротский суд, ф. 625 – Евпаторийский сиротский суд.

Научный интерес для данного исследования представляют фонды самих социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму, например, в делах фонда 120 «Симферопольский детский приют им. Тайного статского советника А. Я. Фабра Ведомства императрицы Марии, г. Симферополь Таврической губернии (1864-1915)» сконцентрированы документы об организации детского приюта, об устройстве детей в него, содержатся записки воспитанников заведения (например, воспоминания Г. П. Доценко [86]), есть книга постановлений совета попечителей сиротского дома, положение о ремесленной школе при приюте, переписка душеприказчиков тайного советника А. Я. Фабра [104, 141, 224, 324].

Анализ источниковой базы по теме исследования свидетельствует о том, что она дает возможность воссоздать целостную картину истории становления и развития социальных заведений в Крыму во второй половине XIX – начале XX века.

Подводя итог обзору историографии и источниковой базы по проблеме становления детских социальных заведений в Крыму во второй половине XIX – начале XX в., можно отметить, что как отечественные, так и зарубежные ученые на протяжении трех эпох (дореволюционной, советской и современной) проявляли интерес к теме данного исследования. Они освещали феномен общественного призрения детей в Российской империи с разных точек зрения,

как многогранное, комплексное явление. Однако большинство исследователей (педагоги, историки, юристы, медики) не затрагивают собственно крымскую тематику создания и развития дореволюционных социальных учреждений для несовершеннолетних, что препятствует формированию обобщенного представления о социальных заведениях для детей второй половины XIX – начале XX вв. в Крыму.

Следовательно, в течение XIX – начала XXI вв. были изучены лишь отдельные эпизоды истории возникновения и развития социальных учреждений в регионе. Наибольший вклад в раскрытие исследуемой проблемы внесли такие дореволюционные специалисты как И.И. Бецкой [21], М. Д. Ван Путерен [42], П. И. Лыкошин [22], Е. Д. Максимов [131-135], В. Ф. Одоевский [171], Н. А. Святский [268], А. Д. Стог [304], Я. В. Ханьков [331], однако они освещали преимущественно тему возникновения и развития учреждений опеки над детьми в целом в Российской империи. При этом никаких обобщающих работ по историографии или источниковедению, которые бы системно и всесторонне раскрывали становление социальных учреждений для несовершеннолетних детей в дореволюционном Крыму во второй половине XIX – начале XX века проведено не было. Советские историки и педагогики, кроме Н. П. Ерошкина [78] и А. И. Маркевича [137-139], также не внесли сколько-нибудь существенный вклад в раскрытие проблемы исследования.

Значительная работа была проделана современными, в частности, крымскими учеными: О. М. Бобковой [28-29], Т. М. Головань [50], А. Н. Савочкой [261-263], Е. С. Красюковой [434-435]. Однако их историко-педагогические изыскания не раскрывают глубоко и всесторонне феномена становления системы социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму как постоянного педагогического и социокультурного явления, существенно повлиявшего с дореволюционных времен на общественное развитие Крымского полуострова, гармонизацию межсословных и межэтнических отношений жителей региона, чем и обусловило проведение настоящего диссертационного исследования.

1.2. Понятие «социальные заведения для несовершеннолетних детей» и их типы в системе общественного призрения Крыма во второй половине XIX – начале XX века

Исследование и характеристика большинства социально-педагогических явлений и событий не может быть полной без всестороннего рассмотрения сути и происхождения основного терминологического аппарата. Именно поэтому в разработке теоретических положений, связанных с выявлением особенностей становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.) ключевое значение имеет определение сущности и содержания основных педагогических дефиниций диссертационной работы.

Основополагающей категорией темы исследования является понятие «социальные заведения для несовершеннолетних детей». Обратимся к ее рассмотрению в справочной (словари, энциклопедии, справочники), нормативной (Законы и законодательные акты Российской империи, Российской Федерации), учебно-методической (исторической, социально-педагогической, юридической) литературе. При этом для наиболее полного раскрытия содержания и происхождения понятийного аппарата будут использованы как современные, так и дореволюционные издания.

Репрезентативный анализ существующей научной литературы XIX – XX веков показал, что общепринятого определения основного понятия диссертационной работы в отечественном законодательстве, науке и практике не выделено, так же, как и не обозначена категория «социальные заведения».

В современной нормативно-правовой базе Российской Федерации выделены некоторые обобщенные термины, близкие к рассматриваемой:

– учреждения социальной защиты населения включают в себя широкий перечень (около 20 наименований) существующих в России реабилитационных и психологических центров, приютов, образовательных и иных организаций для всех возрастных категорий населения [253];

– социальные службы для детей, которые трактуются как «организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, осуществляющие мероприятия по социальному обслуживанию детей (социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, медико-социальных, психолого-педагогических, правовых услуг и материальной помощи, организации обеспечения отдыха и оздоровления, социальной реабилитации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, обеспечению занятости таких детей по достижении ими трудоспособного возраста)» [255];

– организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, включают в себя образовательные организации, медицинские организации, а также организации, оказывающие социальные услуги, в которые помещаются под надзор дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей [253].

Однако ни одно из перечисленных современных определений не может быть тождественно совокупности социальных учреждений для детей дореволюционного Крыма в виду системных различий государственного устройства социальной сферы Российской Федерации и Российской империи. Поэтому необходимо продолжить анализ научной литературы для формирования дефиниции «социальные заведения для несовершеннолетних детей».

Другие нормативно-правовые документы (Постановления Правительства РФ, Указы Президента РФ и пр.) дают лишь определения конкретных типов учреждений социальной защиты несовершеннолетних: детский дом, социальный приют, детская колония, интернат, реабилитационный центр.

Анализ как советских, так и современных справочных изданий: энциклопедий и энциклопедических словарей (например, «Большая советская энциклопедия» [32]); педагогических и социально-педагогических словарей («Словарь-справочник по педагогике» В. А. Мижерикова [289], «Педагогический словарь» Г. М. Коджаспирова [107], «Словарь по образованию и педагогике» В. М. Полонского [287], «Педагогический

энциклопедический словарь» под редакцией Б. М. Бим-Бада [216], «Словарь по социальной педагогике» Л. В. Мардахаяева [288], также Интернет-ресурсов не выявил вариантов определений категорий «социальные заведения» или «социальные учреждения».

Наиболее полное дореволюционное справочное издание, энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, также не содержит исследуемых понятий [350-352]. При этом словарь Брокгауза дает достаточно полную характеристику всех заведений, направленных на социальную помощь населению: «детские (сиротские) приюты», «ясли», «воспитательные дома», «богадельня». Кроме этого словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона характеризует такие понятия как «охрана детей», «опека», «призрение (общественное)», «благотворительность», «сиротский суд», «приказ общественного призрения». Исходя из столь пристального внимания, которое многотомный словарь 1890-1907 гг. уделяет сфере разнообразных социальных услуг населению, можно утверждать то, что система общественного призрения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. достигла высокого уровня развития и распространения, обеспечивая опеку и попечение [350]. Т.е. сами «социальные заведения» были весьма распространены во всех губерниях царской России в исследуемый период.

Категория «социальные заведения» не обнаружена также в таких научно-исследовательских работах XIX века как «Об общественном призрении в России» А. Д. Стога [304], «Благотворительная Россия» П. И. Лыкошина [22], «Очерки земской деятельности в области общественного призрения» Е. Д. Максимова [135]. Детальный анализ данных произведений показал, что во второй половине XIX – начале XX века совокупность заведений социально-педагогического характера называлась учреждениями общественного призрения.

«Большая советская энциклопедия» – крупнейшее справочное издание середины XX в. также не содержит дефиниции «социальные заведения» либо «социальные учреждения» [32].

Таким образом, детальное изучение опубликованных источников литературы XIX-XXI веков не дало возможности выявить сформулированное кем-либо ранее исчерпывающее определение «социальных заведений для детей», которое должно было бы обобщить все типы учреждений социально-педагогического характера для несовершеннолетних во второй половине XIX – начале XX вв.

Следовательно, для дальнейшего исследования становления социальных заведений для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века необходимо разработать рабочее определение изучаемой категории, конкретизировав составляющие его части: «социальные заведения» и «несовершеннолетние дети».

Одно из первых упоминаний категории «заведение» найдено в нормативной литературе начала XX в. «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (1909 г.) предусматривало, что «в воспитательно-исправительные заведения помещаются несовершеннолетние от 10 до 17 лет, признанные виновными в совершении какого-либо преступного деяния по определениям и приговорам суда...» [117, с. 404]. До выхода данного «Положения» в предыдущих законодательных документах Российской империи использовалась категория «учреждение».

Российский исследователь, юрист Л. И. Беляева в своей работе «Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX века)» также апеллирует понятием «учреждение» [17], как и К. К. Кораблин в своих публикациях на тему историко-правовых проблем несовершеннолетних в исправительных заведениях России [113]. Оба ученых понимают «заведение» как синоним слова «учреждение».

В педагогических словарях самостоятельное понятие «заведение» не встречается, а лишь в словосочетаниях (например, «высшее учебное

заведение») и чаще всего понимается как образовательное учреждение, а не социальное.

Обобщая проведенный контент-анализ, можно утверждать, что значение термина «заведение» – широко, этим словом можно назвать практически любую организацию или предприятие, вне зависимости от его формы собственности, направления деятельности, подчинения, целей и специфики работы. Следовательно, в рамках данной работы, рассматривающей социальные заведения второй половины XIX – начала XX в., будут описываться как частные организации, находившиеся на содержании меценатов и благотворительных обществ, так и государственные, финансировавшиеся из казны Российской империи.

За основу рабочего определения термина «заведение» в диссертационной работе будут взяты трактовки «Нового толково-словообразовательного словаря русского языка» Т. Ф. Ефремова (2010) [80] и «Толкового словаря русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992) [172]: заведение – это учреждение всех форм собственности, по преимуществу учебное и воспитательное, занимающееся обучением, воспитанием и развитием, дающее образование.

Рассмотрим теперь понятия «социальное» как категорию педагогики и социальной педагогики. В связи с такой универсальностью понятия «социальное» современная наука по-разному объясняет и понимает его.

Анализ справочной литературы позволил сделать обобщение относительно основных значений рассматриваемого понятия «социальное»: данным понятием (социальное) охватывается совокупность проблем жизни человека – взаимоотношения между разными сообществами и индивидами, состояние окружающей среды, условия труда, быта, отдыха, обеспечения духовными и материальными благами, специфические проблемы женщин, молодежи, детей, пожилых людей.

То есть, социальное – это «особый аспект общественных отношений, который возникает в ходе совместной деятельности индивидов и социальных

общностей в конкретно исторических условиях, проявляется в отношении друг к другу, к своему положению в обществе, к явлениям и процессам общественной жизни» [276, с. 56]. Данная трактовка определения «социального» наиболее близка по содержанию сфере социально-педагогической деятельности и может быть использована в исследовательской работе. Т.е. социальное явление или процесс возникает в случае разделения общества на социальные слои, группы в ходе взаимодействия людей, характеристики их проблем: экономических, бытовых, возрастных и пр., например, социальные проблемы детей-сирот, беспризорных, детей с ограниченными возможностями.

Таким образом, конкретизировав содержание и сущность отдельных категорий «заведение» и «социальное», можно сформулировать рабочее определение понятия «социальные заведения»: это учреждения всех форм собственности, бесплатно осуществляющие социальное воспитание и обучение, дающие образование социально незащищенным категориям населения (рис. 1).

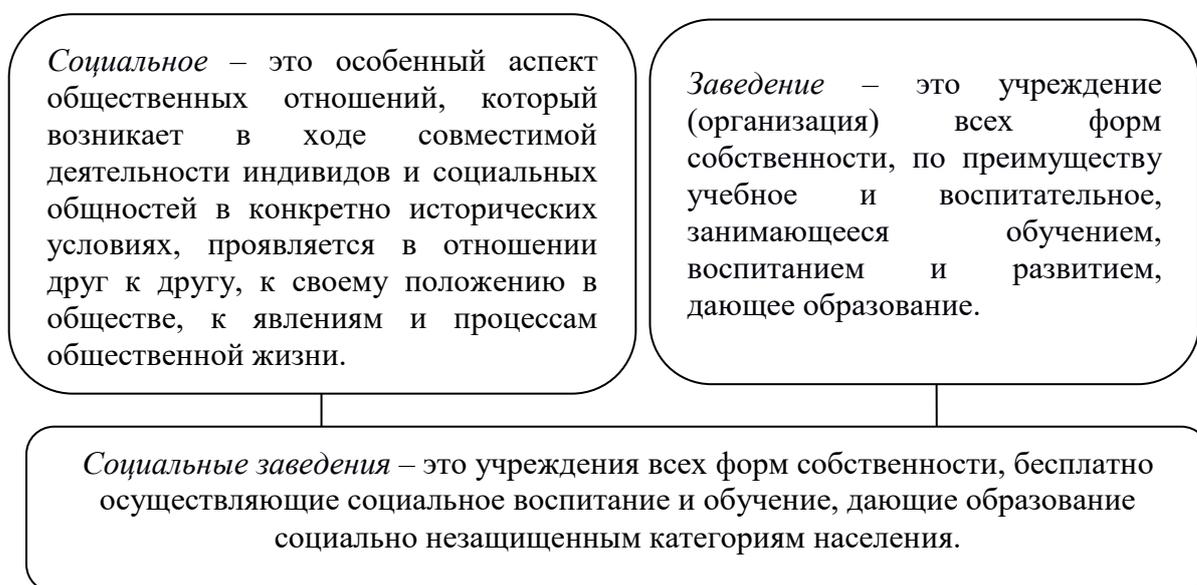

Рисунок 1. Схема рабочего определения «социальные заведения»

Обратимся к рассмотрению сущности понятия «несовершеннолетний ребенок». В отличие от категории «социальные заведения» данный термин имеет однозначное определение в первую очередь в законодательной базе

Российской Федерации и Российской империи, а также в большинстве современной справочной литературе.

Термин «несовершеннолетние дети» впервые встречается в нормативном документе от 15 августа 1845 г. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», подписанном Николаем I. Статья 145 гласит: «несовершеннолетние, имеющие от роду более четырнадцати лет, но менее двадцати одного года, за учинение преступлений, которые влекут за собою лишение всех прав состояния, подвергаются тем же наказаниям, как и совершеннолетние, с тою лишь разницей, что...» (далее указываются некоторые послабления в наказаниях несовершеннолетних детей) [85].

В словарях и энциклопедиях (В. Даля, Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Д. Н. Ушакова, русского библиографического института Гранат) понятие «несовершеннолетний ребенок» не выделяется, а есть только трактовка категорий «дети», «ребенок» [314, 350-353].

Согласно Конвенции о правах ребёнка [110], Семейного, Гражданского, Трудового РФ ребёнок – это лицо, не достигшее восемнадцати лет (совершеннолетия) [256-258].

Таким образом, в исследуемый временной отрезок несовершеннолетними детьми считались дети от рождения до достижения ими 21 года, но в данном диссертационном исследовании под несовершеннолетним ребенком будем понимать детей от рождения до достижения ими 18 лет в соответствии с современной нормативно-правовой базой.

Следовательно, для характеристики содержания понятия «социальные заведения для несовершеннолетних детей» в ходе исследования был проведен анализ наиболее типичных определений отдельных понятий: «заведение», «социальное», «несовершеннолетние дети». В результате обобщения и систематизации всей полученной информации было сформулировано рабочее определение основного понятия исследования: «социальные заведения для несовершеннолетних детей – это учреждения всех форм собственности, осуществляющие бесплатный уход, социальное воспитание, обучение и

дающие образование детям до 18 лет, находящимся в трудной жизненной ситуации» [276, с. 58].

Отдельного внимания требуют категории, входящие в состав сформулированного рабочего определения, такие как «трудная жизненная ситуация», «социальное воспитание».

По Федеральному Закону «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» № 159 к понятию несовершеннолетние, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, относятся: дети, оставшиеся без родительского попечения и дети-сироты, инвалиды, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети из многодетных и малообеспеченных семей, дети-беженцы, беспризорные дети, несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы (воспитательные колонии), а также дети, оказавшиеся в экстремальных условиях (военный конфликт, вынужденное переселение) [255].

Анализ современной научной литературы показал, что общепризнанное определение социального воспитания отсутствует. Существующие в XX-XXI вв. трактовки данного понятия несколько раз изменяли свою форму и содержание под влиянием новых знаний, получаемых современной наукой о социальном воспитании. По-мнению З. А. Аксютинной, наиболее спорным моментом в определении социального воспитания является видовой параметр: 1) социальное воспитание – это часть воспитания; 2) воспитание – это часть социального воспитания [7]. В данной работе будем придерживаться первой точки зрения: социальное воспитание как часть воспитания.

Д. Е. Мураткина дает определение социального воспитания, наиболее близкое к тематике данной диссертационной работы: это «...возможность предоставления ребенку, находящемуся в трудной жизненной ситуации под воздействием некоторых нежелательных факторов, ориентации в отношениях, возникающих в ходе его участия в различных видах деятельности; созданием ... отношений, предполагающих вытеснение и замещение ... прежнего социального опыта новым содержанием, связанным с принятием новой системы ценностей, преобразованием себя и своего социального окружения»

[152, с. 10]. Данное определение взято за основу социального воспитания в нашем исследовании.

Термин «социальное воспитание» (наряду с понятием «социализация») появился сравнительно недавно в связи с развитием социальной педагогики и социальной работы, поэтому в данной работе будут использоваться также категории «общественное воспитание» и «общественное признание», широко распространенные в XIX – начале XX в. и имеющие общие черты с современным «социальным воспитанием».

Понятие «общественное воспитание», в отличие от понятия «общественное признание», вышедшего из употребления после событий Октябрьской революции 1917 г. в России, не потеряло своей актуальности и в современной педагогике. Современный исследователь Н. А. Кочкина сформулировать следующее определение: «общественное воспитание – целенаправленный и научно обоснованный процесс развития личности ребенка в обществе сверстников под руководством педагогов-профессионалов в образовательных учреждениях в соответствии с общественными ценностями» [116].

Таким образом, репрезентативный анализ научно-педагогической литературы дал возможность конкретизировать и охарактеризовать категориальный аппарат диссертационного исследования, определив содержание таких понятий как «социальные заведения для несовершеннолетних детей», «социальное воспитание», «трудные жизненные обстоятельства», «общественное воспитание».

Прежде чем перейти к исследованию социальных учреждений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века необходимо кратко охарактеризовать типы социальных заведений для детей, существовавшие в России в исследуемый период. Каждое из этих учреждений имело специфику своей организации и управления, содержания учебно-воспитательной работы с детьми.

Первым светским типом социального учреждения для несовершеннолетних в России стали воспитательные дома, открытые в 1764 г. в Москве и в 1770 г. в Петербурге Екатериной II в соответствии с утверждённым ею «Генеральным планом» И. И. Бецкого. Это были закрытые учебно-воспитательные учреждения для сирот, беспризорных и подкидышей без сословных ограничений. Создание в Москве и Петербурге воспитательных домов сыграло ведущую роль не только в возникновении светских социальных заведений для детей в Российской империи, но и имело положительное значение для развития педиатрической и педагогической науки [21]. Но в Таврической губернии в XIX в. воспитательные дома не были открыты [343].

Самым распространенным типом социальных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России были детские приюты. Впервые они появились в XVIII в. при монастырях и церковных приходах для призрения подкидышей и беспризорных детей 3-14 лет. При этом богадельни для взрослых содержались церковью с периода средневековья, а с 1706 г. государство обязало ее призывать в т.ч. детей и вдов [351].

Совершенно другая ситуация складывалась в указанный период в Крымском Ханстве, где с трудом выживали единичные монастыри, при которых никаких детских приютов не было, т.к. к XVII – XVIII вв. христианство здесь было практически полностью вытеснено исламом. Православная церковь вновь восстановила свое влияние на население полуострова только в XIX в. [316].

После неудачи с воспитательными домами в 1837 г. в Санкт-Петербурге был открыт новый тип социальных заведений для несовершеннолетних – приют при Демидовском доме трудящихся, который предназначался для дневного присмотра за детьми работающих матерей. Вскоре такие же детские приюты стали открывать в различных губерниях и крупных городах России. В 1838 г. для руководства детскими приютами был создан Комитет главного попечительства под руководством Л. Строганова [283-284]. В это время Крым уже являлся частью Российской империи, поэтому развитие системы

социальной защиты детей в государстве создавало благоприятные предпосылки для становления социальных заведений для несовершеннолетних на полуострове.

В 1839 г. было разработано «Положение о детских приютах», позволившее уездным и губернским попечительствам открывать на средства частной благотворительности организации для призрения несовершеннолетних. Контролировали деятельность данных социальных учреждений местные органы власти, филантропические объединения и общественность. Социальные заведения, открытые для детей во второй половине XIX в. в Крыму тоже руководствовались данным «Положением» [171].

Государство в XIX в. не принимало регулярного участия в финансировании приютов для детей. Систематическую помощь они получали в основном через крупнейшее из благотворительных организаций царской России – Ведомство учреждений императрицы Марии (1796 г.) [350]. Ей подчинялись такие социальные заведения Крыма середины XIX в. как приюты им. графини Адлерберг и статского советника Фабра в Симферополе, Керченский Мариинский, Севастопольский береговой приют.

Деятельность детских приютов материковой части Российской империи и на крымском полуострове в XIX в. отличалась: светские детские приюты Санкт-Петербурга и Москвы создавались государством и общественностью для несовершеннолетних, у которых есть родители, а монастырские и приходские приюты в России призревали сирот. В Крыму же функционирование большинства монастырей, разрушенных и закрытых в средневековье, было восстановлено лишь ко второй половине XIX века, поэтому в начале XIX столетия православие не имело возможности создавать детские приюты на полуострове.

В XIX в. рост беспризорных детей в Российской империи привел к тому, что в 1846 г. во всех приютах для несовершеннолетних был разрешен ночлег, а позже, в конце XIX ст. – постоянное проживание детей-сирот. Эти

нововведения позволили крымским городам 50-60-е гг. XIX в. открыть на полуострове социальные заведения для круглосуточного проживания сирот.

Анализ источников литературы позволяет выделить виды социальных учреждений для детей, действующих в Крыму в исследуемый период: по характеру деятельности их можно разделить на религиозные (например, приют для мальчиков Свято-Троицкого православного братства в Керчи) и светские (все остальные детские приюты полуострова); по источнику финансирования бывают государственные социальные заведения (земские приюты, например, Таврический земский для подкидышей), частные, содержащиеся на средства меценатов (например, приют Фабра) и благотворительные (на средства благотворительных обществ и частные пожертвования). По подчинению (управлению) вышестоящей организации социальные учреждения могут относиться к земствам, Ведомству учреждений императрицы Марии, Министерству внутренних дел, другим ведомствам (например, военному), или благотворительным организациям (караимскому, еврейскому, татарскому). По возрасту детей выделяют такие виды социальных заведений как колыбели для подкидышей (дети младенческого и раннего возраста), детские приюты и сиротские дома (дети от 3-4 до 17 лет), исправительные приюты, приют-корабль и прочее (подростки до 18 лет). Также можно классифицировать социальные учреждения для детей по времени пребывания воспитанников: круглосуточные, дневные и смешанные; по полу детей: только для девочек (например, Керченский приют или им. Адлерберг), только для мальчиков (приют-корабль, приют им. Фабра), для обоих полов; по происхождению ребенка: дети низших чиновников и крестьян; купцов и мещан; низшего дворянства, духовенства и военных; 3) по национальности и вероисповеданию воспитанников: приюты, предназначенные по уставу или завещанию мецената для отдельных национальностей или вероисповеданий (например, приют Фабра предназначался только для христиан). Можно разграничить социальные заведения по контингенту детей: а) сиротские дома (только для круглых сирот) б) специализированные приюты для детей воинов, рабочих, малолетних

преступников и в) другие детские приюты для детей, имеющих родителей, но в силу бедности или занятости не имеющих возможность их содержать; а также по географическому расположению: городские и уездные (например, Ялтинский городской детский приют), губернские (Таврический земский приют).

Охарактеризуем краткую сущность наиболее распространенных типов социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму середины XIX в.

Сиротскими домами называли социальные учреждения для детей дошкольного и школьного возраста, предназначенные исключительно для несовершеннолетних сирот, у которых умерли оба или один родитель, а также беспризорных, не имеющих родственников. Такие учреждения, как правило, работали круглосуточно и круглогодично и имели закрытый режим жизни. Воспитанники находились в них по достижении ими возраста 13-16 лет [273].

Детские приюты комбинированного (смешанного) типа – это социальные учреждения для детей от 3-4 до 13-18 лет, в которых имели право бесплатно находится как сироты, полусироты и беспризорные дети (круглосуточно), так и за умеренную плату дети, приходящие для дневного пребывания (традиционно с 7-8 ч. утра до 16-17 ч. вечера), обучения и воспитания несовершеннолетние, у которых были родители или родственники.

Колыбели (тайные) для подкидышей – социальные заведения для незаконнорожденных детей и подкинутых младенцев с рождения до 3-х лет, которых чаще всего принимали анонимно. Большинство подобных учреждений работали совместно с тем или иным детским приютом для того, чтобы подрастающие дошкольники имели возможность переходить в сиротский приют.

Приют-убежище для детей – круглосуточное социальное учреждение для бездомных несовершеннолетних, бесплатно предоставляющее им возможность проживания, питания, осуществляющее воспитание и школьное образование (например, приют-убежище в Керчи им. Месаксуди).

Очаг для детей – социальное заведение для дневного призреия и организации досуга беспризорных детей дошкольного и подросткового возраста, предоставляющее в том числе учебно-воспитательные услуги, а также при необходимости – медицинскую и юридическую помощь, моральную поддержку (например, очаг для детей мобилизованных родителей).

Следует отдельно сказать о единственном в Крыму исправительном приюте в Симферополе, созданном во второй половине XIX в. для перевоспитания, обучения и образования несовершеннолетних подростков до 18 лет, совершивших преступления в Таврической губернии. Также стоит отметить Корабль-школу им. цесаревича Алексея в Севастополе, предназначенную для профессионального обучения морскому делу подростков до 18 лет: сирот, полусирот, беспризорных.

В связи с благоприятными климатическими возможностями Крымского полуострова в начале XX века местная власть вместе с благотворительными обществами и духовенством стали открывать летом в Евпатории, Ялте и других приморских городах детские колонии и санатории для оздоровления. Эти учреждения нельзя назвать социальными заведениями, однако некоторые из них предоставляли бесплатные путевки беспризорным, полусиротам и детям из бедных семей, поэтому для полноты исследования их вклад в социальное воспитание несовершеннолетних на полуострове будет кратко раскрыт и охарактеризован в тексте диссертации. Например, бесплатный санаторий для лечения детей из малоимущих семей супругов Гелиловичей под Евпаторией.

Сведения о типах (видах) социальных заведений для несовершеннолетних обобщены в таблице в приложении А. Большое количество и разнообразие социальных заведений для детей второй половины XIX в., наличие грамотных сотрудников в них позволили значительному количеству сирот, беспризорных и детей из бедных семей удовлетворить их физиологические и социально-бытовые потребности, обеспечить медицинский уход и должный уровень воспитания и образования, в т.ч. профессионального.

Следовательно, усилия различных ведомств государственной власти, благотворительных организаций, частных лиц и царской власти привели в конце XIX в. в Крыму к сокращению детской смертности, повышению уровня образования и воспитания неблагополучных категорий детей. Подавляющее большинство детских приютов полуострова второй половины XIX – начала XX в. служили образцом лучших социальных заведений страны.

1.3. Общая характеристика и состояние социальной сферы Крыма в изучаемый период

История отечественной опеки и попечительства является неотъемлемой составляющей национального прошлого. Возникновение теории и практики социального воспитания и обучения нуждающихся детей в различных учреждениях связаны с историей, культурой, этническими особенностями и традициями народа, зависят от уровня экономического развития государства, опираются общечеловеческие ценности, нравственные и религиозные представления о человеке и детях.

В целом вплоть до XVIII в. благотворительной деятельностью в сфере помощи нуждающемуся населению, в том числе детям, на всей территории Российской империи занималась церковь и монастыри. С их помощью в селах и городах открывались и функционировали госпитали, при церквях – больницы для бедных. Они представляли собой примитивные, в большей степени медицинские, а не социальные учреждения, которые осуществляли лечение, уход, предоставляли временное проживание и пропитание обездоленным гражданам: как взрослым, так и детям. Обособленных детских социальных заведений практически не существовало, если не брать во внимание помощь городских громад и сельских общин, обеспечивающих пропитание и приют детей и сирот, брошенных на произвол судьбы.

До XVII-XVIII вв. государство осуществляло лишь несистематическое и незначительное участие в организации учреждений опеки для нуждающегося

населения, а церковные приходы и монастыри не всегда имели возможность заниматься благотворительностью. В связи с этим социальная помощь оказывалась нерегулярно и была неравномерно распространена в разных губерниях и уездах России, при этом часто ограничиваясь удовлетворением только физиологических, хозяйственно-бытовых нужд людей без внимания к их уровню культурны, нравственности или уровню образования [330].

Крымское ханство с XV века по XVIII в. (1774 г.) являлось вассалом Османской империи. Большую часть населения полуострова в это время составляли крымские татары, поэтому особенности становления социальных заведений для детей в православной Руси имели мало общего с процессами, происходившими в Крыму. Изучение источников, описывающих жизнь татарского населения Крымского ханства (И. Тунман, В. В. Тур), не позволило найти каких-либо упоминаний о существовании заведений, призревающих сирот и других нуждающихся в опеке детей на полуострове [316, 317].

Тем временем на материковой части России в XVII-XVIII вв. активно продолжался сложный и разноуровневый процесс оказания социальной помощи нуждающимся. Вместе с государственной опекой функционировали многочисленные частные и общественные благотворительные организации. Материальную основу практически всех форм филантропии преимущественно составляла частная инициатива. Меценаты несли в дело общественного призрения не только свои личные материальные средства, но и духовность и человеколюбие, которых часто не доставало государственной системе [52].

С начала XVII века в России происходит зарождение государственных форм призрения, начинают открываться первые социальные заведения. Историю призрения детей связывают с царем Федором Алексеевичем и его указом от 1682 г., в котором говорилось о необходимости обучения детей грамоте и ремеслам [123]. При Петре I впервые детство и сиротство становятся объектом попечения государства, а с 1706 г. в стране открываются первые приюты для незаконнорожденных детей, куда их помещают с соблюдением анонимности происхождения [211]. Екатерина II во второй половине XVIII в.

продолжила совершенствовать формы и методы поддержания нуждающихся, создав в 1775 г. Приказы общественного призрения – специальные административные органы в каждой губернии Российской империи, в обязанность которых входило управление такими учреждениями как сиротские дома, народные школы, работные дома, госпитали, богадельни. К примеру, Таврический приказ общественного призрения начал работу в 1784 г., Херсонский – в 1803 г. [262].

Кроме приказов общественного призрения в губерниях России существовали органы, играющие вспомогательную роль в системе социальной помощи населению: дворянские опеки и сиротские суды. Первые заботились об имуществе дворянских детей-сирот и недееспособных дворян; в то время как вторые занимались другими сословиями: сиротами и вдовами купцов, мещан, ремесленников, крестьян. Обе организации решали вопросы, связанные с имуществом сирот и недееспособных граждан, размещали их в социальные заведения страны, назначали официальных опекунов из числа родственников или посторонних лиц, предоставляли жилье членам пострадавшей семьи, отчитывались о проделанной работе перед попечительским советом.

В Крыму первой была открыта Симферопольская дворянская опека (1787 г.), затем Ялтинская дворянская опека. Сиротских судов на полуострове с 1789 г. по 1900 было открыто восемь: Бахчисарайский, Евпаторийский, Карасубазарский, Керчь-Еникальский, Перекопский, Симферопольский, Старокрымский, Ялтинский [234].

Устойчивую традицию для женской половины семьи Романовых заниматься вопросами милосердия и благотворительности заложила императрица Мария Федоровна (1759-1828), которая систематически занималась проблемами воспитательных и сиротских домов в России, в т.ч. в Крыму, а ее именем во второй половине XIX в. был назван Керченский Мариинский приют [15].

Таким образом, в XVIII в. государство начинает создавать специальные социальные институты, которые осуществляют политику в деле оказания необходимой поддержки и защиты нуждающихся детей, а церковь понемногу отходит от дел опеки и призрения нуждающихся, выполняя другие функции.

В 1768 – 1774 гг. русско-турецкая война положила конец трехсотлетнему османскому господству в Крыму, и 8 апреля 1783 г. по манифесту Екатерины II полуостров стал частью Российской империи. На территорию Крыма вошли русские войска, были построены города-крепости Севастополь и Симферополь. Впоследствии Симферополь стал административным центром Крыма и сердцем общественной, частной и государственной благотворительности для детей в Крыму.

Ко времени присоединения Крыма к России население полуострова насчитывало около 60 тыс. человек, занятых преимущественно скотоводством (крымские татары). В составе царской России на полуострове стало расти русское и греческое население; также приезжали осваивать новые земли болгары и немцы. Спустя столетие крымчан стало больше почти в 10 раз: в 1897 г. по всеобщей переписи населения Российской империи численность жителей Крыма равнялась 546 592 человекам [217].

В 1802 г. по указу Александра I была создана административно-территориальная единица, просуществовавшая до 1921 г. – Таврическая губерния, включавшая в себя Крым и южную часть современной Украины (Днепровский, Фанагорийский и Мелитопольские уезды). В губерниях государственную власть представляли губернаторы, а каждая губерния состояла из уездов. Например, Таврическая губерния состояла из семи уездов, четыре из которых были крымские (Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский и Перекопский), и двух градоначальств (Керчь-Еникальского и с 1873 г. Севастопольского). В 1838 г. Ялтинский уезд был выделен из Симферопольского и стал самостоятельной административной единицей [4]. Таким образом, на территории Крыма заработало российское законодательство и началось становление различных образовательных и социальных учреждений для несовершеннолетних детей. Можно сказать, что к середине XIX века тенденции развития Крымских уездов во всех сферах жизнедеятельности уже мало чем отличались от тех, которые находились на материковой части России [7].

В период правления Александра I (1801-1825) любая общественная и благотворительная деятельность в стране считалась государственным делом и поддерживалась властями при помощи системы поощрений: присвоением званий, титулов, награждением орденами, знаками. Таким образом, государство эффективно побуждало дворянство и купечество для помощи нуждающимся. Например, чины и ордена давались как награда за значительный благотворительный вклад в определенную область общественной жизни. Каждому чину отвечали ордена соответствующей степени [50].

Стимулируя участие населения в общественной опеке и попечительстве, само правительство вкладывало в это дело незначительные средства, т.к. уже в это время стало понятно, что забота о нуждающихся слоях населения – тяжелое бремя для государственной казны. Именно поэтому в Крыму, как и по всей Российской империи, росло значение и вес общественной благотворительности. Важную роль в движении милосердия играл элемент престижа – лица, направлявшие свои силы, время и средства в систему опеки и призрения детей, словно бы привлекались к высшим сословиям общества. В редких случаях за значительный вклад в дело благотворительности меценат мог даже получить потомственное дворянство, что было в дореволюционной России высшей формой поощрения [52].

В эпоху царствования Александра I во многих губерниях России открываются многочисленные социальные заведения, направленные на общественное призрение и защиту детей. Постепенно в империи формируется сеть подобных учреждений разного типа, налаживаются механизмы оказания благотворительной помощи, которая охватывает все больший круг детей с социальными проблемами: дефект развития или болезнь, бродяжничество, сиротство, беспризорность, преступность [71]. В структуре деятельности Приказов общественного призрения особое место занимали учреждения для сирот, открывающиеся в большинстве губерний страны, в т.ч. в Крыму [262]. Однако, в связи с тем, что смертность в сиротских домах была высокой и порой доходила до 60-75%, многих воспитанников по указам Сената от 1815 и 1828 гг. отдавали на воспитание в семьи крестьян и мещан [222]. Приемным семьям вменялся в обязанность не

только уход за сиротой, но и его надлежащее воспитание, обучение ремеслу [308].

27 октября 1839 г. Николаем I было подписано «Положение о приютах» – нормативный документ, регулировавший деятельность всех приютов в Российской империи вплоть до конца XIX века [43]. Это позволило определенным образом систематизировать работу существующих в стране социальных заведений, создало законодательную базу для дальнейшего становления системы социальной защиты в России в целом и в регионах в частности.

В 1845 г. император подписал первый уголовный кодекс в истории России – «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», который вносил изменения в систему наказаний несовершеннолетних детей, совершивших преступления: возраст «невменяемости» несовершеннолетних преступников был увеличен с 10 до 14 лет, а сам характер наказаний подростков смягчен, хоть и незначительно [78]. Позже, в 1890 г. это дало возможность открыть в Симферополе исправительный приют для малолетних преступников [95].

После смерти императрицы Марии Федоровны Николай I своим указом объединил все учреждения, находившиеся под ее контролем, в единое ведомство, которое в 1854 г. было названо Ведомством учреждений императрицы Марии. Полномочия и спектр работы этой организации был широк: организация и помощь приютам для сирот, институтам благородных девиц, женским гимназиям и училищам, а также школам для глухонемых и слепых на всей территории Российской империи, в том числе в Таврической губернии [82].

Органы государственной власти и общественность первой половины XIX в. многократно отмечали неудовлетворительную деятельность сиротских и воспитательных домов для детей в Российской империи. В частности речь шла о содержании и воспитании сирот, незаконнорожденных детей и «подкидышей»: большинство из них в будущем часто пополняли ряды нищих и бродяг [133]. Однако в Таврической губернии, а, соответственно, и в Крыму, в первой половине XIX в. не было открыто ни одного социального заведения.

Несмотря на указанные в первой половине XIX в. положительные сдвиги в деле организации социальных заведений для детей в России, во время правления Николая I (1825-1855) в стране началось постепенное замедление разных форм благотворительной деятельности, а для создания какого-либо учреждения социального характера стало необходимым получить разрешение самого царя. Правительство относилось недоверчиво к общественной благотворительности, что способствовало бюрократизации и мешало развитию системы социальной защиты детского населения на государственном уровне [132].

Таким образом, основными недостатками мероприятий, проводимых государством в первой половине XIX в. с целью социальной защиты и поддержки несовершеннолетних детей, можно назвать недостаточность нормативно-правовой базы для работы социальных заведений, их скудное финансирование, отсутствие теоретических знаний и практического опыта социальной деятельности в светских учреждениях России, избирательный характер помощи правительства социальным заведениям, нехватка квалифицированных кадров, разрозненность деятельности различных социальных учреждений, отсутствие централизованного управления социальной сферой и единой организации их деятельности, недостаточность заимствования зарубежного опыта социальной работы с детьми. Очевидны и положительные тенденции: а) российская государственная власть предприняла первые попытки создать целостную систему заведений социально-педагогической направленности; б) в кругах прогрессивной общественности начала реализовываться идея активного участия в создании и деятельности социальных учреждений для нуждающихся категорий детей.

1.4. Предпосылки и этапы становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века

В середине XIX в. в связи с общим отставанием экономики Российской империи от западных стран, разрушениями, причиненными Крымской войной, трудностями в реализации реформ Александра II как в России в целом, так и в Таврической губернии в частности, остро обозначились проблемы, связанные с опекой несовершеннолетних: возрос уровень детской беспризорности, подросткового нищенства и преступности, увеличилось количество подкидышей, наблюдалась безграмотность среди молодежи и высокая детская смертность. Решались эти сложные вопросы путем создания в Крыму сети социальных заведений, где несовершеннолетние дети из числа сирот, беспризорных, подкидышей и бедных многодетных семей могли получить необходимую им защиту, квалифицированную медицинскую помощь, педагогическую поддержку, достаточный уровень образования и воспитания, позволяющий им в дальнейшем овладеть ремеслом и достойно жить.

Становление системы социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму началось во второй половине XIX века и было обусловлено рядом предпосылок, которые можно объединить в следующие группы:

– геополитические и демографические (последствия Крымской и Первой мировой войны, географическое положение полуострова и его климатические условия, миграционная политика Российской Империи);

– социально-экономические и нормативно-правовые (реформы Александра II – земельная, земская, судебная, самоуправления; развитие инфраструктуры и промышленности в Крыму; высокая детская смертность; совершенствование законодательной базы в сфере социальной защиты населения);

– культурно-педагогические и духовные (реформа образования; развитие культур национальных меньшинств; участие церкви и духовенства в обучении и воспитании детей в социальных учреждениях Крыма).

Рассмотрим вначале геополитические и демографические предпосылки становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму.

Уникальное географическое положение Крыма и его благоприятные климатические условия привели к тому, что за последние 30 веков своего существования полуостров побывал под властью более десятка государств и народов. Многочисленные захватнические войны древности и средневековья, неоднократная смена власти и государственного устройства в Крыму обусловили невозможность раннего создания в регионе регулярной системы социальных заведений для несовершеннолетних. Лишь после того, как полуостров в конце XVIII в. был присоединен к Российской Империи, в Крыму наступил относительно длительный период стабильности (около двух веков) и стало возможным становление системы опеки и призрения детей.

Кроме этого, отсутствие учреждений для призрения детей в исследуемом регионе было обусловлено малочисленностью его населения вплоть до XIX в. Ко времени присоединения Крыма к России население полуострова насчитывало около 60 тыс. человек, большей частью – сельские жители (татары), занятые преимущественно скотоводством [45]. Многие из возникших после присоединения Крыма к России населенных пунктов вплоть до второй половины XIX века оставались малочисленными (Евпатория, Феодосия, Ялта, Перекоп) и представляли собой скорее поселки, а потому проблемы беспризорных детей и сирот не стояли там настолько остро, чтобы подтолкнуть жителей и органы власти к созданию социальных заведений для несовершеннолетних [316]. Можно предположить, что традиции взаимопомощи крымских татар-односельчан, исповедующих ислам, способствовали коллективному присмотру и помощи за сиротами, в отличие от особенностей городского населения, и не требовали создания специальных учреждений для приюта детей, лишившихся родителей.

В конце XIX в. крымчан стало почти в 10 раз больше по сравнению с началом столетия: в 1897 г. по всеобщей переписи населения Российской империи численность жителей Крыма равнялась 546 592 человекам (37,75% населения Таврической губернии), проживавшим в двенадцати городах и 2500 селах [217]. При этом наблюдался стремительный рост городского населения (Симферополь, Севастополь, Ялта, Евпатория, Феодосия, Керчь), в основном, из числа купечества и мещанства. Центром Таврической губернии был Симферополь, где находились все губернские учреждения и организации. Также к крупным городам Крыма того времени можно отнести города Севастополь и Керчь [218]. Население полуострова увеличивалось не только за счет благополучных слоев населения, но и бедноты, которая приезжала в Крым в поисках работы.

С одной стороны, происходил прирост населения Крыма за счёт переселенцев, но, в то же время, имел место и отток населения с полуострова: тысячи крымских татар уехали в Турцию, опасаясь репрессий царской власти из-за поддержки противника России в Крымской войне. Другой причиной эмиграции татар было их массовое обезземеливание под давлением русских помещиков [100]. Таким образом, из почти полностью крымско-татарского население Крыма за несколько десятилетий XIX века стало многонациональным.

Во второй половине XIX века правительство Александра II стало поощрять переселение в Крым из других губерний страны и из-за рубежа. В результате в составе России на полуострове стало расти не только русское, но и греческое население; также приезжали осваивать новые земли болгары и немцы. Это способствовало сравнительно быстрому росту населения Крыма, многонациональному по своему составу. В последствии представители разных национальностей и вероисповеданий объединятся в национальные (Русское, Еврейское, Армянское, Караимское, Греческое, Немецкое благотворительные общества) и конфессиональные филантропические объединения (мусульманские, православные, католические, иудейские и другие

благотворительные организации), которые занимались, в том числе, помощью социальным учреждениям для детей [262].

Постройка в 70-90х гг. XIX в. железных дорог в Крыму и интерес членов царской фамилии к отдыху на южном берегу Черного моря также способствовали миграции населения в Крым и активизации всех сторон жизни полуострова [109]. В Крым устремляется придворная знать, высшие чиновники, помещики. В течение двух-трёх десятилетий весь Южный берег покрывается дворцами, виллами и дачами. На полуостров приезжают выдающиеся личности, потенциальные меценаты социальной сферы Крыма, которые в будущем станут финансировать детские приюты (члены семьи Романовых, Воронцовых, Шлее, А. М. Адлерберг, К. И. Айвазовский, В. И. Жуковский, М. И. Кашкадамов, А. С. Таранов-Белозеров, А. Я. Фабр). Центром курорта становится Ялта, которая быстро растёт и благоустраивается [100].

Вторая половина XIX века – это начало превращения Крыма в здравницу. После того, как лейб-медик царской семьи С. Боткин одним из первых врачей открыл исключительную благоприятность климатических условий Крыма для лечения больных, многие известные люди приезжают отдыхать и восстанавливать свое здоровье на Южном берегу полуострова (например, А. П. Чехов). Также на полуостров приезжают тысячи больных людей со всей России в надежде на исцеление от заболеваний органов дыхания, в т.ч. туберкулеза. Климатические условия Крыма начинают использовать врачи, в том числе для лечения детей: открываются детские климатические колонии в Ялте, Евпатории [51].

Ключевым фактором, подтолкнувшим общественность полуострова к созданию социальных заведений для опеки несовершеннолетних детей, стала Крымская война 1853-1856 годов, имевшая разрушительные последствия для полуострова: были разорены приморские города, в частности на Западе Крыма, разрушен Севастополь, серьёзно подорвана промышленность и экономика региона. Война принесла и человеческие страдания: многочисленные жертвы среди взрослого населения оставили значительное число детей-сирот и

пострадавших: инвалидов и беспризорных [42]. Именно эти обстоятельства в 1853-1854 гг. подтолкнули дворянство столицы Крыма и лично губернатора Н. А. Адлерберга к срочному открытию в Симферополе первого социального заведения для детей – сиротского приюта, получившего имя его супруги, графини Амалии Максимилиановны [138]. Создание данного учреждения в начале второй половины XIX века способствовало подъему местной благотворительности и становлению в дореволюционном Крыму системы разнообразных заведений опеки и попечения для несовершеннолетних детей.

В начале XX в. Российская империя снова принимает активное участие в масштабных военных действиях Первой мировой, вследствие чего особую актуальность приобретает государственная поддержка семей воинов, их вдов и сирот. Для этого в Крыму были открыты отделения филантропических объединений разного типа: Императорского женского патриотического общества, занимающегося устройством детей военных в учебные заведения; Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния; Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям; Императорского человеколюбивого общества [262]. Указанные организации создавались и финансировались при содействии государства и контролировались непосредственно царской семьей. Каждое из них занималось созданием и финансированием новых социальных заведений для несовершеннолетних или устройством детей в существующие, преимущественно, входящие в состав Ведомства учреждений императрицы Марии. Таких в Крыму во второй половине XIX века было открыто семь: в 1854 г. – Симферопольский детский приют им. графини А. М. Адлерберг, затем сиротский дом для мальчиков им. тайного статского советника А. Я. Фабра (1864 г.), в 1873 г. – Керченский Мариинский приют для девочек, Севастопольские приюты – для мальчиков (1893), «береговой» (1903 г.) и приют-корабль им. цесаревича Алексея (1908 г.), а также детский приют в Ялте (1916 г.) [274].

Следовательно, к геополитическим и демографическим предпосылкам начала становления и дальнейшего развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму относятся: стремительное увеличение численности населения Крыма после его присоединения к России (конец XVIII – XIX вв.) спровоцировало рост социальных проблем, в том числе детской беспризорности; миграционная политика и, как следствие, – многонациональный состав населения полуострова способствовал созданию в Крыму в XIX в. национальных и этноконфессиональных благотворительных организаций помощи детям; Крымская война обострила все существующие на полуострове социально-экономические проблемы населения, а ее последствия многократно ускорили открытие первых социальных заведений для детей в Крыму (1854 г.); благодаря климатическим условиям Крымского полуострова по второй половине XIX в. царская семья делает его местом своего отдыха, в регионе обосновывается цвет нации – высшая знать, дворянство, что приводит к созданию филантропического общественного движения, направленного на решение социальных проблем Крыма; события Первой мировой войны вынудили царскую власть в начале XX в. увеличить государственное финансирование социальных заведений для детей, специально создавая учреждения для поддержки вдов и сирот воинов.

С геополитическими тесно взаимосвязаны социально-экономические предпосылки появления в Крыму первых социальных учреждений для несовершеннолетних. После окончания Крымской войны в 1856 г., хозяйственно-экономическая жизнь многих городов полуострова опустела, особенно Евпаторийского, Перекопского и Симферопольского уездов и Севастопольского градоначальства. Более 300 селений остались без жителей, появилось много незанятых земель [123].

Крымская война усугубила все проблемы феодально-крепостнической России, в т.ч. и в социальной сфере, и изменило отношение власти к частной и государственной благотворительности. Существовавшая во время Николая I система общественного призрения не отвечала требованиям времени, не была

готова взять на себя ответственность за пострадавшие семьи военнослужащих, их детей, оставшихся без родительского попечения. Необходимость осуществления социально-экономических реформ и коренного преобразования сферы опеки и призрения несовершеннолетних стала очевидной, что требовало изменений и в законодательной сфере государства [261].

К социально-экономическим и нормативно-правовым предпосылкам создания и развития сети крымских приютов для несовершеннолетних относятся результаты пореформенного периода второй половины XIX в., когда руководство России во главе с новым императором Александром II (1855-1881) начало подготовку преобразований, воплощенных в жизнь в 60-70-е гг. XIX в. Из них наиболее значимыми для развития системы общественной опеки и попечения стали следующие реформы: земельная (1861 г.), земская и судебная (1864 г.), реформа самоуправления (1870 г.). Рассмотрим, как каждая из них способствовала становлению социальных заведений для детей в Крыму [89].

Отмена крепостного права в 1861 г. стала своеобразным толчком к модернизации страны. Несмотря на невыгодные условия земельной реформы для самих крестьян, она сыграла важнейшую роль в развитии России. Резко возросла подвижность населения, расширился рынок наёмного труда: многие свободные крестьяне в поисках работы переезжали со своими семьями из сел в города, где несовершеннолетние оказывались в новых для себя условиях, часто без контроля взрослых [268].

Преобразования в аграрном секторе второй половины XIX в. повлекли за собой изменения и в других сферах экономической жизни Российской империи: в Крыму стала интенсивно развиваться промышленность. В губернском центре, Симферополе, было развернуто масштабное строительство инфраструктурных объектов: площадей, церквей, жилых домов, почтовых отделений, больниц, гимназий, промышленных предприятий. В городах полуострова преобладало мелкое производство по обработке продуктов пищевой и легкой промышленности на основе местного сырья: консервные заводы, табачные фабрики, мукомольные предприятия. К концу XIX – началу XX века здесь

появились уже и крупные предприятия тяжелой промышленности: металлургический завод в Керчи, судоремонтные мастерские в Севастополе [5]. Для работы на этих объектах в Симферополь устремились потоки строителей и переселенцев разных национальностей и имущественного положения, среди которых были и социально неблагополучные слои населения с несовершеннолетними детьми (малоимущие, многодетные семьи и пр.). Занятость родителей (14-16 ч. в день) в этих семьях ограничивала их возможности присмотра за своими детьми, в результате чего несовершеннолетние фактически были предоставлены сами себе, как следствие увеличивалась детская безнадзорность, преступность, травматизм, заболеваемость и смертность детей. Последнее явление представляло собой особо острую проблему медико-социальной сферы не только в Российской империи, но и во всей Европе XIX в. [140].

В крупных городах Крыма на многочисленных предприятиях трудилось значительное количество женщин, росла их занятость в общественном производстве, активность в сфере социальных отношений, защите детских интересов и прав. Таким образом, стремительное развитие экономической инфраструктуры Крыма во второй половине XIX века имело и свои негативные последствия в виде осложнения возможностей семей выполнять свои функции по воспитанию детей.

Соответственно росла и необходимость в специальных социальных учреждениях по воспитанию и обучению детей разного возраста: разнообразных приютах, яслях, убежищах, воспитательных домах, колониях, которые бы обеспечивали квалифицированный подход к воспитанию и обучению безнадзорных и беспризорных детей. Однако государство в начале второй половины XIX века не уделяло достаточно внимания данной проблеме и не выделяло существенных средств на ее решение. Эти обстоятельства вынуждали руководство и общественность городов искать другие пути создания разнообразных образовательно-воспитательных и социальных заведений, которые осуществляли бы присмотр и уход за детьми.

Так в Крыму в исследуемый период началось бурное развитие общественного благотворительного движения, несмотря на недостатки государственного и законодательного регулирования сферы призрения и опеки детей. Во второй половине XIX в. на полуострове появляется большое количество филантропических организаций, которые дают толчок становлению социальных заведений для несовершеннолетних: Симферопольское благотворительное общество (1870 г.), организатор Е. И. Жуковская; Керченское женское благотворительное общество (1871 г.), организатор Е. Симонович; Ялтинское благотворительное общество (1871 г.), организатор княгиня Е. Трубецкая. Они способствовали открытию в Крыму первых приютов для сирот и беспризорных. Также в устройстве новых социальных заведений для нуждающихся детей принимали активное участие влиятельные частные лица Таврической губернии: супруга губернатора – графиня А. М. Адлерберг, статский советник А. Я. Фабр, супруга известного врача С. А. Аренд (Сонцова). [149].

В комплексе нововведений Александра II одно из ведущих мест принадлежало земской реформе (1864). Она предусматривала создание выборных местных органов самоуправления – земств, что в итоге привело к ликвидации Приказов общественного призрения и изменению управления системой социальной защиты населения. Несмотря на то, что функции контроля за системой общественной опеки остались за Министерством внутренних дел, в большей части губерний его осуществляли городские и земские учреждения, ставшие правопреемниками Приказов общественного призрения. Земским органам принадлежала вся полнота власти в сфере общественного призрения и попечительства [98]. Таврическое земство и земские учреждения заработали в конце 1866 г., на них была возложена в том числе функция призрения несовершеннолетних. В каждом уезде Таврической губернии было образовано уездное земское собрание и губернская земская управа [135].

В последней четверти XIX в., когда в большинстве губерний начинает складываться личный состав земских врачей, появляются первые официальные

сообщения о призрачности и сложности положения детей. Одновременно общественное мнение в лице медиков, ученых, деятелей земств чаще обращается к проблемам брошенных детей. Как свидетельствует М. А. Ошанин, именно в 80-е гг. XIX в. «земцы начинают прислушиваться к голосу науки, и ... в разных губерниях появляются приюты для подкидышей; содержание их начинает улучшаться», а смертность уменьшается [166, с. 4].

С 90-х гг. XIX века по решению земств во главе приютов ставятся врачи, организуются патронажи и производятся исследования по технике содержания детей. В этот период увеличиваются земские сметы на общественное призрение за счет выдачи им правительством безвозвратных субсидий. В результате после проведения земской реформы социально-педагогическая поддержка детей в стране значительно активизировалась. Так, количество сиротских и воспитательных домов с 1861 по 1891 гг. в целом в Российской империи увеличилось почти в 2 раза [135].

Единой нормативно-правовой базы для всех социальных заведений Российской империи ко второй половине XIX в. не существовало. К тому же в пореформенный период в губерниях сложилась двойная система управления системой общественной опеки, что мешало ее работе: старая форма – через приказы общественного призрения; и новая – с помощью земских учреждений. Последняя имела более разветвленную сеть услуг помощи и отличалась мобильностью, а, значит, была прогрессивнее [236]. Следовательно, земская реформа привела к усовершенствованию управления социальными заведениями для несовершеннолетних и улучшению содержания в них детей по сравнению с приказной, которая существовала в первой половине XIX в.

Параллельно с земской реформой царская власть инициировала упрощение процедуры создания социальных заведений и благотворительных организаций: в 1859 г. царем были удовлетворены большинство прошений этих организаций в различных регионах страны; с 1862 по 1869 г. все полномочия по выдаче официальных разрешений на деятельность различных социальных заведений и благотворительных организаций, в том числе для несовершеннолетних детей,

перешли к Министерству внутренних дел; в 1864 г. появился документ, позволяющий церковным братствам заниматься образовательной, миссионерской деятельностью и опекать нуждающееся население [216].

Таким образом, в начале второй половины XIX века правительством Александра II были устранены многие бюрократические препятствия, стоящие на пути создания социальных заведений, что создало дополнительные нормативно-правовые предпосылки для развития сети детских приютов в Крыму.

Судебная реформа Александра II в 1864 г. дала возможность устройства исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних преступников в Российской империи, наподобие тех, что уже существовали в странах Западной Европы. В 1866 г. вышла вторая редакция «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», где поручалось судам вместо заключения совершивших преступления детей в тюрьму направлять их в исправительные учреждения. 5 декабря того же 1866 г. император утвердил закон «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников», в соответствии с которым создавались системы учреждений для несовершеннолетних заключенных, где они отбывали наказание в виде лишения свободы. В новом законе определялись порядок и условия исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, которые значительно отличались от мер, применяемых в отношении взрослых преступников. Было установлено раздельное содержание несовершеннолетних женского и мужского пола [114]. Создание подобных социальных заведений было возложено на государство, земства, филантропические общества, духовные учреждения и частных лиц.

Первые социальные заведения для несовершеннолетних преступников в России были созданы в Москве и Санкт-Петербурге, и только после съездов представителей пенитенциарных учреждений в 1881 и 1884 гг. их стали один за другим открывать во всех регионах страны [117]. Цель исправительных заведений для малолетних заключалась в том, чтобы оградить их от негативного влияния тюрьмы, где дети содержались вместе со взрослыми [211]. Для предупреждения рецидивов девиантного поведения после выхода детей из

исправительного заведения активистами съездов было предложено направлять их на перевоспитание в специально организованные для этого социальные заведения [14]. Так, в Симферополе в 1890 г. был открыт исправительный приют для малолетних преступников, куда направляли несовершеннолетних со всей Таврической губернии [157].

В 1870 г. была также проведена реформа городского самоуправления. По ней в городах каждые 4 года должны были избираться новые органы городского самоуправления – городские думы. Членов городских дум выбирали все налогоплательщики, в отличие от избирательного права времен Екатериной II, когда оно предоставлялось только дворянам [272]. Реформа городского самоуправления послужила импульсом к торгово-промышленному развитию городов в России, которые получили возможность самостоятельно решать свои хозяйственно-бытовые вопросы, распределять средства, создавать и финансировать различные учреждения, в т.ч. образовательно-воспитательные и социальные.

Во второй половине XIX в. продолжает совершенствоваться нормативно-правовая база социальной сферы в России. 18 июля 1891 г. Александром III было подписано «Положение о детских приютах Ведомств учреждений императрицы Марии», которое определяло порядок управления, способы содержания детей, методы и форм обучения несовершеннолетних, отчетность. Принципиальными нововведениями данного Положения были следующие пункты: официальное разрешение на круглосуточное пребывание несовершеннолетних детей в социальных заведениях; организация приютов и колыбелей для младенцев, в т.ч. подкидышей. Таким образом, социальные учреждения обязали организовать начальное образование своих воспитанников, а также, по возможности, – овладение профессиональными умениями и навыками [47].

Но в большей части детским приютов в Крыму еще до выхода нового «Положения» уже проводились регулярные учебные занятия с детьми школьного возраста, а способных выпускников социальные заведения даже

направляли за свой счет на обучение в училища, реже – гимназии. После выхода нового «Положения» (конец XIX в.), колыбели для новорожденных детей, существовавшие в России еще при монастырях и церквях с XVIII в., наконец получили официальный статус [353]. Следовательно, принятый нормативный документ способствовал дальнейшему развитию в России во второй половине XIX – начале XX века сети социальных заведений для детей младенческого, раннего и дошкольного возраста.

Вслед за «Положением...» (1891) 28 октября 1896 г. вышли «Основные начала для деятельности Комитета Главного попечительства детских приютов» [47]. Данные нормативные акты способствовали приведению всех детских приютов указанного ведомства к единым стандартам, формулировали основные принципы их деятельности, тенденции становления социальных заведений в стране, регламентировали процесс создания новых и систему руководства существующими социальными заведениями, а также создавали правовые предпосылки для дальнейшего развития детских учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи.

В 1897 г. правительство Николая II передало право регистрировать общественные и социальные организации общего типа губернаторам. Продолжением этого процесса стал подписанный царем в 1906 г. документ «Временные правила об обществах и союзах», в соответствии с которым создание всех филантропических организаций передавалось в компетенцию губернаторов и градоначальников [211].

В конце XIX – начале XX века система социальных учреждений и организаций для несовершеннолетних детей в России постепенно превратилась в один из основных регуляторов социальных отношений в сфере призрения незащищенных категорий детей. Перед активистами общественного движения встала новая задача – унификации и централизации на общегосударственном уровне. Для этого в 1909 г. был создан Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, куда вошли различные благотворительные организации, социальные заведения и частные лица. Союз

занимался выработкой общих правил работы для составляющих его учреждений и организаций, обменом опытом, усовершенствованием форм и методов работы социальных заведений. С 1910 г. в Санкт-Петербурге стали проводиться Всероссийские съезды деятелей общественного и частного призрения, в работе которых принимали участие известные государственные деятели: В. А. Гаген, В. И. Герье, В. Ф. Дерюжинский, Е. Д. Максимов. [263].

Историческое значение для создания благоприятных санитарно-гигиенических и медицинских условий пребывания детей в социальных заведениях разного типа, предупреждения их смертности имела деятельность Всероссийского попечительства охраны материнства и младенчества, открытого в 1913 г. при содействии отечественного педиатра К. А. Раухфуса. Данная организация развернула широкомасштабную деятельность по просвещению врачей и общественности в вопросах правильного ухода и присмотра за детьми во всех губерниях России, не исключая и Таврическую [142].

Таким образом, социально-экономические и политические реформы второй половины XIX в., совершенствование нормативно-правовой базы Российской империи в отношении учреждений опеки и попечения детей стали катализатором для становления и развития системы социальных заведений для несовершеннолетних на территории всей страны, в том числе в Крыму. Т.е., к социально-экономическим и нормативно-правовым предпосылкам создания социальных заведений для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. относятся:

– земельная реформа 1861 г. привела к миграции жителей сел в города, росту численности населения Крыма, обеспечила промышленность рабочими кадрами, таким образом стимулировав ее развитие;

– рост промышленных предприятий и инфраструктуры Крыма привел к занятости не только мужчин, но и женщин, которые уже не справлялись с воспитательной функцией в семье;

– земская реформа 1864 г. привела к ликвидации Таврического приказа общественного призрения, который неэффективно управлял работой

социальных заведений в Крыму в первой половине XIX в., заменив его на более прогрессивные уездные земские собрания и губернские земские управы, что увеличило финансирование социальных учреждений, их численность и улучшило содержание детей в них;

– судебная реформа 1864 г. дала возможность устройства исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних преступников с их разделением на мужские и женские (например, Симферопольский исправительный приют для малолетних преступников, 1890 г.);

– реформа городского самоуправления 1870 г. расширила полномочия руководства крымских городов и уездов, позволила им самостоятельно решать свои социальные проблемы, распределять средства, создавать и финансировать различные учреждения, в том числе детские приюты и пр.;

– упрощение процедуры создания социальных заведений и благотворительных организаций (разрешение Министерства внутренних дел вместо императора) и разрешено церковным братствам заниматься образовательной деятельностью и опекать нуждающееся население, что увеличило роль церкви в воспитании и обучении детей в приютах Крыма;

– создание новых общественных организаций, помогающих оказанию помощи детям: Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению (1909), Всероссийское попечительство охраны материнства и младенчества (1913);

– принятие ряда нормативно-правовых документов, которые содействовали развитию и совершенствованию деятельности социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму: «Положение о детских приютах Ведомств учреждений императрицы Марии» (1891), «Основные начала для деятельности Комитета Главного попечительства детских приютов» (1896), «Временные правила об обществах и союзах» (1906).

При этом реформирование системы опеки и государственного призрения детского населения не являлись самоцелью царского правительств Александра II и Александра III, которые ставили своей задачей перестройку бюджетно-

финансовой, нормативно-правовой, аграрной сферы страны и органов местного самоуправления [342]. Но следствием данных реформ стали преобразования и в системе общественного и государственного призрения несовершеннолетних в стране.

К культурно-педагогическим предпосылкам создания во второй половине XIX – начале XX века в Крыму сети учреждений для призрения детей в первую очередь относится реформа образования, проведенная в стране в 1863-1864 гг., которая создала систему образовательных организаций разного уровня (от начальных школ, училищ и гимназий до университетов), выделив их от медицинских и богоугодных учреждений [43]. В связи с данной реформой в 70-90-е гг. XIX века руководство существовавших и вновь создаваемых социальных заведений Крыма (приюты Адлерберг, Фабра, Керченский Мариинский) стало уделять больше внимания образованию своих воспитанников, созданию и функционированию элементарных школ в составе приютов, закупке необходимого оборудования и учебных пособий для учебно-воспитательного процесса, открытию и оснащению соответствующей мебелью специальных помещений – учебных классов [276].

Большую поддержку делу социально-педагогической защиты и опеки незащищенных категорий детей оказывали в Крыму во второй половине XIX – начале XX века и многочисленные национально-религиозные общины: они оказали существенное влияние на становление системы социальной работы на полуострове, помогая существующим социальным заведениям для детей и самостоятельно открывая новые образовательные организации. Наиболее влиятельными этноконфессиональными организациями региона в рассматриваемый период были мусульманские, греко-католические, караимские, еврейские, греческие и армянские общины [214, 45]. К тому же многообразие этнического состава населения Крыма во второй половине XIX в. само по себе являлось обстоятельством, благоприятно сказывавшемся на уменьшении численности сирот и безнадзорных несовершеннолетних на полуострове. Как православная, так и мусульманская религия проповедуют

ценности взаимопомощи и взаимовыручки по отношению к нуждающимся, слабым, обездоленным, в том числе детям. Поэтому часто детей, оставшихся по той или иной причине без присмотра взрослых, забирали к себе на воспитание родственники, друзья, соседи, таким образом, не давая им пополнить ряды беспризорных и бездомных детей [316].

Во второй половине XIX в., одновременно с увеличением численности христиан в Крыму и восстановлением влияния православной церкви на население, духовенство стало принимать все большее участие в жизни создаваемых светскими силами социальных заведений. Способствовало этому, в первую очередь, создание в 1854 г. Крымской епархии [345]. В большинстве новых приютов, сиротских домов, в Симферопольской исправительной колонии были построены придомовые церкви и устроены приходские школы, где все предметы преподавал священник, а одним из обязательных и важных дисциплин был «Закон Божий». Однако сами церкви и школы при социальных заведениях возводились и оборудовались за счет частной благотворительности и государства, а работающие там священнослужители и их помощники получали высокое жалованье (наравне с директорами) от Советов попечителей учреждений. Собственно религиозным был только один приют в Крыму – приют для мальчиков Керченского Свято-Троицкого православного братства (1885 г.) [234]. Из этого следует, что православная церковь не занималась финансированием социальных заведений на полуострове, а лишь принимала участие в обучении и воспитании несовершеннолетних.

Таким образом, к культурно-педагогическим и духовным предпосылкам становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму относятся:

– реформа образования 1863-1864 гг. способствовала созданию элементарных (начальных) школ в большинстве социальных заведений для несовершеннолетних на полуострове, совершенствованию системы образовательно-воспитательной работы в них (появление расписания и систематических учебных занятий, классных комнат, учебников и учебной

мебели, приглашение квалифицированных педагогов, комплектование детей на классы по возрасту);

– благотворительная деятельность национально-религиозных общин Крыма (мусульманские, греко-католические, караимские, еврейские, греческие, армянские), которые принимали участие в финансировании социальных заведений для несовершеннолетних в регионе;

– влияние православной церкви на обучение и воспитание детей в приютах через преподавание священнослужителями «Закона Божьего» и других учебных дисциплин в элементарных школах подавляющего большинства социальных заведений для детей в Крыму, что способствовало духовному развитию и формированию нравственных качеств воспитанников.

В результате данных преобразований были созданы благоприятные условия для становления и развития сети социальных заведений разного типа для несовершеннолетних в Крыму. Описанные предпосылки дают возможность выделить последовательные этапы создания социальных учреждений для детей на полуострове.

Попытки выделения периодов в становлении социальных заведений для детей и взрослых в истории педагогики предпринимались неоднократно. Первые обобщения опыта опеки и призрения детей в России, предпринятые в XIX в. А. Д. Стогом, П. И. Лыкошиным, М. Д. Ван-Путеренем, Е. Д. Максимовым, были рассмотрены нами в историографии данной работы.

Данное исследование опирается на современные подходы и научные труды по проблеме периодизации этапов становления системы общественного призрения, опеки и попечения населения в России (Л. В. Бадя, М. А. Галагузова, П. И. Нищеретний, П. Д. Павленок, Е. И. Холостова, М. В. Фирсов) и Крыму (Т. М. Головань, Л. Н. Мокеева, А. Н. Савочка). Однако до сих пор никто из исследователей не разработал периодизацию становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. Фундаментом для создания такой периодизации могут стать с одной стороны рассмотренные нами предпосылки создания сети

социальных учреждений для детей на полуострове, а с другой стороны – обобщение и систематизация соответствующих историко-педагогических исследований.

Критериями, которые были положены в основу исследовательской работы для разделения этапов становления социальных учреждений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века, стали:

- территориальный (уезд или город, где создавались социальные заведения для детей);
- количественный (численность социальных заведений для несовершеннолетних в тот или иной отрезок времени);
- финансовый (источники материальных средств, поступающих в социальные заведения для содержания детей, из них – доля участия частной помощи, благотворительных организаций, государства и царской семьи);
- исторический (влияние революционных, военных, политических, экономических событий на становление и развитие социальных заведений для детей в Крыму);
- педагогические (изменение форм и методов педагогической работы в социальных заведениях для несовершеннолетних, уровень школьного и профессионального образования выпускников данных учреждений, категории несовершеннолетних детей, которые в тот или иной отрезок времени являлись объектами для социальной помощи).

Перечисленные критерии позволяют выделить три этапа формирования социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века (приложение Б).

Первый этап (с 1854 по 1890 гг.) – становление социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму. Хронологические границы периода обусловлены: начало (1854 г.) – открытием в Симферополе первого социального заведения для детей, приюта графини А. М. Адлерберг; окончание (1890 г.) – появлением социальных учреждений для несовершеннолетних в

губернском центре (Симферополь), обоих градоначальствах (Керчь, Севастополь), а также в уездном г. Ялта. Всего за 36 лет на полуострове были открыты 9 социальных учреждений для несовершеннолетних.

Для первого этапа становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX в. характерны следующие особенности: активизация процессов социальной помощи детскому населению в Крыму, совместные действия местного дворянства и купечества на пути к созданию первых социальных заведений для несовершеннолетних на полуострове; формирование представления о субъектах социальной помощи: незаконнорожденные младенцы и подкидыши, сироты и беспризорные, несовершеннолетние преступники, дети из бедных многодетных семей; появление на полуострове следующих типов социальных учреждений для детей: детский приют, сиротский дом, колыбель для подкидышей, исправительный приют; участие всех слоев зажиточного населения в материальном обеспечении созданных социальных заведений (в качестве членов Попечительских советов при социальных учреждениях); помощь местной власти и земств в организации социальных заведений для детей; незначительное участие государства и царской семьи в благотворительности для несовершеннолетних в Крыму (поддержка инициатив местной власти); совершенствование нормативно-правового регулирования системы социальной защиты детства; наличие элементарных (начальных) школ в большинстве функционирующих социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму; недостаточное развитие профессионального образования выпускников элементарных школ при социальных заведениях; недостаток квалифицированных педагогических кадров в социальных учреждениях; преимущественное преподавание всех учебных предметов в начальных школах при социальных заведениях для детей священнослужителями; ограничение профессионального образования девочек в социальных заведениях хозяйственно-бытовыми навыками и рукоделием.

Второй этап (с 1891 по 1913 гг.) – развитие и расцвет системы социальных заведений для детей в Крыму. Хронологические границы периода обусловлены: начало (1891 г.) – обусловлено принятием нового устава детских приютов Ведомства императрицы Марии, разрешившего в своих учреждениях постоянное призрение сирот и обязавшего социальные заведения для детей давать своим воспитанникам образование. Окончание второго этапа (1913 г.) обусловлено расцветом социальных заведений для детей разного типа в Крыму в преддверии Первой Мировой войны. Всего за 22 года данного периода в Крыму открыто 5 новых социальных учреждений для детей и продолжают функционировать открытые ранее заведения.

В целом для второго этапа характерны следующие обобщенные черты: государственное регулирование (Министерством Народного Просвещения) учебных планов и программ начальных школ и профессиональных училищ при социальных заведениях для детей; совершенствование педагогических методов и форм работы с детьми и улучшение материально-технической базы учреждений образования в существующих социальных заведениях; увеличение количества квалифицированных педагогических кадров в социальных учреждениях для несовершеннолетних; появление новых типов социальных заведений (убежищ, приюта-корабля), а также других учреждений, бесплатно призревающих социальные категории детей (оздоровительные колонии в Ялте, бесплатный санаторий в Евпаторийском уезде, ясли и дневные приюты в различных регионах Крыма); развитие возможностей для профессионального образования воспитанников социальных заведений как внутри приютов (открытие собственных ремесленных школ), так и в городских, уездных и губернских средних и высших учебных заведениях; активное участие этноконфессиональных групп населения Крыма в расширении и финансировании сети существующих социальных заведений для несовершеннолетних; охват все большего количества нуждающихся детей всех возрастных категорий (от новорожденных младенцев до обучающихся школ,

гимназий, училищ); сохранение ограничения профессионального образования девочек хозяйственно-бытовыми навыками и рукоделием.

Третий этап (с 1914 по 1918 гг.) – упадок созданной в дореволюционный период сети социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму вследствие кризиса, вызванного последствиями Первой мировой войны, революционных событий и гражданской войны. Нижняя хронологическая граница (1914 г.) обусловлена началом Первой Мировой войны и как следствие – ухудшением финансирования социальных заведений для детей на полуострове. Верхняя хронологическая граница (1918 г.) определена установлением советской власти в Крыму и оккупацией региона немецкими войсками, что стало причиной закрытия большинства социальных заведений для детей в Крыму, созданных в дореволюционный период.

Основные характеристики третьего этапа таковы: постепенное ухудшение материального положения большинства социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму вследствие ухудшения их финансирования; недостаток педагогических работников в социальных заведениях для детей в связи с участием их сотрудников в военных действиях, работой в госпиталях; снижение количества социальных учреждений и качества содержания детей вследствие материальных проблем меценатов; возрастание участия государства и царской семьи в финансировании социальных заведений для несовершеннолетних; создание сиротских приютов, специально предназначенных для детей солдат, сирот воинов, умерших или раненных на войне; переориентация системы благотворительности и призрения на военные нужды; постепенное закрытие большинства работающих детских учреждений призрения, а к концу периода – резкое сокращение количества заведений для незащищенных слоев детского населения, сворачивание всей системы социального призрения и, в конце концов, полная ликвидация ее разветвленной сети в Крыму.

Наглядно три этапа становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму отражены в приложении Б.

Таким образом, система социальных заведений для несовершеннолетних на полуострове прошла своеобразный путь становления (первый этап), развития и расцвета (второй этап), упадка и ликвидации учреждений призрения рассматриваемых категорий детей (третий этап). Предложенная периодизация становления социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века является основой для дальнейшего исследования их деятельности.

Выводы по первой главе

Обзор источниковой базы проблемы становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века позволил выделить три историографических периода в изучении данного вопроса: дореволюционный, советский и современный, каждый из которых имеет свои особенности:

– первый (дореволюционный) характеризуется большим интересом ученых и общественных деятелей (П. И. Лыкошин, А. Д. Стог, Я. В. Ханьков, К. А. Мушинский) к возникновению учреждений общественного призрения и периодизации истории попечения детей на Руси; нормативно-правовой базе для создания новых благотворительных организаций для несовершеннолетних (В. Ф. Одоевский, К. К. Грот, В. Ф. Дерюжинский); способам преодоления нищенства и беспризорности детей (М. Д. Ван Путерен, М. Ошанин, И. И. Бецкой, В. Я. Стоюнин). При этом отдельные аспекты создания социальных учреждений для организации опеки детей в Крыму освещали лишь редкие дореволюционные ученые и краеведы: А. И. Маркевич, Н. А. Святский;

– второй (советский) историографический период характеризуется скудостью научных исследований по изучаемой тематике, что обусловлено идеологией СССР, ставившей задачу воспитания нового человека, вследствие чего изучение опыта прошлого становилось не актуально. Одним из исключений стала книга Н. П. Ерошкина «История государственных

учреждений дореволюционной России», а также публикации зарубежных авторов, анализирующих законодательные основы, условия создания и экономическую базу заведений призрения, в т.ч. для несовершеннолетних детей в Российской империи (А. Линденмейр, Дж. Брэдли, Д. Ренсел). При этом никто из них не уделяет отдельного внимания социальным учреждениям для детей Крыма;

– во время третьего (современного) историографического периода крымскими историками, педагогами и краеведами был подготовлен ряд работ об истории местной благотворительности (А. Н. Савочка, О. М. Бобкова, Г. Л. Круль), образовательных и интернатных учреждений Крыма (Р. С. Аблятипов, Л. Н. Мокеева), общественных дошкольных заведений (Т. М. Головань), роли церкви и конфессиональных организаций в опеке и патронировании несовершеннолетних детей во второй половине XIX – начале XX века (Е. В. Моцовкина Л. П. Шкарлат), социальном воспитании детей в заведениях опеки изучаемого периода (Е. С. Красюкова). При этом в современной науке не осуществлено ни одного обобщающего фундаментального исследования, в котором бы системно и всестороннее раскрывалось становление и развитие всех социальных учреждений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века как педагогического и социокультурного феномена.

Ретроспективный анализ научной литературы, нормативно-правовых документов, справочных изданий и периодической печати показал, что общепринятого определения главного понятия диссертационной работы не выделено. Путем соединения значения категорий «социальные заведения» и «несовершеннолетние дети» было разработано определение «социальные заведения для несовершеннолетних детей»: это «учреждения всех форм собственности, осуществляющие бесплатный присмотр, уход и образовательно-воспитательную деятельность незащищенных категорий детей до 18 лет, к которым в работе относятся сироты, дети, лишенные родительского попечения,

беспризорные, несовершеннолетние преступники, дети с ослабленным здоровьем из многодетных и бедных семей.

В ходе исследования на основе архивных материалов и музейных документов выявлено, что в Крыму во второй половине XIX – начале XX века были созданы определенные предпосылки для становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей: а) геополитические и демографические (последствия Крымской войны, географическое положение полуострова и его климатические условия, миграционная политика Российской Империи, увеличение численности населения Крыма и его многонациональный состав); б) социально-экономические и нормативно-правовые (реформы Александра II: земельная, земская, судебная, самоуправления; развитие инфраструктуры и промышленности в Крыму; совершенствование законодательной базы в сфере социальной защиты населения; необходимость подготовки профессиональных кадров для производства и занятость в нем женщин; упрощена процедура регистрации новых учреждений; централизована система управления социальной сферой; усовершенствована законодательная база призрения и опеки детей; в систему попечительства привлечено государственное финансирование); в) культурно-педагогические и духовные (реформа образования; этнический состав населения и развитие культур национальных меньшинств; участие церкви и духовенства в обучении и воспитании детей в социальных учреждениях Крыма, заимствование зарубежного педагогического опыта).

Обобщение и систематизация литературных источников дали возможность выделить три последовательных этапа создания социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму и их функционирования. Первый этап (1854 – 1890 гг.) – открытие первых социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму после событий Крымской войны и реформ Александра II (Симферопольские детские приюты для сирот имени А. М. Адлерберг, А. Я. Фабра Таврический земский, Керченский Мариинский). Вторым этапом (1891 – 1913 гг.) – развитие и расцвет существующих и открытие

новых социальных заведений для детей, создание при них начальных (при Керченском Мариинском приюте, Симферопольском им. А. Я. Адлерберг) и профессиональных ремесленных школ (при сиротском доме им. А. Я. Фабра, Симферопольском исправительном приюте, «береговом» приюте Корабль-школе для мальчиков в Севастополе). А третий этап (1914 – 1918 гг.) – это упадок и ликвидация сети социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в связи с событиями Первой мировой войны и революции 1917 г.

На основании системного анализа конкретного историко-педагогического материала и фактов выяснено, что основными типами социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века являлись детские приюты и сиротские дома, приюты-убежища, исправительные колонии, колыбели для подкидышей, корабль-школа, очаги для детей. Данные типы учреждений призрения детей от рождения до достижения ими совершеннолетия отличались друг от друга по форме собственности (государственные, частные), контингенту воспитанников (численность, возраст, имущественное положение, происхождение, национальность, пол) режиму работы (дневные / круглосуточные), цели призрения (уход, воспитание и обучение, перевоспитание, оздоровление), источники финансирования (частный капитал, общественная благотворительность, бюджет профильного Министерства), юрисдикция (Министерство внутренних дел, Ведомство учреждений императрицы Марии, земства).

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

2.1. Организация деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в изучаемый период

Становление и развитие социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX века имел свои организационные особенности, для выделения которых необходимо последовательно рассмотреть процесс открытия каждого учреждения и специфику его деятельности.

Во второй половине XIX в. социальные заведения для детей были открыты в четырех крупных Крымских городах: Симферополь, Ялта, Керчь и Севастополь. Среди них были Симферопольский детский приют имени А. М. Адлерберг (1854); сиротский дом для мальчиков статского советника А. Я. Фабра в Симферополе (1864); Таврический земский приют для подкидышей и тайная колыбель при нем (1867); городской детский приют в Ялте (1871); Керченский Мариинский детский приют (1874); Севастопольский приют для девочек (1882); приют для мальчиков Керченского Свято-Троицкого православного братства (1885); Симферопольский исправительный приют для малолетних преступников (1890) и Севастопольский приют для мальчиков в 1893 г.

История создания первых из социальных заведений в Крыму началась в Симферополе, где в XIX веке делами опеки и попечения детей заведовал Таврический приказ общественного призрения. Он не справлялся с увеличивающимся потоком беспризорных детей в губернском центре, был не в состоянии обеспечить для них уход вследствие отсутствия в городе каких-либо учреждений, которые могли бы бесплатно давать детям приют. Это привело к активизации местного населения, в частности дворянства, при участии

которого в Симферополе, в 1854-1867 гг. была организована работа первых трех социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму: приютов А. М. Адлерберг, А. Я. Фабра и Таврического земского.

Первым в Крыму социальным заведением для несовершеннолетних стал Симферопольский детский приют им. графини А. М. Адлерберг, открытый второпях графиней Амалией Максимилиановной, супругой губернатора Таврии Н. В. Адлерберга. Срочность открытия приюта была связана с началом Крымской войны, когда резко возросло количество беспризорных детей и сирот на полуострове [72]. Для сбора денег на открытие социального заведения графиня организовывала различные мероприятия (лотереи, концерты), привлекала к благотворительной деятельности многих высокопоставленных особ (императрицу Марию Александровну, графа Шувалова и М. С. Воронцова, А. Взметневу, Ярошевскую), но большую часть средств вложила сама. В результате усилиями А. М. Адлерберг стала возможной аренда помещения и открытие приюта [279].

Первыми воспитанниками социального заведения в 1855 г. стали 10 несовершеннолетних детей (4 мальчика и 6 девочек). В начале 1856 г. их было уже 14 (5 мальчиков и 9 девочек) [138, с. 7].

Детский приют им. графини Адлерберг с самого начала своего существования был под попечением российских императриц. В своей деятельности он руководствовался вначале «Положением о приютах» (от 27.10.1839 г.), а затем «Положением о детских приютах Ведомств учреждений императрицы Марии» (от 18.07.1891 г.) [133].

В 1857 г. были окончательно оформлены все необходимые документы для функционирования детского приюта и стали формироваться его руководящие структуры, а Комитет главного попечительства детских приютов закрепил постоянный статус социального заведения и утвердил ему официальное название «Симферопольский детский приют имени графини Адлерберг» [260, с. 58].

В 1857 г. управление приютом было поручено Совету (Попечительству), члены которого были обязаны оказывать финансовую помощь детскому заведению (от 50 до 300 руб. в год). Непосредственное руководство приютом возлагалось на директора, смотрительницу и почетного старосту из купечества. За более чем полувековую историю существования приюта А. М. Адлерберг в нем сменились лишь три попечительницы и пять директоров [262]. Это говорит о верности местного дворянства делу благотворительности и об их ответственности перед воспитанниками социального заведения.

Попечительством данного социального заведения было составлено «Расписание внутреннего строя жизни в приюте», которое состояло из двух частей: первое содержало описание обязанностей воспитанников учреждения, а второе – аналогичные инструкции для его должностных лиц. Этот документ способствовал упорядочиванию и лучшей организации работы приюта [41].

Симферопольский приют графини А. М. Адлерберг предназначался для круглых сирот и несовершеннолетних детей обоего пола с 4-х до 16 лет. Основной контингент приюта составляли дети крестьян и мещан (круглые сироты, полусироты и дети из беднейших многодетных семей), затем следовали дети низших воинских чинов, дворян было меньшинство. Общая численность воспитанников социального заведения постепенно возрастала: с момента образования приюта и до 1888 г. призревалось от 20 до 40 ребят, с 1889 г. до 1903 г. их стало 50, а к 1915 г. число воспитанниц достигло 80 человек. Это было связано с рядом причин: строительством нового здания в 1869 г., постепенным увеличением благотворительных и членских взносов, расширением численности сотрудников приюта [279].

Цель детского приюта им. графини Адлерберг была сформулирована Г. В. Жуковским: она состояла в опеке и уходе над детьми, в их религиозно-нравственном воспитании, элементарном начальном образовании, а также в формировании у детей практических умений и навыков и восстановлении их ослабленного здоровья. Выпускник приюта графини Адлерберг должен был быть готов к самостоятельной трудовой жизни [81].

Сначала своей деятельности приют принимал и девочек и мальчиков, но с 1864 г., когда в Симферополе открылся сиротский дом им. А. Я. Фабра для сирот-мальчиков, заведение Адлерберг начало принимать только девочек. Последний из воспитанников-мальчиков выпустился из приюта в 1886 г. Большая часть детей проживали в приюте на постоянной основе. Ребятам, у которых были родственники, разрешалось уезжать из приюта домой на время летних и рождественских каникул [112].

В 1869 г. для детского приюта им. графини Адлерберг было построено новое здание, возле которого руководством города разбило сквер. Сохранившееся до сих пор здание приюта А. Я. Адлерберг размещалось в Симферополе на пересечении двух улиц: Комендантской (сейчас ул. Гоголя) и Приютненской (с 1899 г. ул. Пушкина), названной в честь социального заведения Адлерберг [138].

Анализ архивных и опубликованных источников позволяет утверждать, что руководство Симферополя и попечители приюта А. М. Адлерберг на протяжении всего времени существования социального заведения делали все от себя зависящее для его благополучия и процветания.

В 1912 г. впервые после длительного периода материального благополучия расходы детского приюта имени Адлерберг превысили его доходы, что было связано с ростом цен и уменьшающимися членскими взносами из-за сложных социально-экономических и политических процессов, происходящих в Российской империи накануне Первой мировой войны [83]. В связи с финансовыми трудностями в 1917 г. по решению губернского земского собрания приют Адлерберг был передан в ведение местного земства, но это не решило проблемы и в 1918 г. социальное заведение было закрыто [262].

Симферопольский детский приют графини А. М. Адлерберг был первым, старейшим и одним из наиболее крупных дореволюционных социальных заведений Крыма для несовершеннолетних детей разных сословий. За 64 года своего существования в стенах этого учреждения получили кров, образование и воспитание около 560 детей, большая часть из которых – девочки. Благодаря

покровительству основателей, сотрудников и меценатов приюта дети-сироты, подкидыши и беднейшие ребята из многодетных семей получали социальное воспитание и элементарное образование, поэтому детский приют Адлерберг можно с уверенностью назвать одним из лучших социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму, деятельность которого внесла значительный вклад в становление и развитие учреждений опеки и попечения всего Крыма.

Следующим на полуострове открылся первый в Таврической губернии приют для мальчиков имени тайного статского советника А. Я. Фабра. Его основатель – бывший Екатеринославский губернатор, уроженец Крыма, в 1846 г. составил завещание, согласно которому все имущество Андрея Яковлевича было назначено на устройство в родном городе Фабра благотворительного заведения для призрения малолетних сирот [29].

После смерти А. Я. Фабра в 1863 г. исполнители его последней воли (М. И. Кашкадамов, графа А.Я. де-Мезон) сформировали совет попечителей сиротского дома и начали подготовку к его открытию. 31 мая 1864 г. Таврический приказ общественного призрения дал разрешение на создание сиротского дома для мальчиков. В соответствии с завещанием он получил название «Тайного советника Фабра дом призрения сирот». Торжественное открытие приюта состоялось 30 ноября 1864 г. Благодаря стараниям душеприказчиков социальное заведение в Симферополе было взято под покровительство императора, а в 1873 г. зачислено в состав Ведомства учреждений императрицы Марии [141].

В соответствии с проектом Устава сиротского дома (официально был принят в 1880 г.) целью заведения было «доставить круглым сиротам бедного состояния приюта и религиозно-нравственного воспитания» [141, л. 3]. Этот документ содержал в себе главные правила, регулирующие деятельность заведения. Устав сиротского дома позволял Совету попечителей впоследствии изменять документ в сторону его улучшения.

Высшим органом руководства приютом для мальчиков вначале был Совет душеприказчиков, затем – Совет попечителей, а с 1880 г. – Комитет

Сиротского дома Фабра. Переписка Совета (Комитета) передавалась по почте бесплатно по всей Российской империи: так государство поддерживало филантропическую деятельность заведения. Кроме этого, строение, в котором помещался приют Фабра, как заведение общественное и благотворительное, освобождалось «от постоянного платежа всех денежных казенных, общественных и частных повинностей» [141, л. 4].

Финансирование приюта А. Я. Фабра осуществлялось только за счет благотворительных взносов и процентов с капитала основателя, однако члены Совета сиротского дома часто оказывали ему материальную помощь. Ежегодно Совет попечителей социального учреждения отчитывался в своей деятельности, в том числе финансовой, а информация об этом печаталась в Таврической губернской и Одесской газетах.

По воле завещателя сиротский дом предназначался только для мальчиков в возрасте 4-11 лет, круглых сирот из Таврической губернии, непременно христиан из разных сословий. Дети принимались в приют по заявлению родственников или других взрослых людей, которые предоставляли их документы (метрическое свидетельство о рождении и крещении, медицинская справка о состоянии здоровья, свидетельство о смерти родителей). В редких случаях в сиротский дом принимали детей по заявлению живых родителей или родственников в связи с их крайней бедностью [104, л. 39]. Содержание ребят в приюте Фабра было простым, без излишеств. Обучение в школе при социальном заведении одного ребенка обходилось приюту в 75 руб. в год [86]

А. Я. Фабр в завещании ограничил число воспитанников приюта 20-ю мальчиками на бесплатной основе и 10-ю – на платной. Он считал, что лучше призреть мало детей, однако обеспечить уход за ним на надлежащем уровне. Но Совет попечителей имел право увеличивать количество бесплатных воспитанников при наличии таковой возможности. Когда количество желающих поступить в сиротский дом превышало финансовые возможности заведения, то их записывали в своеобразную очередь кандидатов. При освобождении мест Совет принимал этих детей в сиротский дом [104].

Обязанности по управлению социальным заведением Фабра по Уставу сиротского дома было возложено на Смотрителя, который осуществлял надзор за домом, служащими (кастелянши, прислуга), вел документацию заведения, счетоводство, заведовал экономическими вопросами. Присмотр за малолетними сиротами осуществляла смотрительница, при старших детях стоял надзиратель. Кроме них был также приглашен врач [104].

В некоторых случаях родители из бедных семей просили Совет социального заведения оплачивать обучение их ребенка (причем и девочек, и мальчиков), и руководство удовлетворяло эти прошения, записывая указанных детей кандидатами в отдельную очередь на обучение при наличии средств [104]. Следовательно, деятельность сиротского дома не ограничивалась только воспитанниками своего заведения, но и распространялась по мере возможности, на других нуждающихся детей города, не посещающих приют.

Впоследствии к 50-тилетию заведения его выпускник Г. П. Доценко составил воспоминания, где описал свое пребывание в приюте так: «Эти пять лет были для меня самым лучшим временем моей жизни... я покинул это заведение с болью в груди... мне казалось, что я покидаю очаг родной семьи» [86, л. 1]. И он не единственный, кто так думал: авторы большого количества архивных документов, дореволюционных публикаций и современных исследований сходятся во мнении, что заведение Фабра являлось одним из лучших сиротских приютов не только Крыма, но и всей Таврической губернии. Здесь дети всегда были «сытые, чисто одетые, жизнерадостные», имели свой сад и огород, школу, библиотеку, церковь. Деления по сословию (потомственных и личных дворян, мещан, крестьян) в сиротском доме не замечалось: дети жили одной большой семьей [86, л. 1].

Сиротский дом изначально располагался в собственном просторном здании, его отличала развитая инфраструктура. Приют Фабра был подконтролен нескольким разным инстанциям: Таврическому приказу общественного призрения, затем Ведомству учреждений императрицы Марии, позже – Таврическому губернскому земству.

При критическом анализе деятельности социального заведения А. Я. Фабра можно выделить несколько недостатков: немногочисленность его воспитанников (одновременно призревало не более 30-40 мальчиков), ранний выпуск детей из приюта (в 13-14 лет); ограничение по полу (мальчики), вероисповеданию (только для православных) и возрасту (лишь с 4-х лет). Первая особенность сиротского дома была следствием ограниченности его финансовых ресурсов и отсутствием материальной поддержки со стороны государства, все же остальные являлись обязательными условиями завещания основателя, а потому изменению не подлежали.

Первая мировая война, а затем Гражданская и революция пагубно сказались на финансовых делах всех социальных заведений Крыма, не стал исключением и дом А. Я. Фабра. У дворян, которые платили ежегодные благотворительные членские взносы на содержание приюта, резко сократились доходы с земель и капитала. О. М. Бобкова установила, что сиротский приют продолжал работать до 1920 г., следовательно, решение о его ликвидации было принято уже советской властью, однако документальных подтверждений тому, как завершилась деятельность заведения, где более сотни сирот Таврической губернии были обеспечены кровом и образованием, пока не найдено. Известно лишь, что 30 мая 1924 г. пер. Фабра в Симферополе (названный так в 1904 г.) был переименован в Совнаркомовский (ныне продолжение ул. им. Розы Люксембург) [28, с. 280].

Следующим после приюта Фабра, в 1867-1870 гг. в Симферополе появился Таврический земский приют для подкидышей. История его создания тесно связана с деятельностью губернского Приказа общественного призрения и земской реформой в Крыму.

В 1867 г. в результате земской реформы в Таврической губернии была создана земская комиссия, которая приняла решение о создании отдельного приюта для опеки подкинутых младенцев: детей прислуги, ссыльных и беднейших родителей. Это решение дало возможность уже в течение года увеличить количество детей на содержании государства до 161 человека. В

1869 г. Симферополь выдел сиротскому отделению губернского земства собственное здание, где расположились три отделения социального заведения: первое – для младенцев, второе – для детей от 1 года до 4х лет и третье – для взрослых ребят от 4 до 12 лет [284].

В 1870 г. сиротское отделение земской больницы преобразовали в приют и выработали для него специальный устав. Это время и считается официальной датой создания первого в Крыму социального заведения для подкидышей. В 1882 г. по решению губернской земской управы для учреждения построили двухэтажное здание (ныне – ул. Р. Люксембург, 25). В 1873 г. здание социального заведения было почти полностью уничтожено пожаром. Восстановление приюта было закончено только в 1882 г. [260].

С самого начал Таврический губернский земский приют для подкидышей возглавила С. А. Арендт. С 1885 г. приютом руководила А. С. Высочинская, первая в Крыму женщина-врач, приглашенная на работу в приют [283].

Скромный бюджет земства, выделяемый на содержание приюта для подкидышей, не позволял его руководителям поставить дело на должный уровень. По мнению В. А. Оболенского, одного из членов губернской управы начала XX века, изучавшего положение земских дел, Таврическое губернское земство, несмотря на то, что Таврическая губерния была одной из богатейших в России, принадлежало к числу наиболее отсталых. Земство тратило на опеку несовершеннолетних детей около 2,5-3% от своего общего годового бюджета (для сравнения на медицину расходовалось в 10 раз больше средств). Финансирование земского приюта зависело от количества детей: в среднем на содержание одного ребенка учреждению выделялось 57 руб./год (Приложение В). Эта сумма включала в себя заработную плату кормилицам и другие расходы социального заведения [162].

Тяжелое материальное положение приюта не удалось изменить до 1917 г., а после Февральской революции и ухудшения экономического положения Крыма ситуация в социальном заведении обострилась еще больше. В сентябре 1917 г. старшие воспитанники совершили серию краж, драк и беспорядков. К

тому времени администрация учреждения практически полностью потерял контроль над ситуацией, т.к. не имела средств для обеспечения сирот одеждой, продуктами питания, лекарствами. В 1918 г. земский приют вместе с другими социальными заведениями Крыма для детей передали под контроль Комиссариата народного попечительства Республики Таврида, вскоре учреждение было закрыто [83].

Подводя итоги деятельности Таврического губернского земства в области призрения несовершеннолетних детей, необходимо отметить его усилия по созданию и содержанию приюта для подкидышей в Симферополе. Однако администрация социального заведения и земская управа оказались неспособны должным образом организовать работу этого учреждения, требующего не только вложения материальных средств, но и грамотного руководства.

Четвертым социальным заведением для несовершеннолетних в Крыму стал Городской детский приют в уездном центре южного берега полуострова – Ялте, открытый в 1871 г. для решения социальных проблем города [49]. Созданием приюта занималось организованное в 1869 г. Ялтинское благотворительное общество – одно из лучших филантропических объединений Таврической губернии. Сначала приют был организован в пригороде Ялты для двадцати детей рабочих, которые в силу бедности и занятости на работе не могли самостоятельно присматривать за своими детьми. По свидетельству Е. Трубецкой, председателя Ялтинского благотворительного общества, социальное заведение находилось в тесной арендованной квартире [55].

В 1871 г. царствующая Мария Александровна приняла Ялтинское благотворительное общество под свое покровительство [56] для основания в уездном центре приюта для детей. Для достижения этой цели в 1874 г. городская дума Ялты выделила участок земли для строительства детского приюта [63]. Строительство первого социального заведения для детей Ялтинского уезда длилось около года (1875 – 1876), а средства на него были выделены княгиней Е. К. Воронцовой, представителями царской семьи, а также местными властями [139].

В 1876 г. Ялтинский приют заработал в новом здании на ул. Садовой для несовершеннолетних детей из беднейших семей крестьян-воинов. Социальное заведение принимало сирот и полусирот в возрасте от 2-х до 8 лет. Мальчики находились в социальном учреждении до 12 лет, девочки – до 17. Как и большинство социальных заведений Крыма, Ялтинский городской приют просуществовал до 1917-1918 гг. [50].

Следом за Ялтой эстафету социального призрения детей приняла Керчь – один из быстро развивающихся населенных пунктов Крыма в XIX в. Население Керчи за неполные 100 лет (с начала XIX в. до 1897 г.) выросло с 500 человек до 31 тысячи, что вызвало обострение социальных проблем, в т.ч. с опекой несовершеннолетних [232].

Решение о создании первого социального заведения для детей в Керчи было принято 22 октября 1873 г. Керченским женским благотворительным обществом, которое хотело основать учреждение для опеки городских сирот. Приют начал свою деятельность 19 февраля 1874 г. при посредничестве Керчь-Еникальского градоначальника Н. П. Вейса и руководительницы Керченского благотворительного общества Н. В. Бутковой. Вновь созданный Керченский приют принимал под свою опеку бездомных несовершеннолетних и подкидышей, а также на платной основе – детей, чьи родители не могли их воспитывать дома (оплата – 3 руб. в месяц) [51].

В 1877 г. детский приют был включен в состав Ведомства учреждений императрицы и с тех пор стал называться Керченским Мариинским детским приютом. В 1878 г. Мария Александровна утвердила состав Керченского городского попечительства, которому предстояло руководить работой социального заведения. С этого времени приют для несовершеннолетних стал самостоятельным учреждением и более не подчинялся женскому благотворительному обществу города [210].

В 1876 г. городское управление открыло при Керченском Мариинском приюте «тайную колыбель» для подкидышей – помещение для приема и последующего усыновления подкинутых младенцев неизвестного

происхождения. С момента открытия до конца XIX в. количество принятых заведением на призрение младенцев с 12-ти достигло почти 300 в год. При этом уровень их усыновления постоянно оставался низким, а смертность высокой. В 1897 г. социальное заведение для подкидышей вышло из состава Мариинского приюта и стало содержаться на средства Таврического земства, а в 1903 г. было и вовсе закрыто в связи с недостатком средств, а все младенцы переведены в губернский земский приют для подкидышей в Симферополе [50].

Социально-педагогические цели деятельности Керченского Мариинского приюта отражены в ежегодных отчетах городского попечительства о работе социального заведения. Заключаются они в призрении девочек от 4-х до 16-ти лет (с 1894 г. – до 18-ти) различного звания, сословия и происхождения и в предоставлении им религиозно-нравственного воспитания и начального образования. Особое внимание уделялось практической подготовке воспитанниц к самостоятельной трудовой жизни в будущем. При приеме ребят предпочтение отдавалось круглым сиротам и жителям г. Керчь. Все питомцы постоянно проживали в приюте, приходящих не было.

В этот период в керченском социальном заведении для несовершеннолетних девочек состояло 13 сирот, которых разделили на 2 группы: младшая (дети до 10 лет) и старшая (до 16-ти). В 1891-1892 гг. количество мест в приюте было увеличено на 20 человек [210]. А в 1889 г. в центре города для социального заведения был построен новый корпус (ныне – ул. Козлова, 6) [38]. Таким образом, Мариинский приют в начале своей деятельности был немногочисленным, это давало ему возможность выполнять взятые на себя обязательства по отношению к детям на достойном уровне.

В начале 90-х гг. XIX в. Керчь-Еникальское градоначальство возглавил генерал-майор М. Д. Клокачев, а его жена – А. Д. Клокачева стала директором Мариинского приюта. Им удалось значительно увеличить ежегодные доходы социального заведения при постоянной широкой финансовой поддержке предпринимателей, культурных и общественных деятелей Керчи, а также других городов Таврической губернии (городской голова М. Кумпан, купцы

К. И. Месаксуди, Ю. А. Золотарев, художник И. К. Айвазовский). В то время быть почетным попечителем приюта было престижным, поэтому численность Керченского городского попечительства учреждений опеки детей все время возрастала и к 1898 г. составила 36 человек (для сравнения в 1877 г. их было 4). Каждый из членов попечительства делал щедрые пожертвования на содержание заведения и воспитанников [37].

Высокое материальное благосостояние социального заведения позволило его руководителям к концу XIX в. увеличить количество воспитанников, совершенствовать учебно-воспитательную работу в Керченском приюте, организовать профессиональное обучение девочек. Большой вклад в эти аспекты внесла супруга градоначальника Керчи А. Д. Клокачева. В конце XIX – начале XX вв. в Мариинском приюте одновременно воспитывалось от 30 до 50 девочек разного возраста, из них большая часть из сословия мещан (20), оставшиеся – крестьяне, низших чиновников и неизвестного звания (подкидыши) [182].

Большой вклад в развитие приюта в начале XX века внесли попечительница заведения Е. П. Климович, ее помощница Е. А. Савицкая, а также директора социального учреждения – А. А. Мацкевич и В. М. Стемман [40].

Источниками средств, на которые содержались дети в Мариинском приюте были бюджет г. Керчь, частные благотворители, проценты от капитала социального заведения в Городском банке, собственные доходы приюта (аренда помещений, различные мероприятия, кулинарная школа). В случае необходимости администрация социального заведения брала кредит в Городском банке на содержание учреждения, который потом возвращала с процентами [207].

В начале XX века у Керченского Мариинского детского приюта, как и в большинстве социальных заведений Крыма, начались финансовые трудности, связанные с политической ситуацией в стране [182]. В итоге, одно из лучших социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму закончило свою

работу в советское время. В 1923 г. церковь при приюте была закрыта, пятью годами позже снесли часовню, а в здании разместилось управление государственного предприятия «Югрыбпоиск» [40].

В Керчь-Еникальском градоначальстве социальные заведения для несовершеннолетних создавались не только благотворительными обществами, частными лицами и местными властями, но также и религиозными организациями. К примеру, известно, что основанное в 1866 г. Керченское Православное Троицкое братство, ставило перед собой такие задачи как устройство для бедных сирот приюта с домовою церковью и открытие братских школ, что и было осуществлено на средства организации. В 1885 г. при Братской Свято-Покровской церкви в Керчи была организована приходская школа с отделением-школой грамматики и небольшим приютом для мальчиков сирот. В 1917-1918 гг. керченскую церковь постигла общая участь православных храмов Российской империи, а соответственно были закрыты и школа с приютом [261]. Других подробностей деятельности данного социального заведения найти не удалось. Приют для мальчиков Керченского Свято-Троицкого православного братства – единственное религиозное (т.е. созданное церковью) социальное учреждение для сирот в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв.

В Севастополе первое социальное учреждение для несовершеннолетних было открыто в 1882 г.: детский приют для девочек-сирот, созданный Севастопольским благотворительным обществом (основано в 1870 г.) в связи с тем, что во второй половине XIX в. в городе-герое было также много острых социальных проблем, как и в других городах Крыма: бедность, детская беспризорность, сиротство, безграмотность населения, правонарушения несовершеннолетних.

Руководитель Севастопольского благотворительного общества, жена контр-адмирала В. М. Попандуполо, инициировала сбор средств для строительства здания детского приюта для девочек. Оно было окончено в 1883 г. и состояло из двух корпусов на общей территории: один для детей, другой

представлял собой амбулаторию и богадельни для пожилых женщин. Возле зданий находился просторный двор, предназначенный для отдыха, игр и прогулок подопечных. Располагались данные постройки на ул. Херсонесской, д. 4 (соврем. ул. Адмирала Октябрьского) [5]. Детский приют сначала был малочислен: около 20 детей в возрасте от 3 до 10 лет, которых нужно было обучить грамоте, ремеслам и подготовить к трудовой жизни [181]. При открытии приюта его смотрительницей была М. С. Шипилова, а с 1908 г. на должности заведующей социального учреждения работала О. Н. Тиде [340].

Социальное заведение, как и многие подобные ему в Крыму, содержалось за счет добровольных пожертвований горожан, членских взносов попечителей и доходов с различных развлекательных мероприятий. Севастопольское благотворительное общество таким образом организовало свои доходы и расходы, что в 90-х гг. XX века у них появилась возможность сделать ремонт и расширить помещение детского приюта до 70 мест, на ушло около 6,5 тыс. руб. И в результате в 1884 – 1908 гг. в социальном заведении получили воспитание 145 девочек-сирот, сумевших после выпуска благодаря полученному образованию трудоустроиться и найти себе жилье [262].

Следующим социальным учреждением для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. стал Симферопольский приют для малолетних преступников, открытый в 1890 г. для отдельного от взрослых содержания и перевоспитания несовершеннолетних, совершивших преступления. Идея его создания принадлежит крымскому врачу Н. А. Арендту, благодаря которому в 1872 г. начался сбор пожертвований на строительство приюта [176].

В 1882 г. Министерство внутренних дел Российской империи утвердило Устав симферопольского Общества исправительных приютов для малолетних преступников, членами которого стали 40 человек, в т.ч. И. К. Айвазовский, Н. А. Арендт, Э.И. Дуван, А. Н. Корф [268]. Членами организации было избрано правление (председатель – Н. А. Султан-Крым Гирей) и согласовано финансирование будущего социального заведения: расходы ложились не только на участников данного Общества и частных лиц, но и на Таврическое

земство и все уезды, которые должны были ежегодно отчислять в пользу приюта определенные суммы денег [58].

Строительство здания приюта велось с 1888 по 1889 г. и находилось недалеко от Симферополя в деревне Сарчи-Кият (ныне с. Мирное). К моменту открытия заведение для несовершеннолетних преступников представляло собой несколько строений: главный двухэтажный корпус, где снизу располагались спальни 15 воспитанников с умывальной и комната для воспитателя, вверху – квартира для директора приюта; новый флигель с кухней, баней, столовой (она же классная комната) и столярной мастерской; старый флигель с комнатами для служащих. В 1895 г. здание было перестроено и расширено, чтобы вместить около 50 воспитанников и большее количество служащих [175]. При строительстве было выделено также отдельное помещение под больницу, а в 1898 г. состоялось освящение выстроенной при Таврическом исправительном приюте церкви. Ее сооружение было необходимо в целях духовного перевоспитания преступников, а также в связи с удаленностью заведения от города и, соответственно, отсутствия вблизи православного храма, который могли бы посещать и жители окрестных деревень [262].

В марте 1890 г. был назначен директор социального заведения (И. Я. Пясецкий), а 3 июня того же года состоялось торжественное открытие первого как в Крыму, так и в Таврической губернии исправительного приюта для несовершеннолетних преступников. Сначала в социальное учреждение было помещено 7 мальчиков, но к 1898 г. их число достигло 50 [260].

Из отчетов Симферопольского Общества исправительных приютов стало известно, что контингент воспитанников исправительного приюта состоял из: а) несовершеннолетних, осужденных судом за преступления; б) детей осужденных родителей, которые отбывали наказание в тюрьмах; в) мальчиков до 12 лет, задержанных полицией за совершение правонарушений и без суда направленных в приют; г) беспризорные и нищенствующие дети без решения суда (по рекомендации органов внутренних дел); д) выпускников данного

социального заведения, которые остались в нем для обучения ремеслу [196]. Отдать ребенка в исправительное социальное заведение могли и сами родители в целях его духовно-нравственного перевоспитания. Дети, помещенные в приют без оговоренного срока, пребывали в нем до достижения ими совершеннолетия [193].

Система управления исправительным заведением была достаточно сложной и включала в себя четыре руководящих органа:

1. Учебно-воспитательные вопросы решались на Общей конференции (преподаватели закона божьего и всех общеобразовательных предметов, воспитатели и учителя ремесла), которую возглавлял директор приюта.

2. Проблемы сельскохозяйственного характера и задачи, касающиеся специальных дисциплин или практических занятий, согласовывались на Совете, состоящем из Управляющего школой, преподавателей специальных предметов и Попечителя.

3. Непосредственное заведование школой и включающими отраслями хозяйства было поручено Управляющему, который должен соответствовать определенным требованиям: иметь высшее или среднее сельскохозяйственное образование, опыт работы в данной сфере, мог быть одновременно учителем одной из специальных дисциплин.

4. Вышестоящей инстанцией являлось Правление Симферопольского Общества исправительных приютов. Например, расписание уроков составлял Совет школы, а утверждало Правление, так же, как и лицо на должность Управляющего [94].

Таким образом, созданный в 1893 г. в Симферополе первый в Крыму и единственный исправительный приют для несовершеннолетних преступников дал возможность малолетним детям, нарушившим закон, отбывать наказание отдельно от взрослых заключенных – в специально созданном для них учебно-воспитательном заведении, что оберегало подростков от отрицательного влияния закоренелых преступников. Данное социальное учреждение перевоспитывало детей с помощью таких видов деятельности как учение

(начальное общее и среднее профессиональное образование) и труд, а также с помощью духовно-нравственной практики при местной церкви до достижения несовершеннолетними 18 лет, а также трудоустривало своих воспитанников. Лучшие из них получали инструменты, одежду и деньги на первоначальные хозяйственно-бытовые нужды [95].

В Российской империи отсутствовала система государственной организации перевоспитания несовершеннолетних преступников, т.е. по сути царская власть переложила бремя исправления малолетних правонарушителей на местные органы власти и частные благотворительные общества, которым столь сложная задача было не под силу. Поэтому деятельность малочисленного Таврического исправительного приюта для малолетних преступников не решала задачу содержания и исправления несовершеннолетних осужденных в Крыму во второй половине XIX – начале XX века.

Таким образом, в наиболее динамично развивающихся городах Крыма второй половины XIX века (Симферополь, Ялта, Керчь, Севастополь) в период с 1854 по 1890 гг. было открыто девять социальных заведений для несовершеннолетних детей, из которых четыре – в губернском центре. Каждый из этих населенных пунктов на основе особенностей своего географического положения, дающего преимущества административного (Симферополь), военного (Севастополь), транспортного (Керчь) и оздоровительно (Ялта) характера, занимался решением социальных проблем несовершеннолетних детей. При этом доля государственного участия в организации социальных учреждений оставалась минимальной, ограничиваясь в основном законодательной поддержкой, помощью земств, частными пожертвованиями членов царской семьи в пользу нуждающихся детей и покровительством Ведомства учреждений императрицы Марии. Во второй половине XIX в. в Крыму появилась четкая тенденция: общественная помощь нуждающимся детям становится нормой жизни крымчан и долгом каждого зажиточного гражданина. Большую роль в популяризации благотворительную деятельности

в пользу детей играла социальная политика Российской империи, всячески поощряющая филантропию.

Дальнейшее становление социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму в 1895 – 1913 гг. можно обозначить как расцвет. За 18 лет было открыто 5 новых учреждений для призрения детей в разных регионах полуострова и продолжали функционировать и совершенствоваться существующие. Общее число социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму к началу XX в. достигло 14-ти. При этом расширялся не только территориальный и численный охват детей (более 1000 ребят), но и качество оказываемых им учебно-воспитательных услуг. В конце XIX – начале XX в. в Крыму появились новые типы социальных заведений для детей: «береговой» приют и «приют-корабль» в Севастополе, приюты-убежища в Керчи, а также учреждения оздоровительного характера, которые бесплатно призывали сирот, беспризорных и детей из бедных семей (например, бесплатный санаторий в Евпатории).

Непосредственно к социальным заведениям для несовершеннолетних детей, открытых в конце XIX – начале XX века в Крыму, относились: Севастопольский приют для мальчиков (1893); приют-убежище в Керчи для бездомных детей Общества попечения о детях (1900); Севастопольский «береговой» приют для мальчиков (1903); корабль-школа в Севастополе им. цесаревича Алексея (1908); приют-убежище для несовершеннолетних им. К. И. Месаксуди в Керчи (1909). Раскроем особенности создания данных социальных учреждений для детей и специфику их деятельности.

В 1893 г. в Севастополе вновь созданное Общество по устройству дешевых столовых открыло приют для сирот мужского пола. Общество арендовало помещение для временного расположения круглых сирот-мальчиков и начало сбор денег для строительства еще одного, кроме аналогичного учреждения для девочек, полноценного детского приюта в Севастополе. В 1909 г. новое здание социального заведения для мальчиков-сирот было открыто и освещено [261].

Председателем Общества по устройству дешевых столовых и приюта для мальчиков был врач Е. Э. Шмидт, в 1910 г. его назначили директором этого социального заведения. Данный приют был предназначен для 20 детей мужского пола (от 4-10 до 14 лет), у которых нет родственников и средств к существованию. Вероисповедание и происхождение ребенка при приеме в Севастопольский приют для сирот-мальчиков не имело значение. Правление Общества по устройству дешевых столовых заботилось о том, чтобы у воспитанников были документы, подтверждающие их рождение – метрические свидетельства. По мере того, как приют заканчивали старшие дети, на освободившиеся места принимались новые сироты [51].

Севастопольским обществом по устройству дешевых столовых и приюта для сирот-мальчиков выделялось 120 руб. в год на содержание одного ребенка. Организация состояла из 10 постоянных членов, в чьи обязанности входило обеспечение несовершеннолетних воспитанников социального учреждения одеждой и обувью, полноценным питанием, нравственно-религиозным воспитанием и начальным образованием.

В 1902 г. был принят Устав Севастопольского общества по устройству дешевых столовых и приюта для сирот-мальчиков. В соответствии с ним основная цель социального заведения заключалась в трудовом воспитании детей, их подготовке к честной жизни при помощи овладения ремесла в мастерских при приюте [322].

Таким образом, в Севастополе к концу XIX в. функционировало два социальных заведения для несовершеннолетних сирот: одно для девочек, основанное в 1882 г. Севастопольским благотворительным обществом, другое – для мальчиков под попечением Общества по устройству дешевых столовых и приютов (1893 г.). Однако этого было недостаточно для большого города.

В 1903 г. в Севастополе начало свою деятельность Ведомство учреждений императрицы Марии, которая основала на окраине главного порта Черноморского флота «береговой» приют для мальчиков, подконтрольный попечительству города. Данное социальное заведение получило свое название в

связи с расположением на берегу Черного моря в Карантинной бухте Севастополя [20].

«Береговой» приют для мальчиков располагался в собственном доме директора социального заведения – М. В. Воблый, и представляло собой одноэтажное здание с четырьмя спальнями для детей, учебной мастерской, залом для занятий и игр, а также комнатами воспитателей и служащих. Рядом с «береговым» приютом находилась ремесленная школа, столовая, баня [340].

В «береговой» приют принимали мальчиков-сирот из бедных крестьянских семей, обеспечивая им опеку до 15 лет. Целью социального заведения было обучение, воспитание и профессиональное образование юношей [260].

Председателем Попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии в Севастополе был С. К. Кульстрем, а попечителем «берегового» приюта для мальчиков-сирот стала А. Н. Спицкая. Под их руководством количество воспитанников Севастопольского берегового приюта для сирот-мальчиков постепенно выросло и к 1916 г. достигло 50 человек, что способствовало получению образования детям из бедных крестьянских семей [186].

Интересен феномен Корабля-школы для мальчиков им. цесаревича Алексея. В начале XX века у А. И. Млинарича, агента Русского общества пароходства и торговли, возникла оригинальная идея: создать в Севастополе приют-корабль для детей-сирот. В тот период социальные заведения подобного типа были распространены за рубежом: во Франции, Англии и Италии с их помощью перевоспитывали несовершеннолетних преступников, уменьшая их возможности к побегу. В России первый приют-корабль был открыт в Таганроге в 1904 г. для детей 14-17 лет, а позже (1911) – в Крондштате. В 1908 г. контр-адмирал Р. Н. Вирен ходатайствовал лично перед правительством об устройстве данного приюта, после чего ему дали в распоряжение устаревшее военное судно: парусно-винтовую шхуну «Псезуапс» [260]. Некогда боевой корабль переоборудовали, приспособив под нужды детского приюта, куда были

допущены мальчики-сироты и беспризорные 9-10 лет, здоровые и готовые к будущей морской службе. Несовершеннолетние, склонные к каким-либо заболеваниям, в социальное учреждение не принимались.

21 сентября 1908 г. детский приют получил свое официальное название «Корабль-школа имени цесаревича Алексея» и принял первых 16 воспитанников. Его контингент и далее был немногочисленным. Директором социального заведения назначили автора идеи – А. И. Млинарича [311].

В 1914-1915 гг., в связи с началом Первой мировой войны корабль-приют для сирот-мальчиков закрыли, т.к. часть сотрудников была призвана на фронт, а также возникли проблемы с финансированием учреждения. Воспитанников приюта отправили к родным или разместили в других функционирующих социальных заведениях Крыма для несовершеннолетних.

Опыт данного детского приюта для мальчиков – особенен. Идея превратить корабль в учебное заведение интересна как для воспитанников, так и для педагогов. В отличие от зарубежных аналогов, крымский приют-корабль ставил цель подготовить высококвалифицированных моряков, а также уменьшить явления бродяжничества и нищенства мальчиков-сирот в Севастополе, обеспечить будущее подростков, несмотря на мизерные затраты со стороны государства. Уникальный опыт работы данного детского приюта, к сожалению, нигде больше впоследствии применен не был: ни в Российской империи, ни в современной России.

В Керчи в начале XX в. также продолжалось становление развитие социальных заведений для несовершеннолетних. В 1900 г. Керченское общество попечения о детях, созданное в 1899 г., открыло приют-убежище для бездомных мальчиков и девочек до 10 лет. Одновременно в нем могли находиться около 30 детей. Однако для населения Керчи этого было уже мало: из-за того, что Мариинский городской приют принимал только девочек, количество мальчиков-сирот возрастало. Решить проблему помогла одна из самых богатых семей региона, потомственных купцов – Месаксуди, глава которой – Константин Иванович, за свою благотворительную деятельность при

жизни был удостоен ордена Святого Станислава III степени. В 1905 г. семья Месаксуди пожертвовала на строительство нового приюта-убежища в Керчи 20 тыс. руб., на которые, вместе со средствами Е. К. Калининой (около 30 тыс. руб.), был возведен новый дом для социального заведения на Карантинной улице с собственной школой, кухней и игровой площадкой. Здание было рассчитано на 53 ребенка (и мальчиков и девочек) в возрасте от 2 до 12 лет. Приюту было дано имя К. И. Месаксуди, его открытие состоялось в 1909 г. [183]. По уровню оборудования приют-убежище в Керчи им. К. И. Месаксуди принадлежал к лучшим социальным учреждениям Таврической губернии.

Таким образом, к 1914 г в Керчи постоянно действовали пять социальных заведений для детей, работа которых была описана выше, что позволяло не только эффективно бороться с негативными социальными явлениями в городе (беспризорность, нищета, детская преступность, смертность), но и повышать уровень образования и воспитания молодежи.

Развитие опеки детей в Евпаторийском уезде началось намного позже, чем в других регионах полуострова (Симферополь, Ялта, Керчь, Севастополь) – лишь в конце XIX – начале XX вв. и имело свою специфику. Во-первых, это было связано с немногочисленным составом населения в городе: по данным первой переписи населения Российской империи в 1897 г. в Евпатории проживало 17 913 человек. А во-вторых, отличительной особенностью населенного пункта был его многонациональный состав с большой долей крымских татар – 42,7% и небольшим количеством украинцев (21,1%) и русских (17,6%). На остальные 17,7% населения Евпатории приходились караимы, немцы, евреи, греки, армяне [217, с. 52]. У каждой из этих конфессий во второй половине XIX – начале XX вв. появились благотворительные организации, которые в том числе оказывали социальную помощь сиротам, беспризорным, детям из бедных семей, оплачивая их образование, помогая трудоустройству. Наиболее многочисленными из данных филантропических организаций были Караимское (1871 г.), Еврейское (1898 г.), Греческое

(1908 г.), Русское (1909 г.), Мусульманское (1906 г.) благотворительные общества, Армяно-григорианское братство им. Айрик (1907 г.) [262].

Благотворительные общества Евпатории оказывали адресную помощь нуждающимся семьям с детьми: раздавали им одежду, обувь, продукты, лекарства, учебники, инструменты и денежные суммы [76], осуществляя таким образом профилактику детского нищенства, безнадзорности, заболеваемости и правонарушений. Несовершеннолетние, получившие образование благодаря поддержке благотворительных обществ, могли найти себе работу.

Первое регулярно действующее заведение для несовершеннолетних, которое лишь условно можно отнести к социальным, было открыто в пригороде Евпатории (ныне – п. Заозерное) в начале XX века – им стал первый в России бесплатный санаторий для оздоровления несовершеннолетних детей. Это учреждение было создано в 1913 г. на средства меценатов-караимов из Одессы, Г. М. Гелиловича и его супруги. Они, не имея собственных детей, открыли на берегу Каламитского залива санаторий-колонию для лечения детей из бедных семей. В новых корпусах разместились 80 несовершеннолетних пациентов с полным пансионом. На территории учреждения была устроена детская площадка и разбит парк. Санаторий обошёлся супружеской паре Гелиловичей в 200 тыс. руб. золотом – беспрецедентную сумму для крымской дореволюционной благотворительности [127].

Идея создания санатория была поддержана городским головой Евпатории, С. Э. Дуваном, который считал, что у детского социального заведения большое будущее.

По уставу санатория на бесплатное лечение и проживание принимались дети несостоятельных родителей с 8 до 13 лет, причем 50% мест отводилось несовершеннолетним ребятам караимской национальности, а на остальные места могли претендовать не только несовершеннолетние из Крыма, но и из других городов Российской Империи. Дети находились в бесплатном санатории от нескольких недель до нескольких месяцев в зависимости от самочувствия [246].

Других регулярно действующих социальных заведений для несовершеннолетних детей в Евпатории во второй половине XIX – начале XX в. создано не было, т.е. местное призрение несовершеннолетних осуществлялось в основном вне организованных учреждений для детей: при содействии благотворительных организаций Евпатории, которые организовывали адресную помощь населению приморского города.

В Феодосийском уезде во второй половине XIX – начале XX века социальные заведения для несовершеннолетних детей созданы не были, а опека нуждающихся детей в регионе осуществлялась вне организованных учреждений. Главную роль в помощи несовершеннолетним Феодосийского уезда играло Феодосийское благотворительное общество, образованное в 1870-73-х гг. Организация материально поддерживала неимущие семьи с детьми, вдов и сирот путем выдачи им небольших денежных пособий, одежды, обуви, учебников, а также выдавала несовершеннолетним стипендии на обучение [204].

Однако, учитывая большую численность населения Феодосии (около 27 тыс. жителей в конце XIX в.), в городе существовала необходимость размещения сирот и подкидышей [217]. Их местные власти и меценаты распределяли в губернские социальные заведения, например, в Таврический земский приют или Керченский Мариинский. Немаловажную роль в этом играл учредитель многих благотворительных организаций полуострова И. К. Айвазовский и члены его семьи [124].

Таким образом, в период с 1891 по 1913 гг. в Крыму было открыто пять новых социальных заведений для несовершеннолетних, а также одно бесплатное лечебное учреждение (санаторий семьи Гелиловичей в Евпатории), где могли призреваться в т.ч. дети, попавших в трудную жизненную ситуацию. В конце XIX – начале XX в. продолжали развиваться и функционировать социальные заведения для детей, созданные в Крыму ранее, с 1854 г. Однако к 1914 г. не во всех регионах полуострова были созданы социальные учреждения для несовершеннолетних. На севере Крыма (Джанкой, Перекоп, Армянск), в

центре (Карасубазар / Белогорск, Бахчисарай), а также в Старом Крыму не появилось ни одного социального учреждения для детей. Это свидетельствует как о слабой государственной поддержке данных регионов, так и о низком уровне развития их экономики, социальной сферы и активности местного зажиточного населения.

Детские социальные заведения в Крыму в рассматриваемый период открывались чаще, чем приюты для взрослых: число богаделен, ночлежек и учреждений для немощных и больных стариков было в 2-3 раза меньше, а стремление обеспеченных сословий помогать им – слабее. Эта тенденция сохранялась в Крыму на протяжении всего XIX и начала XX в. [132].

Становление социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в 1914-1918 гг. обусловлено сложными историческими событиями, происходящими в эти годы в Российской империи: участие в Первой мировой войне, революционные движения и гражданская война. Данный период характеризуется общим упадком феномена благотворительности в стране и резким уменьшением материальных ресурсов, направляемых от обеспеченных слоев населения бедным. За пять лет (1914-1918 гг.) в Крыму открылось четыре социальных заведения для несовершеннолетних, целью которых было решение проблемы массового сиротства и беспризорности детей вследствие военных действий. Материальное положение других крымских социальных учреждений для несовершеннолетних ухудшалось. Многие из них вынуждены были закрываться из-за недостатка финансирования, другим удалось доработать до 1917-1920 гг.

Рассмотрим подробнее особенности возникновения и развития социальных заведений для несовершеннолетних в 1914-1918 гг. В указанный период в Крыму были созданы: «Очаг для детей мобилизованных родителей» в Симферополе (1914 г.); Каратобийский земледельческий приют в пригороде Евпатории (1915); Здравница-приют в деревне Туак (Аутка) Ялтинского уезда (1915); приют для сирот-мальчиков в Ялте Ведомства учреждений

императрицы Марии (1916); приют-школа и церковь им. Св. Захария и Елизаветы (заложены в 1916 г., но не были открыты).

В связи с ведением Российской империей активных боевых действий на фронтах Первой мировой войны большое количество несовершеннолетних детей оставались без надзора взрослых или становились круглыми сиротами. Для помощи детям воинов повсеместно в Крыму в 1914-1916 г. организовывались приюты и убежища. В 1914 г. с этой целью в Симферополе было зарегистрировано благотворительное «Общество попечения о детях», которое открыло «Очаг для детей мобилизованных родителей». Данное социальное заведение было предназначено для дневного призревания и организации досуга беспризорных ребят. Для занятий с детьми были привлечены воспитатели и няни, которые умели петь, танцевать, рисовать, ставить спектакли и концерты. Также со старшими ребятами проводились уроки естествознания, истории, игры на музыкальных инструментах, садоводства. Для защиты прав и интересов каждого воспитанника «Общество попечения о детях» пригласило на работу в «Очаг для детей мобилизованных родителей» юристов, медиков, педагогов [83]. Организаторы социального заведения осознавали, что дети, чьи родители находятся в местах боевых действий, нуждаются в моральной поддержке и помощи.

С началом Первой мировой войны и ростом числа детей-сирот и беспризорных царская власть обеспокоилась организацией социальных заведений для призревания несовершеннолетних, чьи родители погибли на фронте. В связи с этим Романовский комитет в 1914 г. поручил всем губерниям, в т.ч. Таврической, открыть в своих земствах приюты и убежища для детей воинов сельского сословия. При этом государство выделяло лишь половину необходимой суммы для финансирования вновь открытого учреждения, а остальное должна была изыскать местная власть. Также Романовский комитет давал разрешение на выдачу уездным земствам беспроцентных кредитов для устройства социальных заведений для детей [186].

В результате данных процессов в 1915 г. в Евпаторийском уезде был учрежден Каратобийский земледельческий приют для сирот, родители которых погибли или ранены на войне. Приют был устроен между Саками и Евпаторией в районе городища Кара-Тобе на части территории Каратобийского сельскохозяйственного училища, где в пользование воспитанников был оставлен большой участок земли в 360 десятин (около 400 га). В течение года шло строительство основных зданий (общежитие, классы, мастерские), хозяйственных построек, обустройство земельного участка, скотного двора [230].

Земледельческий приют был предназначен для детей в возрасте от 2-х до 14 лет. Социальное заведение ставило целью трудовое воспитание несовершеннолетних сирот в привычных для них сельских условиях, а также обучение их грамоте и ремеслам [231]. Таким образом, солдатские сироты выпускались из социального заведения, будучи совершеннолетними.

Каратобийский приют относился к ведомству Главного Управления Землеустройства и Земледелия, а непосредственное руководство осуществлялось Евпаторийским уездным земством, где был специально для этого создан Комитет земства. Он был обязан разрабатывать меры по эффективной постановке воспитательного дела сирот в Земледельческом приюте, привлекать благотворительные средства в социальное заведение, назначать заведующего приютом и других сотрудников учреждения, закупать инвентарь, оборудование и учебные пособия для воспитанников приюта [50, с. 163].

Устройство Каратобийского приюта было не только очень своевременно и полезно для призрения крымских детей воинов, убитых и раненых в годы первой мировой войны, но и эффективно с точки зрения подготовки квалифицированных специалистов для сельского хозяйства региона. Местные власти решали одновременно социально-педагогические задачи (призрение сирот, обеспечение их образованием) и экономические (подготовка сельскохозяйственных кадров для региона). При этом доходы

сельскохозяйственной школы покрывали значительную часть расходов земства на их обустройство и содержание.

Еще одним социальным заведением, созданным в Крыму силами местных властей в годы первой мировой войны, была «Здравница-приют» в деревне Туак (ныне с. Рыбачье) Ялтинского уезда. Учреждение предназначалось для постоянного проживания сирот и полусирот с 2 до 17 лет без учета сословия, национальности, вероисповедания и имущественного положения, чьи родители находились в действующей армии. Планировалось, что воспитанники будут укреплять свое здоровье на южном побережье Крыма, а также обучаться в школе при социальном заведении. В открытии «Здравницы-приюта» участвовало не только Ялтинское земство, но и уездные управы других крымских регионов (например, Евпаторийская). На собраниях Управ были заслушаны доклады о целесообразности использования благоприятного климата и природы местности Туак для открытия там сиротского приюта для детей солдат. Последний губернатор Таврии, Н. А. Княжевич, утвердил проект и передал «Здравницу-приют» в ведение губернского земства. Известно, что это новое социальное заведение вскоре приняло у себя около 100 детей из разных уездов Крыма [232].

В 1916 г. Ялтинское попечительство Ведомства учреждений императрицы Марии открыло в городе сиротский приют для мальчиков сельского сословия. Деньги на устройство социального заведения были выделены Романовским комитетом, а также благотворительными обществами и частными лицами. Для детей был подготовлен двухэтажный дом, вмещающий 20 человек на ул. Бассейной [84]. Однако приют не успел развернуть полномасштабную деятельность в связи с военными и революционными событиями в России.

В Ялте планировалось открыть еще одно аналогичное социальное заведение для детей воинов, убитых или раненых. В конце 1916 г. усилиями городских властей и местных жителей был утвержден проект приюта-школы для детей воинов в предместьях Ялты, а также планировалась постройка рядом с заведением церкви им. Св. Захария и Елизаветы для нравственно-

религиозного воспитания детей. Средства на строительство отдельного здания на участке земли, выделенном местными крестьянами, и обустройства парковой зоны рядом с домом, где будут жить мальчики, пожертвовала Великая княгиня Елизавета Федоровна. Однако намеченные планы организаторам не удалось воплотить в жизнь в связи с начавшимися в Крыму в 1917-1918 гг. беспорядками [260].

Таков перечень социальных учреждений для несовершеннолетних, открытых во второй половине XIX – начале XX в. в Крыму. Они были представлены в таких регионах полуострова как Симферопольский уезд, Ялтинский, Евпаторийский, Феодосийский, а также в Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальстве. В Перекопском уезде не была развита система опеки детей, попавших в трудные жизненные условия, и на протяжении второй половины XIX – начала XX века не было открыто ни одного учреждения для опеки несовершеннолетних сирот, беспризорных, нищих или малолетних преступников [271].

Таким образом, проследив хронологию событий по становлению и развитию социальных заведений для детей в Крыму в 1914-1918 гг. можно отметить следующие тенденции данного периода: постепенное ухудшение материального положения большинства учреждений для несовершеннолетних вследствие войн и революций; снижение качества содержания ребят в учреждениях призрения или их количества; создание сиротских приютов, специально предназначенных для детей солдат, умерших или раненых на войне; рост участия государства и царской семьи в финансировании социальных заведений для несовершеннолетних; переориентация системы благотворительности и призрения в целом в Крыму и в России на военные нужды; постепенное сокращение количества заведений для незащищенных слоев детского населения, сворачивание всей системы социального призрения и, в конце концов, полная ликвидация их разветвленной сети к 1920 г.

Наглядно динамика по созданию социальных заведений для несовершеннолетних детей и их численность в Крыму во второй половине

XIX – начале XX века отражена в приложении Г. В ней нужно обратить внимание на то, что в тех социальных заведениях, где обозначено относительно большое количество детей, несовершеннолетних принимали не только из данного региона, но и со всей Таврической губернии.

2.2. Особенности воспитательной и образовательной работы в социальных заведениях для детей Крыма второй половины XIX – начала XX века

В Крыму в конце XIX – начале XX века успешно функционировали 18 социальных заведений разного типа, где получали приют, достойное воспитание и образование около 3 тысяч детей в год. В каждом заведении можно дифференцировать систему воспитательной работы, школьного образования, а также наличие и уровень профессионального образования несовершеннолетних.

Рассмотрим вначале особенности воспитательной работы в социальных заведениях Крыма, т.к. данное направление педагогической деятельности было представлено во всех без исключения учреждениях призрения для детей на полуострове в отличие от школьного обучения и профессионального образования.

В большинстве социальных учреждений для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. ставились следующие задачи:

- религиозно-нравственное воспитание и патриотическое;
- физическое воспитание детей, восстановление их ослабленного здоровья;
- трудовое воспитание: привитие ребятам разного рода практических умений и навыков, подготовка выпускников к трудовой, самостоятельной жизни.

Функции воспитателей в социальных учреждениях для несовершеннолетних в Крыму выполняли, как правило, лица с гимназическим

образованием, но без специального педагогического: смотрительница. Решением Совета попечителей (меценатов и основателей) социального заведения смотрительницей назначалась чаще всего взрослая женщина дворянского сословия, которая руководила и организовывала всю педагогическую работу в учреждении. Если в детском заведении воспитывалось большое количество несовершеннолетних (около 50 и более), то, при наличии у учреждения достаточных материальных средств на заработную плату, в помощь смотрительнице нанимались помощницы, которыми иногда становились выпускницы этого же приюта. Однако, источники информации о преподавательском составе социальных заведений скудны и не дают возможности делать обобщающие выводы.

В сиротском доме им. Фабра воспитателей старшей подгруппы детей называли надзирателями и на эту должность приглашали учителей из школ или училищ, т.е. квалифицированных специалистов с опытом работы с детьми. К примеру, когда учитель Перекопского приходского училища изъявил желание занять в сиротском доме Фабра должность надзирателя над воспитанниками старшей группы, Совет попечителей социального заведения постановил принять это заявление [104, л. 44].

Все надзиратели приюта Фабра были мужчинами, т.к. во второй половине XIX в. в России учителями работали традиционно мужчины. Только с 1870-х гг. женщины получили право преподавать в школах, однако вплоть до начала XX в. составляли меньшинство преподавательского состава. В младших группах сиротского дома работали смотрительницы – женщины без опыта педагогической работы. Известно, что большой вклад в дело воспитания ребят сиротского дома внесли надзиратели за старшими детьми П. Карпов, Н. К. Дергаченко и смотрительница за младшими – С. Нисеус [86]. Весь педагогический состав приюта Фабра получал достойную зарплату, а при необходимости – еще и жилье и питание (приложение В).

Рассмотрим методы, формы и средства, с помощью которых социальные учреждения для несовершеннолетних детей в Крыму реализовывали

перечисленные выше направления воспитательной работы во второй половине XIX – начале XX в.

Одной из главных задач педагогической работы в детских приютах и других социальных заведениях Крыма исследуемого периода было их религиозно-нравственное воспитание. Оно осуществлялось различными способами: путем крещения ребенка, его обучения Закону Божьему и церковному пению; организации жизни детей в социальном учреждении по канонам православной церкви (посты, соблюдение заповедей Божьих, ежедневное чтение Библии и молитв, религиозные обряды, церковные праздники, активное участие воспитанников в богослужениях в церквях при социальных заведениях); отведения священнослужителям роли учителей и наставников при приютах. Остановимся подробнее на перечисленных путях религиозно-нравственного воспитания детей в социальных заведениях Крыма второй половины XIX – начала XX в.

Большая часть социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму рассматриваемого периода воспитывали детей в духе православия. При крупных из них строились небольшие церкви, их называли придомовыми, или часовни [215]. Сохранились сведения о том, что так было в детских приютах им. А. М. Адлерберг, им. А. Я. Фабра, Керченском Мариинском, Керченского Свято-Троицкого братства, Симферопольском исправительном для малолетних преступников, Севастопольских приютах для мальчиков и девочек. Воспитанники социальных заведений участвовали в церковных песнопениях, присутствовали при богослужениях, старшие ребята при необходимости оказывали посильную помощь в уборке церкви [275].

В ходе исследования не было обнаружено ни одного стационарно действующего учреждения для круглосуточного пребывания несовершеннолетних сирот, подкидышей, беспризорных, в котором бы воспитание было построено на основе религии, отличной от православия. Многочисленные этноконфессиональные общества Крыма осуществляли активную поддержку своего беднейшего населения, в том числе детского,

однако делали это в виде адресной помощи, денежных пособий и подарков, продуктовых наборов, бесплатных обедов, стипендий для обучающихся.

Некоторые детские приюты предназначались только для христиан (сиротский дом Фабра, приют Адлерберг, Керченский Мариинский приют). Если в момент поступления ребенка-сироты в эти социальные заведения при нем не было обнаружено документов о крещении, то православную веру несовершеннолетний принимал в церкви при приюте. Происхождение ребенка и его национальность не имели значения при крещении нового воспитанника социального заведения [104, 138, 210]. Не найдено информации о крещении поступающих на воспитание подростков только в Симферопольском исправительном приюте, где церковь предназначалась для духовного перевоспитания малолетних преступников.

Другие социальные заведения, кроме бесплатного санатория Гелиловичей в Евпатории – на 50% для караимов, принимали детей вне зависимости от их вероисповедания, например, Севастопольский приют для мальчиков, «Здравница-приют» в с. Туак (Аутка) Ялтинского уезда [51].

«Закон Божий» был обязательным и главным предметом в начальных школах при социальных заведениях для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. Такое отношение к данной дисциплине было характерно для всей системы образования в Российской империи в XIX в. Обучение «Закону Божьему» велось по программе, утвержденной Священным Синодом – высшим органом управления делами православной церкви в дореволюционной России. Преподавал дисциплину священник – не менее двух уроков в неделю, в некоторых учреждениях ему помогал причетник [41, 210, 323]. При большинстве социальных заведениях для детей были открыты приходские школы, где кроме «Закона Божьего» также преподавались уроки церковного пения не менее 2-3 раз в неделю, а также подготовка и участие во всенощной (каждое воскресенье только для старших ребят). Последнее было неизменной традицией приюта им. Фабра (приложение Д). А в Керченском Мариинском

приюте в церковном хоре обязательно пели все воспитанники приюта на праздниках и в выходные [39].

В ряде социальных заведений, которые не могли себе позволить содержать штат учителей для школы или не считали это необходимым, священники обучали не только «Закону Божьему», но и всем дисциплинам начальной школы: русскому языку, арифметике и т.д. Так было в сиротском доме Фабра. В заведении Адлерберг, например, с 1854 г. до 1893 г. в целях экономии все предметы, кроме церковных, вела смотрительница, и она же отвечала за воспитательную работу [138]. И только Керченский Мариинский приют изначально дифференцировал педагогов для обучения и воспитания детей от работы священника.

Дисциплины «Закон Божий» и «Церковное пение» преподавались не только в начальных школах в Крыму, но и в некоторых народных училищах, открываемых при социальных учреждениях для детей, например, в Симферопольском исправительном приюте для малолетних преступников. В рамках преподавания церковных дисциплин детям прививались христианские добродетели: вера, любовь, целомудрие, кротость, смирение, милосердие, мудрость, надежда, покаяние, служение Богу и Царю [95].

В приютах Крыма для несовершеннолетних традиционно отмечали христианские праздники, особенно Рождество. В эти дни сотрудники совместно с детьми устанавливали ёлки, украшали помещения, готовили сценарии концертов и театрализованных представлений, надевали нарядную одежду; кухонные работники – пекли пироги, а благотворительные организации города и общественность старались сделать ребятам подарки (сладости или игрушки). Так было принято отмечать православные праздники в приютах Адлерберг, Керченском Мариинском, Севастопольских, Ялтинских социальных заведениях. А в приюте им. Фабра торжественно отмечали еще и День Ангела основателя заведения, День основания сиротского дома и День Храмового праздника церкви сиротского дома. Кроме того, в приюте для мальчиков тайного статского советника А. Я. Фабра были и дни траура (день смерти

основателя сиротского дома и день смерти его матери), когда все занятия отменялись, а ребята вместе с начальством учреждения ездили в имение, где похоронены усопшие для совершения панихиды [30]. Данные традиции воспитывали в юных сердцах благодарность к доброте и милосердию меценатов социального заведения, уважение к истории своего приюта, почтительное отношение к правилам, принятым в нем, верность православным традициям.

Сотрудники и воспитанники всех детских приютов вместе совершали ежедневные молитвы (до и после всех приемов пищи, до и после занятий и до сна), а также пели гимн «Боже, Царя храни» [113]. Кроме этого, регулярно педагоги и священник читали ребятам Библию, трактовали ее тексты, беседовали на морально-этические темы, наставляли детей в православной вере, воспитывая в них верность Царю и государству [9].

Все сотрудники и воспитанники приютов в обязательном порядке постились: по средам и пятницам на их столах была постная пища, а в первую неделю Великого поста в некоторых социальных учреждениях ребята даже голодали (приют им. Адлерберг, Керченский Мариинский) [160].

Следовательно, каждый день воспитанники приютов много времени проводили со священнослужителями, а вся жизнь социальных заведений была пронизана православной верой, церковными обычаями и традициями, которые с современной точки зрения можно назвать чрезмерными. Формально социальные заведения для несовершеннолетних и школы при них были светскими учреждениями, однако образ жизни воспитанников в них, по сути, мало чем отличался от религиозных. Православное воспитание формировало характер детей в социальных заведениях: учило их с достоинством переносить жизненные трудности (отсутствие родителей, бедность); не унывать и надеяться на лучшее, быть оптимистами; благодарно ценить то малое, что им давала судьба (пищу и кров над головой, заботу воспитателей, возможность получить образование и выбиться в люди), трудиться и добиваться большего.

Религиозно-нравственное и патриотическое воспитание в образовательных учреждениях – было одной из главных особенностей педагогики не только Крыма, но и всей Российской империи. Государство и церковь традиционно действовали в тандеме, поддерживая идеологию и политику друг друга, а сироты, подкидыши и беспризорные не имели другой альтернативы воспитания и обучения.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Крымских городах часто вспыхивали эпидемии различных заболеваний, опасные как для детей, так и для взрослых: коклюш, скарлатина, брюшной тиф, холера, туберкулез, оспа уносили тысячи жизней. В эти сложные периоды задачей руководства социальных заведений для несовершеннолетних было не только уберечь своих ребят от заражения, но и по мере возможности привлечь старших воспитанников к помощи населению и администрации городов в борьбе с эпидемиями [170].

В тяжелое военное время (Крымская война, Русско-японская война, Первая мировая) воспитанники приютов вместе с сотрудниками оказывали посильную помощь и поддержку российским войскам: в социальных заведениях (например, в приюте Адлерберг) открывались мастерские по пошиву и ремонту одежды, теплых вещей для солдат, изготовлению белья, бинтов и прочих расходных материалов для нужд Красного Креста [138]. Общее доброе дело сплачивало детей, формировало у них желание помочь ближнему в трудную минуту, воспитывало любовь к Родине.

Во время войны в социальных учреждениях Крыма находили помощь и поддержку дети военнослужащих, ставшие беспризорными или сиротами.

Таким образом, сложные условия, в которых часто оказывались социальные заведения для несовершеннолетних на полуострове во второй половине XIX – начале XX вв., способствовали патриотическому воспитанию ребят, формированию у них коллективизма, нравственности. Первоосновой становления духовности детей в приютах была церковь и православная вера, на

основе которой происходило становление характера, воли, формировалась послушная, терпеливая, трудолюбивая личность, необходимая государству.

Еще одной важной задачей социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. было совершенствование системы физического воспитания, от уровня организации которого зависели жизнь и здоровье детей. Однако во второй половине XIX в. в России еще не была развита научная система физического воспитания, основоположником которой стал П. Ф. Лесгафт. В связи с этим под «физическим воспитанием» руководители и педагоги социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму понимали чаще всего не педагогический процесс, направленный на формирование физической культуры ребенка в результате педагогических воздействий и самовоспитания, а совокупность санитарно-гигиенических, климатических, диетических условий проживания и профилактических мероприятий, так или иначе воздействующих на здоровье и физическое развитие детей.

В частности к средствам физического воспитания относили жилищные и санитарно-бытовые условия помещений, в которых содержались дети (жилая площадь и качество постройки, освещенность, температура помещений, частота влажной уборки, соблюдение элементарных правил безопасности, гигиена детей, наличие места для прогулок на свежем воздухе и пр.); качество медицинского обслуживания: наличие при приюте больницы, изолятора или фельдшерского пункта, квалифицированных медицинских работников, лекарств и оборудования; своевременное проведение вакцинации от натуральной оспы; качество и количество принимаемой пищи; возможность обеспечивать детям необходимую по сезону одежду и обувь; климатические условия, в которых географически находилось социальное заведение (возможность выезда к морю, например); закаливающие процедуры: ходьба босиком, умывание холодной водой, посещение бани, солнечные и воздушные ванны, прогулки.

Можно выделить еще несколько факторов, выделенных при обобщении источников, которые влияли на здоровье, физическое развитие и воспитание ребят в социальных учреждениях Крыма в исследуемую эпоху: возраст призреваемых детей, их количество (чем младше дети и чем их больше, тем сложнее обеспечить профилактику и лечение заболеваний); численный штат сотрудников, их квалификация, образование и опыт работы с несовершеннолетними; включение в программу физического воспитания ребят специальных упражнений и игр, способствующих их росту и физическому развитию. Следовательно, крымские педагоги и врачи второй половины XIX – начала XX вв. считали достаточными для физического воспитания и развития детского организма прогулки и труд на свежем воздухе, закаливающие процедуры, подвижные игры, физическую работу по хозяйству.

В социальных заведениях для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. не было систематических, регулярных занятий физической культурой. По крайней мере, ни в одном из изученных источников не встречается описаний подобных уроков, нет их и в расписании школ. Никакой целенаправленной работы по обучению основным движениям, совершенствованию физических качеств, развитию двигательных умений, навыков и способностей в социальных заведениях для несовершеннолетних в Крыму в рассматриваемый период не велось. Из данного обобщения выделим только два исключения:

– гимнастика (ежедневная зарядка) была неременным атрибутом оздоровительных летних колоний и бесплатного детского санатория в Евпатории [69], однако они не относятся к социальным заведениям для несовершеннолетних;

– основательную физическую подготовку и начальный курс военного дела проходили воспитанники Севастопольского «берегового» приюта для мальчиков (1903) и Корабля-приюта им. цесаревича Алексея (1908) [395].

Из всех социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму хуже всего обстояла ситуация с физическим воспитанием в колыбелях для

новорожденных: в Таврическом земском приюте для подкидышей (Симферополь) смертность детей в разные годы колебалась в пределах 50-70%, чуть лучше обстояло дело в аналогичной колыбели в Керчи. Высокая детская смертность была бичом социальных учреждений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., даже в колыбелях-приютах Москвы и Петербурга. Краевед И. Н. Старостин приводит ужасающие цифры: за 1882-1889 гг. грудных младенцев умерло 59,5%, детей раннего возраста – 44% [162]. Среди основных причин можно назвать следующие: на одну кормилицу приходилось от трех до пяти младенцев; общая большая численность детей (250-300 детей в Керченской колыбели и более 2000 в Таврической земской в начале XX в.); учреждениям не удавалось справиться с эпидемиями дифтерии, коклюша и скарлатины; неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние помещений; низкий процент усыновления (2-3%) [3].

В 1899 г. «тайная колыбели» для подкидышей была закрыта в Таврическом земском приюте, в 1903 г. – в Керченском, т.е. отказ родителей от воспитания ребенка стал открытой процедурой, что привело к уменьшению числа «подброшенных» детей [248]. Одновременно с тем, согласно данным Н. А. Засецкого, Таврической земской управой были осуществлены ряд мер (увеличение расходов на содержание детей, расширение штата сотрудников и пр.), благодаря которым уровень детской смертности в социальных заведениях для подкидышей в Крыму постепенно снизился и достиг 25% [165].

В качестве вывода можно процитировать доклад Таврической земской управы от 24 января 1897 г., где анализировалось состояние дел в губернии по призрению подкидышей и отмечалось, что «существующая организация призрения сирот ... сохраняла жизнь значительного количества подкинутых детей, но она едва ли ... подготавливала их к жизни, развивала физические и умственные силы воспитанников и особенно их способность к труду» [311, с. 4].

С целью улучшения системы воспитания детей в Таврическом земском приюте для подкидышей его Управа в конце XIX – начале XX в. приняла

несколько нововведений: дети, опекаемые земством, должны обязательно обучаться в школе, в т.ч. те, кто отдан на воспитание в семьи; после окончания обучения в школе (приютской или другой) воспитанники должны быть помещены стипендиатами губернского земства в существующие ремесленные школы для получения профессии; дети, не желающие или не способные к дальнейшему обучению, должны быть трудоустроены, а их заработная плата помещена в сберегательную кассу Таврической губернии для приращения процентов; девочкам, вышедшим замуж по окончании приюта, управой выдается в качестве приданого 50 руб.; ходатайствовать об обучении одаренных и талантливых детей в высших учебных заведениях [283].

Однако в ряде крымских социальных учреждений (Симферопольский приют для мальчиков им. А. Я. Фабра, Симферопольский детский приют графини А. М. Адлерберг, Ялтинский городской приют, приют-убежище в Керчи им. К. И. Месаксуди для бездомных мальчиков и девочек, Керченский Мариинский детский приют, корабль-школа им. цесаревича Алексея в Севастополе) постановка физического воспитания детей была на достаточно высоком уровне, а смертность приближалась к нулю, что подтверждают опубликованные отчеты приютов и материалы Государственного архива Республики Крым. В названных заведениях учредители и организаторы присматривали за небольшим количеством воспитанников (20 – 80) старше 4-х лет, поэтому могли обеспечить им достаточные санитарно-гигиенические условия для жизни и здоровья. Например, из 41 ребенка Керченского Мариинского приюта в 1910-1911 гг. заболели 39 человек, но только двое, со скарлатиной и брюшным тифом, лежали в городской больнице, остальных врач и сотрудники приюта вылечили амбулаторно, ни одного летального исхода не было. При этом известно, что в 1910 г. в Симферополе была вспышка холеры, случаи которой были зафиксированы и в Керчи, но руководство социального заведения смогло уберечь своих воспитанников от заболевания [182]. Однако не обо всех социальных заведениях Крыма удалось найти сведения об уровне заболеваемости и смертности детей.

О жилищных условиях в приютах для несовершеннолетних Крыма известно достаточно. Большая часть наиболее крупных детских социальных учреждений полуострова в исследуемый период размещались в собственных двухэтажных каменных зданиях с большими светлыми комнатами, высокими потолками, построенными специально для нужд данных заведений. Многие из этих зданий сохранились до сих пор. А. Н. Савочка так описывает новое здание Ялтинского городского приюта (1876 г.): это был каменный двухэтажный дом с просторными внутренними помещениями; на первом этаже находились жилые комнаты для мальчиков, кухня, столовая и уборная; на втором этаже были спальни девочек, мастерские, а также гардеробные и комнаты для сотрудников заведения [260]. Хозяйственные постройки, в т.ч. кухня, баня и прачечная чаще всего находились в отдельных строениях во дворе из соображений безопасности детей. Кроме того, при социальных заведениях часто обустроивался изолятор, разбивался огород и сад для прогулок на свежем воздухе, что способствовало восстановлению ослабленного здоровья детей. Так обстояли дела в Симферопольских приютах им. А. М. Адлерберг и А. Я. Фабра, приюте-убежище им. Месаксуди в Керчи, Керченском Мариинском приюте, Симферопольском исправительном, Ялтинском городском, Каратобийском земледельческом.

Другие социальные учреждения для несовершеннолетних в Крыму располагались в частных домах или дачах благотворителей (дворян и купцов), которые также отличались просторными помещениями, добротной обстановкой, наличием собственных дворов, где ребята могли гулять и играть. Такими был, например, береговой приют в Севастополе. Специфика приюта-корабля Млинарича также не мешала сотрудникам и воспитанникам содержать заведение в образцовом порядке [262].

Опека и уход за детьми, восстановление их физического здоровья были обозначены в качестве основных задач деятельности в уставах детских приютов имени А. М. Адлерберг и А. Я. Фабра, санатории им. Гелиловичей в Евпатории.

Отбор в названные социальные заведения был строгим: не принимались дети с хроническими или другими серьезными заболеваниями (эпилепсия, слепые, умалишенные, инвалиды и т.п.). Совет попечителей данных заведений давал согласие на зачисление того или иного ребенка в приют, после чего его осматривал врач, а затем новому воспитаннику выдавалась одежда (будничная и праздничная) и два комплекта белья. Особенное внимание уделялось своевременно сделанной детям прививке от натуральной оспы [86].

В социальных заведениях для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. должность директора традиционно занимал врач по образованию. Например, директором приюта графини А. М. Адлерберг был медик и почетный дворянин М. И. Кашкадамов, который организовал для несовершеннолетних строгий режим дня, трехразовое питание, чередование отдыха, занятий и труда [113]. Кроме того, в приютах постоянно функционировала больница или фельдшерский пункт с медсестрой (например, в Керченском Мариинском приюте), были предусмотрены изоляторы для инфекционных больных. В особо тяжелых случаях детей доставляли в городскую больницу [210].

А. И. Маркевич в своих записях о заведении Адлерберг отмечал, что в целях профилактики заболеваний в детском приюте уделялось пристальное внимание закаливающим процедурам (например, в теплое время года все дети и в помещении, и во дворе ходили босиком). Мусор по мере возможности сжигался, чтобы не стать источником бактериальных инфекций. За 60-тидесятилетнюю историю существования приюта им. А. М. Адлерберг в нем было зарегистрировано всего лишь 15 случаев заболеваний детей со смертельным исходом [138].

Санитарно-гигиеническое состояние того или иного заведения всегда занимало отдельное место в отчетах социальных учреждений. В данном документе Керченского Мариинского приюта есть такие слова: «Санитарное состояние приюта удовлетворительное. Приют помещается в собственном каменном здании, имеющем достаточно воздуха и света. Классная комната и

спальни хорошо вентилируются, здание имеет обширные коридоры. Зимой дети еженедельно моются в бане, летом – купаются в море. Дети пользуются также постоянной врачебной помощью фельдшера под наблюдением врача...» [210, с. 7]

У Симферопольских социальных заведений не было возможности вывозить детей на море, кроме приюта им. А. М. Адлерберг. Руководство данного учреждения, единственное в губернском центре, нашло возможность возить своих питомцев в Евпаторию в 1893, 1894-95, 1897, 1899, 1901, 1913 гг. Активное участие в организации приема, поселении и развлечении воспитанниц социального заведения принимали дворяне и зажиточные горожане Евпатории (С. С. Пампулов, купец Шагай, Каракоз, С. Э. Дуван, М. М. Эфет) [50]. Перед социальными заведениями для несовершеннолетних других городов Крыма, кроме Симферополя, не стояло проблемы летнего отдыха воспитанников, т.к. все они располагались на берегу Черного моря (Ялта, Керчь, Севастополь, Евпатория). С целью оздоровления воспитанников их вывозили в хорошую погоду на загородные прогулки.

Как известно, одним из важных факторов физического воспитания является режим дня – специальная организация жизни ребёнка, которая чередует его активную и пассивную деятельность. В социальных заведениях Крыма для несовершеннолетних во второй половине XIX – начале XX вв. режиму дня уделяли пристальное внимание, т.к. благодаря ему дети не утомлялись, ориентировались во времени и видах деятельности, а нарушения дисциплины и непослушание сводились к минимуму, что облегчало работу сотрудников приютов.

В подавляющем большинстве социальных заведений режим дня предполагал ранний подъем (около 6 утра), гигиенические процедуры, 3-х или 4-хразовое питание, две-три прогулки, учебные занятия и игры, послеобеденный отдых и ночной сон. Кроме этого, дети школьного возраста занимались самообслуживанием, посильной им хозяйственно-бытовой помощью по заведению, работами в саду и огороде, что обеспечивало их

полную занятость и давало воспитанникам достаточную физическую нагрузку. В периодических изданиях Симферополя начала XX в. (газеты «Крым», «Салгир») можно найти опубликованные режимы дня воспитанников некоторых социальных учреждений Крыма (приложение Е) [95-96, 162, 235, 248]. Распорядок дня в приютах зависел от времени года и был стабильным, изменяясь только в выходные и праздничные дни, когда вечерние учебные занятия заменялись купанием, развлечениями, играми или прогулкой.

Рассматривая вопросы физического воспитания несовершеннолетних в социальных заведениях Крыма, приведем фрагменты «Записей выпускника...» сиротского дома А. Я. Фабра: Г. П. Доценко отмечал, что в приюте дети всегда были «сытые, чисто одетые, жизнерадостные», имели свой сад и огород. «Недостатка в свете и чистом воздухе дети не ощущали, – писал автор, – воспитанников часто водили в баню, меняли белье. Одежду выделяли будничную и праздничную. Пища готовилась всегда свежая, вкусная и в достаточном количестве. Время для сна и отдыха полагалось достаточное...» [86, л. 2, об.]. Свое свободное время дети круглый год проводили в саду. По мнению автора «Записей...» такой вид отдыха несовершеннолетних на свежем воздухе позволял избежать однообразных занятий по гимнастике и закалиться. Г. П. Доценко отмечал: «В мое время (1874-1878 гг. – уточнено нами Э. С.) в приюте редко болели. Серьезных заболеваний не замечалось, а смертельного случая не было ни одного» [86, л. 3 об.].

Учреждения для мальчиков отличались традиционно большей строгостью режима дня и вопросов дисциплины, чем социальные заведения для девочек (Симферопольском исправительном приюте для малолетних преступников, Севастопольские приюты для мальчиков) [225, 322].

Отдельно остановимся на ключевом моменте физического здоровья человека – питании детей в социальных заведениях. Содержание ребят в приютах было простым, без излишеств [141, л. 5, об.]. Набор продуктов, которые закупали учреждения, был стандартным: хлеб, масло, молоко, крупы, овощи, рыбий жир, чай, сахар, мясо, сухая провизия [182, с. 7]. Овощи и

фрукты в списках не значатся, т.к. чаще всего их выращивали сами социальные заведения. Часто свежие садовые и огородные культуры привозили приютам в качестве благотворительной помощи частные лица или филантропические организации.

Завтрак, ужин и полдник в большинстве социальных заведений были очень скромными и далекими от современных требований к детскому питанию. А. И. Маркевич писал о завтраке в Симферопольском приюте им. А. М. Адлерберг: чай с белым хлебом; о полднике – к чаю выдается по бублику. На ужин дошкольникам, детям с ослабленным здоровьем и больным выдавалось молоко от приютненских коров с белым хлебом (остальным детям, вероятно, чай), по воскресеньям – пирог. Единственным полноценным приемом пищи в приюте являлся обед, который состоял из двух блюд: мясной суп, мучное блюдо и ржаной хлеб. Смотрительница учреждения должна была еженедельно составлять расписание детского меню [138, с. 57]. Подобная же модель питания существовала и в других социальных заведениях для несовершеннолетних в Крыму.

Подводя итоги состоянию дел по физическому воспитанию детей в социальных заведениях для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв., можно констатировать отсутствие сформированной системы физического развития воспитанников приютов в связи с недостаточностью научно-методической базы в данной отрасли, квалифицированных кадров. Сотрудники и руководство социальных учреждений в меру своих возможностей и знаний выполняли требования к санитарно-гигиеническому состоянию приютов, питанию, прогулкам, отдыху, двигательной активности детей. Однако регулярных и систематических занятий физической культурой, аналогичных современным, в заведениях для призрения несовершеннолетних не было. В рассматриваемый период становление методики физического воспитания детей в России и Крыму только начиналось. А «колыбели для младенцев» и приюты для подкидышей (Керченский Мариинский, Таврический земский) боролись за сохранение жизни и здоровья

детей, а физическое, умственное или другое воспитание были для них второстепенными задачами.

Наиболее широко было представлено во второй половине XIX – начале XX века в социальных учреждениях для детей в Крыму трудовое воспитание, под которым понималось «формирование у несовершеннолетних трудолюбия, формирование у них разного рода практических умений и навыков, подготовка выпускников к самостоятельной, честной, трудовой жизни» [138]. Для достижения этой цели руководство социальных учреждений и воспитатели ежедневно привлекали детей к хозяйственно-бытовым работам. В некоторых заведениях данная традиция даже была закреплена в официальных документах. Например, в §19 первой части «Расписания внутреннего строя жизни в приюте им. графини А. М. Адлерберг» записано следующие: «Дети принимали участие в следующих работах по Приюту: в ежедневной уборке всего здания; спален, классных комнат, столовой, комнат должностных лиц и коридоров, в нужных же случаях – церкви, больницы и других помещений; в топке печей, в стирке и глажении белья, в приготовлении обеда, в прислуживании за обедом, в уборке ламп и вообще во всех работах по приютскому хозяйству. В летнее время дети должны заниматься в огороде, исполняя посильную их возрасту работу по устройству грядок и посадке цветов и овощей, и уборке последних» [138, с. 56]. Для выполнения всех перечисленных работ смотрительница социального заведения устанавливала специальный график дежурств, директором приюта его утверждал. Не участвовали в подобных дежурствах только дети дошкольного возраста.

Круг обязанностей воспитанников социальных заведений дополняет выдержка из отчета Керченского Мариинского приюта: «Носильное платье и белье шьется самими детьми под руководством и наблюдением смотрительницы и ее помощницы. Стирка и глажка детских вещей и вещей служащих производится одной прачкой при помощи детей. Приготовление пищи для служащих и воспитанниц приюта ... производилось детьми под наблюдением и руководством заведующей школой (кулинарной – уточнено

нами Э. С.). Уход и присмотр за маленькими детьми лежит на обязанности старших воспитанниц... Мойка полов и вся уборка здания приюта производиться также воспитанницами» [182, с. 6]. Кроме всех перечисленных занятий в отчете указано, что в 1910 г. старшие воспитанницы работали в бесплатных народных чайных, а во время каникул приютский церковный хор по воскресеньям и праздничным дням пел в гимназической церкви.

Советская литература представляет помещиками описанное явление, как эксплуатацию детского труда, тяжелую работу для несовершеннолетних, но архивные источники и краеведческая литература утверждают обратное. Например, А. И. Маркевич, директор приюта им. Адлерберг, с большим вниманием и заботой описывает в своих мемуарах специальное расписание, которое индивидуально составляли для каждого ребенка, чтобы он успевал не только посещать школьные занятия, но и ухаживать за своим палисадником [138]. Г. П. Доценко, воспитанник Симферопольского приюта им. Фабра, в своих воспоминаниях писал, что воспитанники с удовольствием проводили свободное время круглый год на огороде, где у каждого были свои грядки: ребятам выдавали необходимые инструменты для ухода за растениями. По словам Г. П. Доценко, труд в палисаднике они воспринимали как своеобразный вид отдыха на свежем воздухе, а не как работу [86].

Организация трудового воспитания была дифференцированной по полу. Девочки традиционно участвовали в приготовлении пищи, штопке белья, уходе за младшими детьми. Особенный упор на овладение детьми трудовыми навыками и ремеслом делалось в социальных заведениях для мальчиков (например, в Севастопольском приюте для мальчиков), т.к. с их помощью молодые люди в будущем должны были обеспечивать себя и свою семью. Мальчики в приютах помогали носить воду, топить печь, под руководством педагогов занимались столярно-плотницкими работами и ремонтом обуви. Некоторые обязанности выполнялись совместно детьми обоего пола: уборка помещений, стирка, глажка, работы в саду и огороде [189].

Особого детально продумывалась система перевоспитания подростков в единственном в Крыму исправительном социальном учреждении второй половины XIX – начала XX века – Симферопольском приюте для малолетних преступников (1890). Акцент здесь при перевоспитании подростков, преступивших закон, делался на религии, физическом труде и строгой дисциплине [225].

Активное участие несовершеннолетних в труде во второй половине XIX – начале XX вв. было распространено практически во всех типах социальных учреждений не только в Крыму, но и в других регионах Российской империи. Более того, это являлось характерной особенностью и для образовательных организаций для детей: дневных приютов «Ясли» (детских садов – помечено нами, Э. С.), школ, народных училищ [51, 169].

Столь широкое и раннее привлечение несовершеннолетних к хозяйственно-бытовому труду и полному самообслуживанию обусловлено множеством причинами. Во-первых, это вынужденная мера для экономии денег на содержание сотрудников приютов при постоянной нехватке средств и нерегулярной благотворительной помощи. К тому же на Руси традиционно в несостоятельных семьях дети с маленького возраста начинали овладевать ведением домашнего хозяйства и помогали родителям, а в подростковом возрасте уже становились самостоятельными. Во-вторых, большинство своих выпускников социальные заведения готовили для работы прислугой у состоятельных граждан (купцов, дворян), поэтому специально обучали их умело выполнять даже тяжелую хозяйственно-бытовую работу. Также преследовались организационно-воспитательные задачи: дети целый день были заняты активными видами деятельности, которые сменяли друг друга (игры, обучение, труд, гигиенические процедуры, прогулки), т.е. чем меньше свободного времени оставалось несовершеннолетним на шалости, тем легче было работать небольшому штату воспитателей.

В процессе трудового воспитания в социальных учреждениях у детей формировались положительные черты характера: целеустремленность,

трудолюбие, настойчивость, аккуратность, самостоятельность, способность преодолевать трудности, дисциплинированность, ответственность, отзывчивость, чистоплотность.

В социальных заведениях дореволюционного Крыма дети не росли иждивенцами, оторванными от реальной хозяйственно-бытовой жизни, как это происходит обычно в современных интернатных заведениях, где воспитанники получают чистую одежду, готовую пищу, новую мебель и даже не задумываются о том, чьими усилиями достигаются данные блага. А во второй половине XIX – начале XX вв. труд формировал уверенную в себе, самостоятельную личность, готовую к взрослой жизни вне стен социального заведения, что и было главной целью большинства подобных учреждений в Крыму в исследуемый период.

Методы воспитания детей крымских социальных заведений не отличались большим разнообразием. Жизнь детей строго регламентировалась: они должны были ходить парами, соблюдать тишину и порядок. Как уже было сказано, воспитанники были обязаны придерживаться режима дня, правил внутреннего распорядка, соблюдать посты, время молитв, учебы, труда, прогулок и посещения родственников. Считалось, что правила поведения, которым все без исключения дети должны были следовать беспрекословно, выполняют роль средства воспитания. При этом сотрудники приютов старались не использовать строгих мер принуждения ребят к выполнению правил [86, 138, 210, 226].

А. И. Маркевича в своих мемуарах вспоминал, что графиня Е.В. Апраксина, смотрительница приюта им. Адлерберг, проводила в социальном заведении много времени, была доброжелательна со служащими и ласкова с воспитанницами, часто лично укладывала спать самых маленьких из них, посещала праздники ребят, ходила с ними в церковь, отчего дети любили и уважали ее [138, с. 50]. Также исследователь описывал методы и приемы поощрения и наказания, которые использовались в приюте Адлерберг. В качестве мер наказания смотрительницам социального заведения было

разрешено применять такие методы: запрет участвовать в играх и прогулках, лишение свидания с родными, отпуска или лакомства, назначение внеочередного дежурства. Данные способы наказания, уточнял А. И. Маркевич, применялись в том случае, если не помогли словесные методы воспитания (увещевание, беседы).

Физические и другие виды взысканий в приютах не допускались, за этим должна была следить смотрительница. Действительно, ни в одном источнике не найдено никакого упоминания о физических методах наказания детей в социальных заведениях Крыма второй половины XIX – начала XX вв. Смотрительницы социальных заведений должны были вести кондуитный список, т.е. журнал, в котором отмечалось поведение, проступки и способности воспитанников, а также способы наказаний и поощрений за них [260].

Самым страшным наказанием для детей в социальных заведениях было исключение. К данной мере прибегали в отношении несовершеннолетних, «склонных к порокам, после использования всевозможных мер для их исправления и не подающие больше надежды» [224, л. 3]. Справедливо считалось, что эти дети подают отрицательный пример остальным воспитанникам. Однако исключали детей в редких случаях, т.к. чаще всего несовершеннолетним некуда было уходить из социального заведения [183]. Также ребенка могли исключить за серьезное нарушение установленных норм и правил приюта: например, в заведении Адлерберг, если воспитанника забрали на каникулы родственники и не привезли в назначенное время, он автоматически считался выбывшим [138, с. 56]. Следовательно, большая часть методов воспитания, которые использовались в социальных заведениях в Крыму, были адекватными и объективными с точки зрения современной педагогической науки. Осуждению подлежат лишь наказание трудом (внеочередные дежурства) и лишение свидания с родными.

Поощряли детей вниманием, лаской, похвалой, лакомством, ответственными поручениями. За особые заслуги в обучении способных учащихся стимулировали стипендиями, новыми костюмами, наборами

инструментов для будущей работы, выпускными денежными пособиями на первоначальное обзаведение хозяйством, а старших воспитанников – процентами от продаж собственных изделий на сберегательном счету подростка. Подобная система мотивации давала возможность каждому ребенку выбиться из нищеты, получить хорошее образование и обеспечить себе достойное будущее. Общая атмосфера в учреждениях для призрения несовершеннолетних была спокойной и доброжелательной [86].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. в большинстве социальных заведений Крыма сложилась похожая система воспитания детей, основными направлениями которой являлись: религиозное, нравственное, патриотическое, физическое и трудовое воспитание. В источниках второй половины XIX – начала XX вв. не обнаружено упоминаний об эстетическом или эмоциональном воспитании несовершеннолетних детей в социальных заведениях.

В уставах некоторых социальных учреждений Крыма обозначалось необходимость умственного воспитания. Под ним в исследуемый период понимали по сути элементарное начальное образование – систему обучения детей грамоте и основам наук, которая осуществлялась в начальных школах, открываемых в Крыму повсеместно во второй половине XIX – начале XX вв., в том числе при всех социальных заведениях для несовершеннолетних. Подобная концепция умственного воспитания была сформулирована в уставах приютов А. М. Адлерберг, А. Я. Фабра, Керченского Мариинского, Севастопольских приютов для мальчиков и девочек.

В первом детском приюте Крыма – учреждении им. А. М. Адлерберг, открытом в 1854 г., элементарную школу посещали все дети, независимо от возраста (с 4-х до 18 лет). Программа начального обучения предполагала овладение обучающимися дисциплинами Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, география, а также привитие ребятам разного рода практических навыков: девочкам – рукоделия, шитья, вязания и ведения домашнего хозяйства; мальчикам – ремонта обуви, плотничества [41].

Все уроки, кроме Закона Божьего, вела смотрительница, которая, по данным А. И. Маркевича, была настолько занята хозяйственно-бытовыми проблемами, что не могла уделять достаточно внимания правильному ведению занятий. В связи с этим в первое время в приюте А. М. Адлерберг не было ни установленного расписания занятий, ни специальных средств для проведения уроков. Преподавание там велось в столовой за обеденным столом, где несовершеннолетние развлекались играми. С 20 августа 1871 г. с увеличением количества детей и расширением помещений приюта была введена должность помощницы смотрительницы. Но на эту должность часто назначались старшие воспитанницы или выпускницы социального заведения (Деркачева, Фотенкова), что мало способствовало повышению качества учебно-воспитательной работы [279].

Вопросам обучения воспитанников в приюте Адлерберг не уделялось заслуженного внимания по нескольким причинам: изначально заведение было создано для предоставления приюта бедным детям и сиротам, спасения их от невзгод Крымской войны – таким оно, по сути, и оставалось на протяжении последующих 40 лет (до 1873 г.). Стесненные жилищные условия приюта вначале (1854-1856 гг.) и частые переезды после – при покупке, а затем и строительстве нового здания (1856-1869 гг.), не позволяли обустроить помещение для школы, а постоянный недостаток средств не позволял расширить расходы приюта на образование [112]. К тому же члены правления социального учреждения не уделяли достаточно внимания вопросам организации учебного процесса, и законодательство Российской империи до 1891 г. позволяло социальные заведения не давать начальное школьное образование своим воспитанникам.

Известно, что воспитанники после окончания приюта Адлерберг направлялись в различные учебные заведения для продолжения образования: в Симферопольское уездное училище, в Никитский сад на обучение, в Киевское и Херсонское военное училище, в Херсонское училище канцелярских детей, фельдшерскую школу и в Симферопольскую мужскую или женскую гимназии

соответственно [138, с.8]. Подчеркнем, что при всех недостатках учебного процесса приюта А. М. Адлерберг, это было единственное социальное учреждение, которое, судя по литературным источникам, направляло на дальнейшее обучение в средние учебные заведения не только мальчиков, но и девочек.

Намного лучше, чем в детском приюте графини Адлерберг, обстояла ситуация с начальной школой в сиротском доме для мальчиков им. А. Я. Фабра (1864 г.), что было связано с большей материальной стабильностью учреждения. Обучение ребят в приюте тайного статского советника начиналось с 8 лет и длилось до 13. Дети младшей группы (с 4-х до 8 лет) не посещали учебных занятий. В начальной школе преподавались русская грамматика, чтение, Закон Божий (со священной историей), арифметика с черчением, чистописание, славянский язык, церковное пение, башмачное мастерство. Занятия вел причетник под руководством священника [86, л. 4 об], несмотря на то, что в социальном заведении работали квалифицированные педагоги – надзиратели, но они выполняли только обязанности воспитателей старших групп детей, а все дисциплины начальной школы преподавали служители церкви. Ежедневно, кроме воскресенья, у детей было три урока в школе в первой половине дня и столько же – во второй (приложение Е).

Особенностью сиротского дома статского советника А. Я. Фабра была небольшая библиотека, где дети могли брать для чтения интересные им книги по естествознанию, географии, истории. Библиотека выписывала много периодических изданий (Русский Вестник, Одесский Вестник, Душеполезное чтение, Детское чтение, Семья и Школа), на эти нужды приют тратил более 400 руб. каждый месяц [104, л. 67]. Литература предназначалась для широкого круга читателей приюта: детей, педагогов, членов Совета Попечителей и других сотрудников. Часто надзиратели читали детям в классной комнате научные и художественные книги, объясняли непонятное содержание и незнакомые слова [86, л. 4].

По достижению 13 лет дети оканчивали школу и выпускались из приюта, поэтому руководство социального заведения организовало для мальчиков возможность продолжать обучение уже в других образовательных учреждениях. Неспособным к обучению ребятам помогали устраиваться на работу подмастерьями [224, л. 2].

Выпускники начальной школы приюта Фабра поступали в Симферопольское уездное училище или Симферопольское городское училище с двухлетними курсами обучения. Получив профессию, в 15-16 лет ребята начинали работать [86, л. 5]. Некоторых детей после окончания приюта Фабра отправляли в Ялтинское садоводство для обучения виноградарству и виноделию; или в ремесленные мастерские для подготовки к работе сапожника [104, л. 17 об]. Таким образом, все выпускники сиротского дома Фабра получали востребованную профессию, которая в дальнейшем давала им возможность самостоятельно зарабатывать деньги.

С 1875 г. для воспитанников приюта открылась возможность получить образование в средних и высших учебных заведениях при помощи стипендии им. графа А. Я. Де-Мезона (один из душеприказчиков Фабра). Теперь дети, с успехом окончившие курс начальной школы в сиротском доме и подающие надежды к дальнейшему образованию, могли помещаться в средние, а затем и высшие учебные заведения стипендиатами графа Де-Мезона [324, л. 5]. В 1880 г. в Уставе сиротского дома был прописан механизм такого поощрения: одаренных выпускников приюта Фабра направляли для поступления в Симферопольскую мужскую гимназию. В случае зачисления в данное учебное заведение, приют Фабра выплачивал несовершеннолетнему 50 руб. серебром ежегодно в течение 2-х лет. Если выпускник гимназии поступал затем в университет, то приют увеличивал содержание своего бывшего воспитанника до 70 руб. серебром ежегодно в течение 3-х лет. Этого было достаточно для оплаты за обучение и содержания самого подростка [141, л. 5]. Однако воспитанники приюта не получали стипендии Де-Мезона в массовом порядке: с

1876 г. по 1902 г. финансовую поддержку заслужили лишь 19 мальчиков [248, с. 3].

Первым стипендиатом графа Де-Мезона был зачислен Г. П. Доценко: выпускник сиротского дома благодаря стипендии социального заведения смог окончить гимназию и университет и стал юристом, работал на должности присяжного поверенного. Впоследствии в своих воспоминаниях к 50-тилетию приюта Г. П. Доценко писал о том, кем стали его товарищи, выпускники учреждения А. Я. Фабра: «медики, естественники, землемеры, учителя, офицеры, хозяева ремесленных мастерских, слесари, диаконы, приказчики...» [86, л. 8 об.]. Следовательно, стипендии социального заведения Фабра были возможностью для сирот и беспризорных получить достойное образование и выбраться из нищеты.

Образцовым с точки зрения организации начального обучения воспитанниц в Крыму можно считать Керченский Мариинский приют (1874 г.). Это одно из немногих социальных заведений на полуострове второй половины XIX в., в официальную цель которого входила организация начального образования детей, что было сформулировано в ежегодных отчетах учреждения [182].

К концу XIX в. руководству Керченского приюта удалось добиться стабильного материального благополучия своего заведения, что позволило усовершенствовать общую организацию и педагогическую работу с детьми. В начале XX в. Мариинский приют тратил на содержание одного ребенка около 203 руб. 93 коп. [210]. Это большая сумма для социальных заведений того времени. Для сравнения, Таврическое земство выделяло на содержание одного ребенка в городском приюте Симферополя в конце XIX в. около 60 руб. в год [311] (приложение Ж).

Директор Керченского Мариинского приюта, А. Д. Клокачева, придавала большое значение образованию воспитанниц, а само социальное заведение – было единственным приютом в Крыму, где начальная школа состояла не из одного, а из двух классов. Расписание уроков А. Д. Клокачева составляла

лично. Она разделила обучающихся по возрасту на 4 группы: дошкольники (4-7 лет), младшая (8-11 лет), средняя (11-14 лет) и старшая (14-18 лет) группы. Дошкольники Керченского приюта под руководством педагогов занимались играми, учились вышивать и вязать. Девочки младшей группы в первом классе учили Закон Божий, арифметику, чистописание, рукоделие, церковное пение. Средняя группа углубленно изучала во втором классе те же предметы, а также совершенствовались церковнославянский язык [39] (приложение Д).

Самые старшие девочки Керченского Мариинского приюта не посещали уроков, они занимались хозяйственными работами и отработкой профессиональных навыков. А. Д. Клокачева придавала особое внимание профессиональному обучению воспитанниц, поэтому дифференцировала учениц старшей группы еще и по роду профессиональных навыков, который девочки хотели получить [210]. В 1890 г. была учреждена стипендия имени супругов Колтовских, которой удостаивались самые старательные и послушные девушки старшей группы [168, л. 1-4].

Информации о том, чтобы совершеннолетние выпускницы Керченского Мариинского приюта направлялись для дальнейшего обучения в средние учебные заведения Крыма не найдено: в исследуемую эпоху женщины редко получали повышенное образование. К тому же начальная школа при Керченском приюте обеспечивала высокий уровень знаний для девушек незнатного сословия того времени, достаточный для будущего самостоятельного обустройства своей трудовой и семейной жизни.

Начальные школы также существовали при Ялтинском городском детском приюте (1871), приюте для мальчиков Керченского Свято-Троицкого православного братства (1885), Севастопольском приюте для девочек-сирот (1882), Севастопольском приюте для сирот-мальчиков (1893), Симферопольском исправительном приюте для несовершеннолетних преступников (1890 г.), Корабле-школе имени цесаревича Алексея (1908), Каратобийском земледельческом приюте для сирот, погибших в бою и раненых воинов (1915), приюте для сирот-мальчиков в Ялте (1916). В отчетах всех

упомянутых приютов подчеркивалось, что школьная программа была утверждена Министерством народного просвещения [333-335].

Известно, что в перечисленных социальных заведениях для детей были организованы следующие занятия: арифметика, русский язык, Закон Божий. Девочек также обучали рукоделию и кулинарии, на чем их образование заканчивалось, а мальчики в школе овладевали мужскими ремеслами, например, плели корзины [158]. Дети в приюте при православном братстве получали в дополнение основательную грамматическую подготовку [260]. Несовершеннолетние Севастопольского приюта обучались ремеслу в мастерских, а в 14 лет имели возможность продолжать обучение в городских мастерских или училищах за счет Общества по устройству дешевых столовых, а когда выпускники данного социального заведения хотели найти работу, тогда благотворительная организация способствовала их трудоустройству [322]. Подростки Симферопольского исправительного и Каратобийского приютов после окончания начальной школы получали профессиональное образование в учебном заведении второго разряда при своем же социальном заведении за счет земства или губернии [192, 230].

О наличии начальной школы во второй половине XIX в. в Таврическом земском приюте для подкидышей в Симферополе данные отсутствуют. Известно только, что С. А. Арендт помогала выпускникам упомянутого социального учреждения поступать в профессиональные учебные заведения.

Планировалось открытие начальной школы и при «Здравнице-приюте» деревни Туак (Аутка) Ялтинского уезда (1915), однако удалось ли осуществить задуманное – неизвестно [51].

В становлении начального школьного образования в социальных заведениях для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. можно выделить два периода.

1. Первый из них начался одновременно с открытием первых социальных учреждений для сирот и беспризорных в 1854 г. и характеризовался такими особенностями: наличие начальной школы в

подавляющем большинстве открывающихся социальных заведений для детей с 7-8 до 17-18 лет; первые попытки составления расписаний уроков и организации занятий в начальных школах при приютах; отсутствие деления на классы по возрастам: обучение всех воспитанников по одной и той же программе; основные дисциплины в начальных школах: Закон Божий, русский язык (грамматика), чтение, арифметика, церковное пение; наличие в курсе всех начальных школ дисциплин прикладного профессионального цикла: для девочек – рукоделие, шитье, вязание, ведение домашнего хозяйства, кулинария; для мальчиков – ремесла (ремонт обуви, плотничество, ковка, плетение корзин); роль учителя в школах многих социальных заведений выполняли священнослужители; ведение уроков считалось сугубо мужским занятием, женщин допускали лишь к воспитательной работе; недостаточное внимание руководства большинства социальных учреждений к вопросам школьного образования воспитанников; отсутствие специальных помещений для школ, удобной мебели, учебных пособий; редкое наличие четкого расписания занятий; преимущественное внимание к качеству образования мальчиков, нежели девочек; наличие возможностей юношам, выпускникам приютов, поступать в средние и высшие образовательные учреждения Таврической губернии или России.

2. Второй период развития начальных школ в социальных заведениях Крыма начался в 1891 г., когда был утвержден новый устав детских приютов Ведомства императрицы Марии, обязывающий социальные заведения давать элементарное начальное образование всем воспитанникам. Кроме того, конец XIX в. – время стремительного промышленного подъема Российской империи и острой нехватки квалифицированных кадров для производственных сил страны. Это вынуждало царскую власть уделять пристальное внимание обучению неграмотных народных масс. Немаловажным являлось то, что по сравнению с другими регионами государства Таврическая губерния по степени распространения грамотности занимала одно из первых мест. Передовое

дворянство Крыма понимало важность обучения широких народных масс всех сословий для развития и процветания родного края.

Перечисленными выше объективными обстоятельствами обусловлены характерные особенности второго периода развития начального образования в социальных заведениях для детей: открытие и обустройство начальных школ во всех социальных учреждениях для несовершеннолетних, кроме колыбелей для подкидышей; государственное регулирование (Министерством народного просвещения) учебных планов и программ начальных школ; появление в начальных школах при приютах четкого расписания уроков и систематических занятий; обогащение учебных планов начальных школ в некоторых социальных заведениях такими предметами как география, история; совершенствование методики преподавания учебных дисциплин, воспитательной работы; увеличение количества квалифицированных педагогических кадров в социальных заведениях, появление среди них женщин – учительниц; сохранение преимущественного внимания к качеству образования мальчиков, нежели девочек; расширение возможностей юношей – выпускников приютов, поступать в средние и высшие образовательные учреждения и практическое отсутствие такой возможности для девочек-выпускниц.

Для наглядной иллюстрации происходящих в конце XIX в. изменений в начальном школьном образовании при приютах приведем пример совершенствования методики учебно-воспитательной работы с детьми в Симферопольском приюте им. Адлерберг.

Из исторического очерка директора социального заведения А. И. Маркевича (1915 г.) известно о ходе первых улучшений. В 1893 г. директор народных училищ Таврической губернии Дьяконов заметил, что система педагогической работы в приюте Адлерберг требует более правильной организации, а на учебники для детей выделяются незначительные суммы. Его наблюдения показали, что воспитанники имеют достаточные знания лишь по Закону Божьему. Как выяснилось, по арифметике они знакомы только с

цифрами, пишут плохо, а чтение и русскую грамоту не знают вообще. Дьяконов заметил, что ученицы не разделялись на возрастные группы, т.е. младшие занимались вместе со старшими. При этом дошкольники находились в это время вместе с ними в комнате, они баловались и мешали урокам. На учебных занятиях дети сидели на скамейках или стульях без спинок, поэтому быстро уставали. К тому же, смотрительница и ее помощница во время уроков постоянно отвлекались на хозяйственные дела [138].

С 18 декабря 1893 г. в детском приюте им. А. М. Адлерберг, по мнению Дьяконова, начались улучшения: для обучения детей грамоте была приглашена квалифицированная учительница, составлено расписание уроков (не менее 3-х часов утром), учащиеся разделены на три подгруппы: дошкольники и младшие дети занимались в одном помещении, а для старших обучающихся был выделен специальный класс. Учебные комнаты снабжались теперь удобной мебелью и учебниками, утвержденными Министерством народного просвещения. Благодаря принятым мерам, успехи школы при приюте Адлерберг стали лучше: дети научились читать и писать, усвоили арифметические действия [41].

В том же 1893 г. председатель губернской земской управы Г. Х. Стевен обратил внимание членов попечительства приюта Адлерберг на необходимость улучшения обучения детей рукоделию, особенно кройке и шитью белья и платья, чтобы обеспечить их после выхода из приюта возможностью поступать на работу в швейные мастерские. Для этого была приглашена специальная учительница Ростовцева с достойным окладом, который впоследствии постоянно повышался [278].

Таким образом, подавляющее большинство выпускников социальных заведений Крыма конца XIX – начала XX в. имели начальное школьное и элементарное ремесленное образование, а также возможность продолжать обучение в средних, а при наличии способностей – и в высших учебных заведениях. Количество и объем изучаемых дисциплин в начальных школах при социальных учреждениях мало отличались от таковых в других образовательных организациях полуострова.

Обзор системы образования воспитанников социальных заведений не будет полным без характеристики его профессиональной составляющей. Благотворительные организации и государство не могли обеспечивать содержание сирот, беспризорных и подкидышей после их совершеннолетия. Следовательно, главной задачей руководства приютов и местных властей являлось обеспечение ранней самостоятельности выпускников и их способности к производительному труду. Из малолетних, неграмотных иждивенцев с ослабленным здоровьем, представляющих собой угрозу социальной напряженности в обществе, необходимо было сформировать образованных крепких молодых людей, приносящих пользу стране. Если начальное образование – было фундаментом в начале пути становления личности воспитанника социального заведения, то приобретение профессии – его конечная цель.

Среди двух десятков социальных учреждений для несовершеннолетних в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв., дающих своим воспитанникам начальное образование, было только пять, которые могли обеспечить им полноценное среднее профессиональное. При этом не будем рассматривать в качестве профессии те ремесла, которым в курсе начальной школы обучались дети во всех социальных заведениях. Охарактеризуем педагогическую работу только тех учреждений, которые открыли официально на своей базе самостоятельные средние учебные заведения со всеми разрешительными документами для обучения своих выпускников рабочей профессии в соответствии с государственными требованиями и запросами региона. Таким профессиональными образовательными учреждениями были:

1. Ремесленная школа при сиротском доме статского советника А. Я. Фабра (1890).
2. Низшая сельскохозяйственная школа садоводства, огородничества и пчеловодства II разряда при Симферопольском исправительном приюте для малолетних преступников (1893).

3. Низшее ремесленное училище кузнечного, слесарного и токарного дела при Севастопольском «береговом» приюте для мальчиков (1903).

4. Севастопольская Корабль-школа им. цесаревича Алексея для подготовки моряков (1908).

5. Кулинарная школа при Керченском Мариинском приюте (1908 г.).

Дадим последовательную характеристику особенностям организации профессионального образования в каждом из названных учреждений.

В 1890 г. при сиротском доме тайного статского советника А. Я. Фабра исключительно для его воспитанников была открыта ремесленная школа, рассчитанная на 20 учеников. В нее зачислялись мальчики в 13 лет, показавшие особые способности и склонности в начальной школе приюта. Они выбирали одну из трех специальностей: кузнечно-слесарное, столярно-токарное или колесно-экипажное дело. Рекомендацию ребенку для его обучения в ремесленной школе давал Комитет сиротского дома Фабра. Срок обучения в ремесленной школе составлял четыре года, но Комитет мог его продлевать еще на один год, если какой-либо ребенок не успевал в установленный срок усвоить весь курс обучения. Следовательно, в 17-18 лет подростки выпускались из профессионального учебного заведения при приюте Фабра и могли начинать самостоятельный трудовой путь [224, л. 1].

Согласно «Положению о ремесленной школе при сиротском доме тайного советника Фабра в г. Симферополе» управление образовательным учреждением осуществлял Комитет – высший орган руководства социальным заведением с 1880 г., а учебной и хозяйственной частью руководил Совет этой школы, который состоял из Надзирателя приюта, Смотрителя и учителей ремесленной школы. В данном учебном заведении работали учителя-мастера по изучаемым ремеслам и преподаватель черчения [224, л. 2 об.].

Воспитанники школы помещались отдельно от воспитанников сиротского дома. Обучение и содержание одного воспитанника в ремесленной школе обходилось заведению в 300 руб./год, что по меркам того времени равнялось высокой годовой заработной плате одного человека.

В мастерских ремесленной школы изготавливались для продажи все виды и роды предметов по изучаемым специальностям. Изделия воспитанников продавались, а доходы шли на содержание юных мастеров, т.к. процентов с принадлежащего приюту Фабра запасного капитала было недостаточно. В первые годы работы школы результаты ее финансовой деятельности превзошли все ожидания организаторов: в 1891 г. доходы с продажи изделий учащихся составили 3317 руб., а в 1894 г. – уже 4467 руб., т.е. вырученные деньги покрывали треть расходов на содержание ремесленной школы [331].

Из чистой прибыли, полученной от продажи изделий, школа отделяла определенный процент на вознаграждение учеников. Размер этого процента определял Комитет на основании заключения экзаменационной комиссии, что стимулировало ребят к добросовестному учению. Право на вознаграждение получали только лучшие ученики и лишь с третьего года обучения, когда они без помощи учителя могли изготовить вещь. Поощрительные проценты помещались на счет ребенка в Сберегательную кассу Государственного банка и выдавались ученику при выпуске из ремесленной школы. Эти деньги выпускник мог тратить на свое усмотрение, однако предполагалось, что они пойдут на приобретение инструментов для работы и на первичное обустройство [224, л. 3 об.]. Данная система материального поощрения практической работы учеников ремесленной школы напоминает организацию обучения в мастерских в колониях А. С. Макаренко в первой половине XX в. в СССР. Тогда она тоже давала хорошие результаты, однако критиковалась советской властью, как эксплуатация детского труда.

Интересно то, что ремесленной школе при сиротском доме Фабра разрешалось без ущерба для правильного хода обучения принимать небольшие заказы на производство предметов, соответствующих преподаваемым ремеслам. Это давало детям возможность ощутить востребованность своей специальности на рынке труда, практиковаться в выполнении «настоящих» заказов, мотивировало к обучению.

Ежегодно комиссия в составе одного члена Комитета, учителя черчения, Надзирателя школы и лучших мастеров проводила экзамен, где каждый ученик должен был по назначению учителя изготовить какую-либо вещь исключительно собственной работы.

Выходных в ремесленной школе было немного: воскресенья, праздничные дни и особые даты, которые отмечались только воспитанниками и сотрудниками заведения Фабра. Каникул в ремесленной школе не было, но в июне и июле продолжительность учебного времени сокращалась [224].

В учреждении поддерживалась строгая дисциплина: дети, склонные к порокам, после использования всевозможных мер для их исправления и не подающие больше надежды, исключались как из ремесленной школы, так и из сиротского дома. Также из ремесленной школы могли исключить из-за плохих оценок.

В 1895 г. состоялся первый выпуск ремесленной школы. Двенадцати ученикам, которые успешно сдали экзамены, были выданы свидетельства с печатью Сиротского дома тайного советника Фабра об окончании учреждения по соответствующей специальности с присвоением звания подмастерьев. Комитет оказывал содействие в трудоустройстве выпускников, а в особенных случаях мог выдавать денежное пособие «на первоначальное обзаведение». Лучшим выпускникам давали набор инструментов для работы [30].

Комитет сиротского дома тайного советника А. Я. Фабра ежегодно до 1 апреля предоставлял отчет о работе ремесленной школы за истекший год в канцелярию по учреждениям императрицы Марии, к которым принадлежало социальное заведение [224].

Данная ремесленная школа была первым средним профессиональным учебным учреждением в Крыму, открытым при социальном заведении исключительно для получения образования его воспитанниками. Руководство приюта смогло разработать слаженную систему приема и обучения несовершеннолетних, закрепить ее в утвержденных нормативных документах. Был набран квалифицированный штат сотрудников ремесленной школы,

обеспечена ее инфраструктура, продумано финансирование, режим работы. Длительность обучения в профессиональном учебном заведении позволяла учащимся получить необходимый объем теоретических и практических знаний, применить их на практике в мастерских и даже заработать свои первые самостоятельные деньги. Поощрение выпускников ремесленной школы включало не только доступ к личному денежному счету подростка в сберегательной кассе, но и в возможности получить набор одежды и инструментов для работы. К тому же, руководство профессионального учебного заведения содействовало трудоустройству своих учеников. Как видим, первую ремесленную школу, созданную для воспитанников сиротского дома им. Фабра, можно назвать образцовой.

Особого внимания заслуживает система профессионального образования в Симферопольском приюте для малолетних преступников.

В 1893 г. между двумя организациями – Симферопольским обществом исправительных приютов и Департаментом земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ России был заключен договор на 15 лет. В соответствии с ним на территории исправительного приюта создавалась низшая сельскохозяйственная школа II разряда для обучения в ней малолетних преступников требующимся в Крыму специальностям: пчеловодству, огородничеству и садоводству. Правление Общества исправительных приютов обязывалось организовать содержание и руководство всей системой педагогической работы сельскохозяйственной школы, а Департамент брал на себя обязанность с момента открытия учреждения ежегодно отчислять на его финансирование по 2000 руб. при условии, что количество учащихся в ней будет не меньше 20 человек. По условиям договора все доходы профессиональной школы будут оставаться в полном распоряжении Правления исправительного приюта [175]. Следовательно, это было взаимовыгодное сотрудничество, при котором Правление приюта получало практическую возможность давать образование своим несовершеннолетним воспитанникам, а Департамент обеспечивался на

весь период действия договора квалифицированными кадрами для сельскохозяйственных работ.

До открытия при исправительном приюте для несовершеннолетних преступников профессиональной средней школы подростки, чей срок отбывания наказания подошел к концу, однако, не достигшие 18 лет, тоже получали элементарные ремесленные навыки. Руководство приюта оставляло их в социальном заведении на полном пансионе для дальнейшего обучения в той сфере, где ребенок проявил способности или отдавали на частную службу. Если несовершеннолетний воспитанник устраивался на работу, то Правление приюта продолжало следить за его успехами, в случае необходимости отстаивало интересы подростка. В том случае, если было обнаружено плохое обращение хозяина к бывшему воспитаннику приюта или несоблюдение условий труда, то Правление социального заведения имело право забрать мальчика обратно в приют или найти ему другое место работы. Заработная плата несовершеннолетних детей откладывалась на специальный сберегательный счет до 18-тилетия молодых людей, а сами они находились на полном пансионе работодателя [175]. Таким образом, были защищены права несовершеннолетних детей, они приобретали необходимые знания и практические навыки, обеспечивались работой, а по достижении совершеннолетия – доступом к своему личному счету в банке.

В октябре 1893 г. сельскохозяйственная школа при Симферопольском исправительном приюте была открыта. По проекту Устава ее целью было «распространение в народе, преимущественно путем практических занятий, основных познаний по садоводству, огородничеству и пчеловодству, а также по ремеслам: столярному и сапожному» [179, с. 10].

Воспитанники исправительного приюта, умеющие читать и писать, в 12-13 лет поступали в подготовительный класс сельскохозяйственной школы, где изучали такие дисциплины как Закон Божий, русский язык, арифметика, чтение с черчением, учение о полезных и вредных для садоводства растениях и животных, церковное пение. Далее, в 14 лет, ребята зачислялись в первый класс

сельскохозяйственной школы при условии, что освоили общеобразовательные предметы в объеме курса начальных народных училищ. В их расписание добавлялись два новых предмета «Объяснение важнейших явлений природы» и «Основные понятия по садоводству, огородничеству и пчеловодству». Данный перечень предметов не изменялся на протяжении последующих трех лет обучения. Как видим, теоретический объем материала профессионально учебного заведения состоял как из общеобразовательных, так и из специальных дисциплин. Таким образом, общий курс обучения в сельскохозяйственной школе при исправительном приюте составлял четыре года. Обычно в 17-18 лет мальчики заканчивали свое профессиональное обучение и, соответственно, выпускались на свободу из исправительного учреждения [175, с. 14].

Программа и расписание занятий сельскохозяйственной школы при исправительном приюте утверждалась Министерством народного просвещения. Кроме этого мальчики, зачисленные в сельскохозяйственную школу, обязаны были выполнять ежедневные практические задания, которые в свою очередь разделялись на сельскохозяйственные и ремесленные. Общая учебная нагрузка на учащихся составляла не более 10 ч. в сутки в подготовительном, и не более 12 ч. – в трех основных классах (приложение 3) [175, с. 12-14]. Классные (теоретические) занятия продолжались с января по февраль и с 15 октября по 15 декабря. Время же с марта до 15 декабря воспитанники приюта были заняты на практических сельскохозяйственных работах [94].

Все учителя общеобразовательных и специальных предметов сельскохозяйственной школы имели высшее или средне профессиональное образование, а также право преподавания в начальных народных училищах, данное Министерством народного просвещения. Строгие требования к преподавательскому составу сельскохозяйственной школы обеспечивали высокий уровень образования учащихся.

Для приема, перевода, выпуска детей из учреждения создавались особые комиссии из членов приюта, Общества и школы. Департамент земледелия и сельской промышленности выделял по 200 руб./год на приобретение учебных

пособий для сельскохозяйственной школы при исправительном учреждении [175, с. 26]. Для сравнения, Керченский Мариинский приют и большинство других социальных заведений конца XIX – начала XX вв. в Крыму тратили на учебные пособия не более 50 руб./год [182, с. 3].

Все ученики сельскохозяйственной школы продолжали жить в исправительном приюте, содержались им и подчинялись общим дисциплинарным правилам социального заведения [95]. Выпускникам сельскохозяйственной школы в зависимости от своего поведения и успехов выдавали новую обувь, одежду, белье, а также, учебные книги и инструменты для первоначального обустройства и профессиональной деятельности [193].

В сельскохозяйственной школе при рассматриваемом социальном заведении существовала необычная процедура получения документа об образовании. Подростки после окончания данного профессионального учреждения сдавали выпускные экзамены, а затем нанимались на работу по полученной специальности, своего рода производственную практику. Работодатель обязан был выплачивать работнику плату, определяемую специальным договором с его школой сроком на 1 год. Выпускник сельскохозяйственной школы, поступающий на эту работу, обязывался каждые четыре месяца предоставлять руководству профессионального образовательного учреждения отчет о выполненных работах, подписанный работодателем. Если все отчеты были удовлетворительными и сдавались своевременно, то подросток считался сдавшим практику и окончившим школу огородничества, пчеловодства и садоводства. В таком случае выпускнику выдавали аттестат [192, с. 22].

Такой многоступенчатый механизм получения профессионального образования бывших малолетних преступников и их трудоустройства способствовал эффективному перевоспитанию несовершеннолетних. Каждый из них стоял перед выбором: годовой испытательный срок на частной службе или неизвестное будущее без образования и работы. Не все дети получали аттестаты: некоторые сбегали, не окончив даже полного курса обучения или не

могли сдать экзамены, другие не могли пройти практику: тогда руководство социального учреждения исключало из как из сельскохозяйственной школы, так и из исправительного заведения. Однако в некоторых случаях подросткам, не прошедшим практику, разрешали повторный курс обучения, но не более пяти раз [194].

Таким образом, в Симферопольском исправительном приюте были созданы необходимые условия не только для перевоспитания несовершеннолетних преступников, но и для получения ими среднего профессионального образования.

Познавателен опыт профессионального обучения сирот мужского пола в двух социальных заведениях г. Севастополя: «береговом» приюте для мальчиков и корабле-школе им. цесаревича Алексея, открытых в начале XX в.

Известно, что за время пребывания в «береговом» приюте все воспитанники-подростки (сироты и выходцы из малообеспеченных семей крестьян) получали профессиональное образование по образцу низших ремесленных училищ. Министерство народного просвещения утверждало программу «берегового» приюта, в соответствии с которой все обучающиеся мальчики в зависимости от своих интересов и способностей выбирали одну из трех специальностей: кузнечное, слесарное или токарное дело. Уроки в социальном заведении проходили в оборудованных мастерских, детей для занятий делили на подгруппы до 25 человек. В обязательный курс обучения «берегового» приюта, кроме практических занятий в мастерских, входил начальный курс военного дела и физическая подготовка: это было одно из немногих социальных учреждений Крыма, где была систематическая физкультура. В 15 лет дети заканчивали свое профессиональное образование и выпускались из приюта. По окончании социального заведения ребята гарантировано получали места в мастерских Севастопольского порта, поступали на военную службу и могли успешно работать со стабильной заработной платой в 45 руб. в месяц, что для начала XX в. было достойной

оплатой труда, т.е. «береговой» приют регулярно снабжал город квалифицированными работниками [261].

Целью корабля-школы для мальчиков им. цесаревича Алексея была подготовка морских кадров. Большую часть воспитанников социального заведения составили сироты и полусироты моряков, которых обучали общеобразовательным предметам и морскому делу: мальчики завязывали морские узлы, управляли парусами, изучали навигацию и прочее. Весь курс обучения составлял 3-4 года, после чего ребятам, достигшим возраста 12 лет, разрешалось ходить в недалекие плавания на каботажных судах в должности юнг. После 15 лет мальчиков устраивали на корабли дальнего плавания, и у них начинался карьерный рост. Обычно к моменту достижения совершеннолетия выпускник школы-шхуны уже был профессиональным моряком, который мог самостоятельно трудоустроиться на торговые суда Русского общества пароходства и торговли [260]. Таким образом, в приюте-корабле одновременно решалось множество задач: предупреждение нищенства и правонарушений подростков, начальное и профессиональное образование мальчиков-сирот, подготовка квалифицированных специалистов для работы на судах Черноморского флота России.

Последней, в 1908 г., была открыта кулинарная школа при Мариинском детском приюте в Керчи – единственное среднее профессиональное учебное заведение для девочек при социальных учреждениях Крыма. В ней старшая группа (14-18 лет) девушек Керченского приюта могли осваивать новую профессию. В 1910 г. в связи с эпидемией холеры в Керчи городское попечительство открыло в кулинарной школе при приюте бесплатную столовую, где бедные жители города могли получить качественную пищу. Для воспитанниц это была хорошая практика приготовления обедов и обслуживания людей в учреждениях общественного питания [210].

Кроме навыков кулинарии, воспитанниц Керченского Мариинского приюта готовили к работе няни, однако осуществлялось это не в специальном

профессиональном учебном заведении, а путем ухода старших девочек за младшими.

Выпускники кулинарной школы при Керченском Мариинском приюте в 16-18 лет или возвращались к родным, если таковые имелись, или направлялись на работу по специальности. К примеру, в 1910-1911 учебном году из Керченского приюта для девочек вышло 10 человек, из них 5 забрали родственники, остальные 5 поступили на службу к частным лицам (приложение И) [182].

Мальчики, пребывающие в остальных социальных учреждениях Крыма, не имеющих собственных народных училищ, направлялись на обучение в профессиональные учебные заведения Таврической губернии за счет приютов, благотворительных организаций или меценатов.

Девочки – воспитанницы социальных учреждений, кроме Керченского Мариинского, чаще всего не имели возможности обучаться в средних учебных заведениях. Их профессиональное образование ограничивалось курсами рукоделия и кулинарии, преподаваемыми в начальных школах при приютах, опытом ухода за малолетними воспитанниками, а также кругом хозяйственно-бытовых навыков. С таким объемом знаний и практических навыков девочка могла устроиться прислугой, горничной, няней, швеей. Считалось, что этого достаточно для выпускниц приютов.

Обобщая сказанное о профессиональном образовании воспитанников социальных заведений Крыма во второй половине XIX – начале XX вв., можно отметить следующие общие тенденции: бесплатное обучение несовершеннолетних в профессиональных школах при социальных заведениях; за исключением кулинарной школы при Керченском Мариинском приюте, профессиональные учебные заведения при социальных заведениях создавались только для мальчиков; процедура приема в профессиональные образовательные учреждения предполагала несколько условий: чаще всего это был определенный возраст ребенка (12-13 лет), владение им программой начальной школы, наличие у подростка общей способности к учению и официальная

рекомендация приюта; численность учащихся в ремесленных школах в среднем не превышала 20 человек; специальности, которые предлагались профессиональными учреждениями при социальных заведениях детям, были достаточно востребованы в регионе: кузнечно-слесарное, столярно-токарное, колесно-экипажное, морское дело, садоводство, огородничество, пчеловодство, кулинария; ребенок имел возможность выбора рабочей специальности среди тех, что были в его профессиональной школе; длительность обучения в средних учебных заведениях при приютах в среднем составляла 3-4 года; в профессиональных учреждениях преподавали квалифицированные учителя и мастера; к учебному оборудованию, пособиям и инфраструктуре среднего учебного заведения предъявлялись более строгие требования, нежели к обеспечению теми же средствами начальных школ при приютах; в каждом профессиональном учреждении существовала своя система стимулирования и поощрения добросовестных учащихся; социальное заведение всегда помогало в трудоустройстве выпускников своих профессиональных образовательных учреждений.

2.3. Возможность использования опыта детских социальных заведений Крыма второй половины XIX – начала XX века в современной системе социальной защиты несовершеннолетних

По результатам проведенного исследования, путь, пройденный крымской социальной сферой, условно подразделяется на три периода: а) с древнейших времен до начала XX века – преимущественно частная и благотворительная помощь учреждениям призрения для детей; б) с начала XX в. по 1991 г. – система централизованного государственного социального обеспечения социальных заведений для несовершеннолетних; в) с 1992 по начало XXI в. – современный (смешанный), т.е. интеграция государственного участия с частной и общественной благотворительностью, а также деятельностью фондов и некоммерческих организаций.

Определим ряд характерных особенностей в работе социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века, которые могли бы благотворно отразиться на педагогическом процессе в социальных учреждениях современной России. К ним можно отнести такие черты функционирования и организации учебно-воспитательного процесса в социальных заведениях дореволюционного Крыма как преобладание учреждений с небольшим количеством детей (около 20-45 человек); доброжелательная атмосфера в коллективе детей и сотрудников; активное привлечение воспитанников школьного возраста к участию в ведении домашнего хозяйства социального заведения и земельного участка при нем; привлечение старших детей к уходу за младшими; раннее (в 14-18 лет) начало выпускниками социальных учреждений самостоятельной трудовой жизни при помощи полученного в социальном заведении образования; наличие продуманной системы материального поощрения труда подростков, успешно обучающихся в профессиональных учебных заведениях; привлечение в социальные учреждения сотрудников, работающих на добровольной безвозмездной основе (волонтеры); участие религии в воспитании детей; обеспечение воспитанников всем необходимым, но без излишеств; участие социального заведения в трудоустройстве своих выпускников.

Недостатки, которые не рекомендуется повторять в современной системе социальной защиты несовершеннолетних, их необходимо искоренять: нехватка квалифицированных кадров и, как следствие, отсутствие индивидуального подхода к воспитанникам; изоляция детей от социума стенами социального заведения с собственной школой, больницей, церковью, сквером для прогулок и игр, учебными мастерскими, что затрудняет социализацию несовершеннолетних и «возвращение» в самостоятельную жизнь; отсутствие нужного количества исправительных социальных заведений для несовершеннолетних преступников в Крыму, что приводило к их переезду на материковую территорию страны; низкий уровень опеки и усыновления сирот из социальных учреждений; высокий уровень отказов от новорожденных детей,

ведущий за собой проблемы их вскармливания, заболеваемости, полноценного развития, возможной смертности; отсутствие возможности обеспечения выпускников социальных заведений жильем; нерациональная дорогостоящая система призрения детей в социальных заведениях, когда большая часть средств уходила на строительство, содержание зданий, оплату услуг сотрудников, а не на содержание, воспитание и обучение детей.

В современных детских домах и школах-интернатах по сравнению с дореволюционным периодом организации социальных заведений для детей уже учтены ошибки прошлого и усовершенствованы многие направления деятельности, например: появилась стройная система нормативных актов, регулирующих деятельность социальных заведений; преимущественное финансирование социальной работы осуществляется государством; улучшены санитарные, хозяйственно-бытовые, гигиенические условия пребывания детей в социальных учреждениях разного типа; система управления преемственна, а различные ветви власти строго подчинены друг другу, органы управления регулируют создание, функционирование и ликвидацию социальных учреждений для детей; социальные заведения обеспечены необходимым количеством квалифицированных кадров; религиозное воспитание детей заменено светским; выпускникам интернатных учреждений продолжают помогать в трудоустройстве, а детей-сирот, не имеющих своего жилья, обеспечивают им бесплатно.

Однако некоторые недочеты дореволюционных социальных заведений для несовершеннолетних продолжают иметь место в современном Крыму: ограничение взаимодействия воспитанников социальных учреждений с социумом; жесткие правила внутреннего распорядка жизни детских домов и школ-интернатов; необходимость всем детям обязательно выполнять одинаковый распорядок дня; не хватает домашнего тепла и уюта, семейной атмосферы в социальных заведениях; высокие педагогические требования к индивидуальному подходу воспитанников, несмотря на большое количество

детей на одного педагога (в XXI в. – до 25-30 человек на одного специалиста-воспитателя, в дореволюционный период – около 50-60).

Современные социальные учреждения для несовершеннолетних мало используют положительный опыт подобных заведений второй половины XIX – начала XX вв.: ограничение трудовых функций воспитанников, т.е. дети в социальном заведении мало участвуют в регулярной бытовой деятельности (не моют пол и посуду, не стирают и не гладят одежду, не готовят пищу), а только занимаются базовым самообслуживанием; несовершеннолетние практически лишены возможности самостоятельно планировать свой день, образ жизни; отсутствует стимуляция выпускников социальных заведений к раннему началу трудовой профессиональной деятельности; сохраняется преимущественно коллективный и групповой характер воспитания и обучения; запрет материального поощрения труда подростков и юношей в школах-интернатах и детских домах, недостаток учебных мастерских; невысокий уровень усыновления детей из социальных заведений для сирот.

Как становится очевидным, дореволюционные учреждения для детей были далеки от совершенства, но для своего времени они были передовыми. Современная же сеть социальных заведений для детей и молодежи требует серьезных преобразований для того, чтобы отвечать потребностям крымского социума и общемировым закономерностям и тенденциям опеки над несовершеннолетними.

По состоянию на 2010 г. в Крыму функционировало около 50 социальных заведений для несовершеннолетних детей более 10 типов, общей вместимостью в 5 тыс. человек, из них: 1 приемник-распределитель, 2 центра матери и ребенка, 3 общежития, 8 приютов, 22 школы-интерната, 6 центров социально-психологической и медико-социальной помощи и реабилитации, 9 детских домов. Отдельно ведется учет количества детских домов семейного типа, сохранившихся с «украинского» периода: их на полуострове более 40 [228-229]. Заметим, что специальных воспитательных учреждений Государственной уголовно-исполнительной службы в Крыму нет: несовершеннолетних

преступников полуострова до 2014 г. отправляли в соответствующие заведения на материковую Украину, а с 2015 г. – в Россию, что ослабляет семейные связи детей с родственниками, родным краем, друзьями и отрицательно сказывается на социализации и исправлении подростков. В то время как в дореволюционный период в Симферополе существовал исправительный приют для такой категории детей.

Все социальные учреждения Крыма находятся на балансе районных, муниципальных и республиканских органов власти. При этом как местные, так и центральные органы власти вынуждены постоянно увеличивать финансирование данных учреждений в связи с возрастающими потребностями детей, необходимостью обновлять материально-техническую базу, выплачивать заработную плату большому количеству сотрудников, которые, к примеру, в каникулярное время в интернатах обслуживают лишь 10-15 детей-сирот. Для сравнения: стоимость содержания ребенка в приемной семье и детском доме семейного типа в 2-3 раза меньше, чем в интернатном заведении, а результаты социализации и воспитания детей выше [88].

Республика Крым находится в стадии реформирования системы социальной защиты детей и создает собственную уникальную модель социальных заведений для несовершеннолетних. В этом творческом процессе особенно важно учитывать как зарубежный опыт и современные достижения науки и цивилизации, так и свои исторические особенности, специфику многонационального Крыма и опыт создания и функционирования многочисленных дореволюционных заведений призрения детей. В современном мире так же, как и 100 лет назад, важное место в социальной защите детства принадлежит частным компаниям и благотворительности, поэтому отечественные специалисты все чаще прибегают к помощи филантропических организаций при организации масштабных социальных проектов для детей. В Российской Федерации выделяют два типа частных объединений: некоммерческие (НКО) и коммерческих организации (КО), а также частные лица [286].

На протяжении семидесяти лет существования СССР тема частной помощи и благотворительности вообще, и детям в частности, была вычеркнута из жизни советского общества и педагогики, а ее основные носители – дворяне и купечество, подвержены преследованию и уничтожены как класс. В XXI веке, благодаря изменению мировоззрения постсоветского общества, пропаганде идей гуманности, взаимопомощи, милосердия вновь возрастает активность населения в области оказания социальной помощи нуждающимся в ней детям.

Главными причинами, побуждающими россиян к оказанию благотворительной помощи социальным заведениям для несовершеннолетних, являются: расширение кругозора современников и заимствование западного филантропического опыта; сложности построения суверенного государства, снижение уровня жизни населения в 90-х гг. XX века, экономический кризис 2008-2012 гг. и его последствия для социальной сферы; законодательная поддержка спонсорства социальных заведений для детей; развитие молодых наук – «социальной педагогики» и «социальной работы»; изучение отечественными учеными дореволюционной истории становления и развития благотворительной деятельности своего края, патронирования и филантропии в сфере создания и функционирования разнообразных социальных заведений для несовершеннолетних; зарождение в начале XXI века «моды» на благотворительность среди отечественных деятелей культуры и искусства, ее популяризация в средствах массовой информации; возрождение роли христианской религии в формировании духовной атмосферы милосердия и любви к ближнему, которая помогает вернуть к жизни забытые духовные ценности, способствует нравственному и культурному обогащению славян; кризис семьи и рождаемости в Крыму с середины 90-х гг. XX века до 2000-х годов; недоверие граждан к государственной поддержке нуждающихся категорий детей, порождающее самостоятельные действия в этом направлении [350].

В Крыму благотворительная помощь детям пока развита слабее, чем в целом в России. Организации, оказывающие постоянную или эпизодическую

поддержку социальным заведениям для несовершеннолетних детей представлены в приложении К.

С каждым годом объемы частной помощи социальным заведениям, созданным государством для детей, постоянно растут, но они, по-прежнему, невелики. Следовательно, по состоянию на 2018 год совместные усилия центральных и местных властей и представителей бизнеса пока не способны обеспечить высокий уровень жизни и социализации воспитанников интернатных учреждений Крыма, аналогичный западной системе социальной защиты детей.

По мнению Дж. Мулхейр, советника Еврокомиссии по вопросам реформы услуг для детей, деинституциализация – ключевой элемент в преодолении сиротства в развивающихся странах. С ее точки зрения, изменение интернатной системы содержания несовершеннолетних обеспечит более качественные услуги для количества детей в 3 раза больше и с тем же бюджетом, который тратится в настоящее время. Коллегами Дж. Мулхейр, был сделан предварительный расчет: интернатная система тратит около 200 тысяч руб. в год на одного ребенка, а семейная – около 70 тыс. руб. Связано это с тем, что бюджет практически любого социального заведения рассчитан таким образом, что 80% средств идет на содержание самих зданий и помещений, зарплату персоналу и лишь оставшиеся 20% – на нужды детей [129].

Эта тенденция наблюдалась и в дореволюционных социальных заведениях, когда большие суммы денег, пожертвованные меценатами Крыма в пользу детей, тратились руководителями на постройку просторных зданий, их обустройство, оплату труда сотрудникам приютов и т.п. В то время, как на эти же деньги можно было расселить детей по обычным частным квартирам и домам в семьи зажиточных горожан, которые бы воспитывали сирот и давали им образование.

Опыт по деинституциализации социальных заведений есть у международных благотворительных организаций, таких как «Hope&Homes for children» («Надежда и жилье для детей») и британской «Lumos» (2010 г.). В

соответствии с авторами программы, деинституционализация – переход от институционального ухода за детьми к системе, которая обеспечивает воспитание детей в семье и фокусируется на таких направлениях: создание семейно-ориентированных услуг для детей и семей в населённых пунктах, развитие семейных форм воспитания детей, закрытие интернатных учреждений; разработка и внедрение технологий социальной работы с различными целевыми группами, стандартов социальных услуг для детей и семей; проведение тренингов и семинаров для специалистов по социальной работе, персонала социальных заведений, представителей местных советов, администраций, негосударственных организаций; адвокация и объединение усилий с партнерами ради совершенствования политики в сфере защиты детей [80].

Исторически в каждой стране на определенном этапе развития появилась и сформировалась своя система призрения детей, учитывающая местные особенности менталитета населения, культуру региона, традиции и обычаи. Однако педагогический опыт социальных заведений для детей Крыма второй половины XIX – начала XX вв. наглядно продемонстрировал, что эффективность социально-педагогической работы с несовершеннолетними напрямую зависит от их количества, возможности уделить всем индивидуальное внимание и от атмосферы любви, добра и взаимопонимания, которая царит между детьми и воспитателями. Все эти условия могут быть соблюдены только в небольших социальных заведениях, где в обычном частном доме или квартире живут до 10-15 детей, или в детском доме семейного типа, в приемных семьях и т.п.

Таким образом, умелый учет ошибок исторического прошлого, заимствование зарубежного опыта, внедрение в современную систему защиты детей лучших дореволюционных идей и приемов организации опеки детей и молодежи, прошедших испытание временем при грамотном регулировании государства приведут к улучшению эффективности работы

социальных заведений для детей в Крыму и развитию в XXI в. новых, в т.ч. семейных форм воспитания.

В начале 2014 г. министра образования и науки Республики Крым Н. Г. Гончарова заявила, что работа по обеспечению права детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, на воспитание в семье является одним из приоритетных направлений деятельности профильного ведомства. По ее словам, количество воспитанников приемных детей ежегодно увеличивается в Крыму на 10% по сравнению с предыдущим годом, «что позволит к 2015 г. снизить количество детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, которые воспитываются в интернатных учебных заведениях, до 100 детей» [384].

Однако проблема заключается в том, что в настоящий момент на полуострове в школах-интернатах обучаются не только дети-сироты, но и дети, у которых есть семья. Г. Емельянова констатирует: «Эти родители уже отвыкли от своих детей, они их видят в лучшем случае по выходным, а в худшем – только во время каникул. Они уже растеряли свой родительский потенциал и с ними необходимо провести работу. То есть не просто взять детей из интернатов и раздать назад в биологические семьи, а подготовить и родителей, и самих детей» [302]. Данная стратегия сейчас реализуется в Крыму для того, чтобы помочь каждому ребёнку реализовать свое право на воспитание в безопасных условиях в семье, способствующее интеллектуальному и культурному развитию ребёнка. Интернатные же заведения к 2020 году должны остаться в Крыму только специализированные для больных детей (с психическими расстройствами, с туберкулёзом и заболеваниями дыхательных путей, с ДЦП и психоневрологическими нарушениями, с умственной отсталостью, с заболеваниями органов слуха, зрения) [384].

Впрочем, полностью ликвидировать сеть социальных заведений в современном Крыму не представляется возможным и не является необходимым хотя бы потому, что более половины детей, воспитывающихся в интернатных

учреждениях, достигли возраста 12-18 лет и их менее охотно берут в семьи; сложно устроить и младших школьников.

К тому же всегда нужны временные социальные заведения (приюты) для размещения детей, изъятых из семьи и улицы до выяснения всех обстоятельств дела и устройства ребенка в другую семью. Вместе с тем на постоянной основе действуют разнообразные медико-социальные центры реабилитации для несовершеннолетних алкоголиков, нарко- и токсикоманов, ВИЧ-инфицированных и центры социально-психологической реабилитации для детей, переживших насилие, психическую травму и оказавшихся в сложных жизненных условиях. И остаются уже упомянутые школы-интернаты для детей с нервно-психическими и умственными заболеваниями. Полезными являются также различные формы общежитий для выпускников социальных заведений до достижения ими 23 лет, для молодых матерей-одиночек и несовершеннолетних беременных. Вот полный перечень типов социальных заведений, необходимых современной системе социальной защиты детей до 18 лет в Крыму.

Важным аспектом использования опыта дореволюционных социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму является внедрение новых учебных дисциплин (например, «Становление и развитие социальных учреждений для детей в Крыму») или отдельных модулей (например, в рамках преподавания «Истории педагогики и образования» или «Истории социальной педагогики») в учебные планы профессиональных педагогических организаций высшего образования Республики Крым. Данные учебные курсы позволят расширить представления будущих педагогов о региональных особенностях обучения и воспитания несовершеннолетних детей в социальных учреждениях различного типа, повысят интерес среди студентов и преподавателей вуза к истории педагогики и истории социального воспитания родного края, а также сделают возможным актуализировать и применить наследие прошлого в новых социокультурных реалиях: отдельные методы, приемы, формы или средства педагогической работы дореволюционных детских социальных заведений.

Таким образом, залогом эффективного реформирования системы социальных заведений для детей в Крыму является взаимодействие нескольких условий: изучение и творческое применение педагогического наследия прошлого в социальной сфере; активное государственное участие: поднятие уровня жизни людей, совершенствование нормативно-правовой базы, создание и планомерная реализация грамотной социальной политики, проектирование долгосрочных программ для несовершеннолетних детей групп риска, популяризация благотворительной деятельности; целесообразное расходование бюджета социальных заведений для детей; активизация благотворительной помощи филантропических организаций, фондов, частных компаний и лиц, создание ими и финансирование социальных заведений; взаимодействие государства и церкви (религии); адаптация передового зарубежного социально-педагогического опыта в сфере организации социальных заведений для детей; внедрение новых учебных дисциплин или отдельных модулей в учебные планы профессиональных педагогических организаций высшего образования Республики Крым об историко-педагогическом опыте деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей региона.

Социально-экономические проблемы любого государства, как на современном этапе, так и на рубеже XIX – XX вв., являются основной причиной социального неблагополучия несовершеннолетних. Ни одна государственная система не способна полностью изжить все социальные и нравственные проблемы детей. Несмотря на это задача каждого цивилизованного общества – создать условия, при которых они были бы сведены к минимуму. Изучение исторического опыта прошлого, практики призрения малолетних и несовершеннолетних в дореволюционных социальных заведениях Крыма, может способствовать решению современных проблем опеки и попечения детей.

Выводы по второй главе

Во второй половине XIX – начале XX в. в пяти крупных городах Крыма было открыто около двадцати социальных заведений для несовершеннолетних: в Симферополе, Ялте, Керчи, Севастополе и Евпатории, призревающими более 3 тыс. детей в год. В Феодосийском и Перекопских уездах стационарно действующих социальных заведений для детей в исследуемый период создано не было. На конкретном историко-педагогическом материале описана история создания каждого из них, дана объективная научная оценка их состоянию и особенностям функционирования. Основными целями большинства социальных заведений для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. были круглосуточный уход и опека над несовершеннолетними сиротами и подкидышами, их обучение, воспитание и профессиональное образование, а также помощь в трудоустройстве.

Анализ документации социальных заведений для несовершеннолетних второй половины XIX – начала XX века в Крыму (учебных планов, учебных программ, ежегодных отчетов) показал, что перечень дисциплин, количество учебных часов и содержание занятий в школах при учреждениях призрения детей утверждались Министерством народного просвещения Российской империи в соответствии с типом учебного заведения: начальная школа (Закон Божий, арифметика, чистописание, русский язык, чтение, церковное пение) или профессиональное образовательное учреждение (профильные дисциплины). Программу средних учебных заведений могло утверждать не только Министерство народного просвещения, но и специальные ведомства по профилю училища. Перечень дисциплин в расписании училища зависел от получаемой профессии и состоял в большей степени из практических, нежели теоретических занятий. Средствами обучения детей в социальных заведениях Крыма в исследуемый период были специальные учебные пособия, книги и учебники, инструменты и материалы, однако в небольшом количестве в силу ограниченности материальных средств учреждений.

В ходе исследования выявлены и охарактеризованы ведущие формы воспитательной работы с детьми в социальных заведениях Крыма во второй половине XIX – начале XX века: подвижные игры, прогулки, совместное с педагогами чтение книг, работы в саду и огороде при учреждении, занятия в мастерских для мальчиков и рукоделие для девочек, несколько видов труда (совместный хозяйственно-бытовой, по самообслуживанию и дежурства), занятия, развивающие творчество детей (пение, рисование, декорирование зала), забота старших воспитанников за младшими, молитва и участие в богослужении. Преимущество отдавалось коллективным и групповым формам работы, а не индивидуальным.

Изучение дневников выпускников, писем руководителей крымских социальных заведений позволило выявить и охарактеризовать методы воспитательной работы с несовершеннолетними: наказание (запрет участвовать в играх и прогулках, лишение свидания с родными, отпуска или сладкого, назначение внеочередного дежурства); поощрение (внимание к ребенку, ласка, похвала, лакомство, ответственное поручение, а за особые заслуги в обучении учащихся стимулировали стипендиями, новыми костюмами, наборами инструментов для будущей работы, выпускными денежными пособиями, процентами от продаж своих ремесленных изделий).

На основе материалов современной печати, анализа нормативных документов и практики работы современной социальной сферы Крыма проведен ее сравнительный анализ с социальными заведениями дореволюционного Крыма. Выделена несомненная положительная динамика становления и реформирования современной сети социальных заведений для несовершеннолетних. Обозначены желательные для заимствования из прошлого педагогического опыта особенности учреждений: преобладание заведений с небольшой численностью детей (20 – 45 чел.); доброжелательная атмосфера среди детей и сотрудников; активное привлечение воспитанников школьного возраста к участию в ведении хозяйства социального заведения и земельного участка при нем; участие старших детей в уходе за младшими; раннее (в 15-17

лет) начало выпускниками социальных заведений трудовой жизни при помощи полученного в социальном заведении образования; наличие системы и отработанной технологии материального поощрения труда воспитанников в учебных мастерских (проценты с продаж собственных изделий); участие социального учреждения в трудоустройстве детей.

Следовательно, во второй половине XIX – начале XX века в Крыму государством, благотворительными организациями и частными лицами была создана развитая система социальных заведений для несовершеннолетних. При этом Таврическая губерния считалась одной из лучших в Российской империи по охвату различных категорий нуждающихся детей, количеству учреждений для них и качеству ухода за воспитанниками.

Однако, в течение 1917-1920-х гг. достижения системы государственного призрения и общественной благотворительности по социальной защите детей в Крыму были ликвидированы, а опыт социальной защиты несовершеннолетних в дореволюционной России преобразован в систему государственного обеспечения СССР.

Актуализируя отечественный исторический и зарубежный опыт генезиса социальных учреждений, предложены условия эффективного становления современной системы социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму: изучение и творческое применение педагогического наследия прошлого в социальной сфере; активизация благотворительной помощи филантропических организаций, фондов, частных компаний и лиц, создание ими и финансирование социальных заведений; государственное участие: поднятие уровня жизни людей, создание нормативно-правовой базы, создание и планомерная реализация грамотной социальной политики, проектирование долгосрочных программ для несовершеннолетних детей групп риска; популяризация благотворительной деятельности; взаимодействие церкви и государства; адаптация передового зарубежного социально-педагогического опыта в сфере организации социальных заведений для детей для крымских учреждений; внедрение новых учебных дисциплин или отдельных модулей об

историко-педагогическом опыте деятельности социальных заведений для детей региона в учебные планы педагогических вузов Республики Крым.

Таким образом, обоснованы перспективы творческого использования опыта деятельности социальных заведений для детей рассматриваемого региона во второй половине XIX – начале XX века в современную систему социальной защиты несовершеннолетних Республики Крым. Учет педагогического наследия прошлого, умелое внедрение в современную педагогику лучших дореволюционных идей, средств и приемов организации опеки детей, испытанных временем, при грамотном регулировании государства приведут к улучшению эффективности работы современных социальных заведений для детей в Крыму и развитию в XXI в. новых, в т.ч. семейных форм воспитания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы над диссертационным исследованием были решены поставленные задачи и сделаны **выводы** по результатам работы:

1. Анализ исторических подходов и социальных предпосылок становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. подтвердил объективную обусловленность развития научных представлений о деятельности социальных учреждений как социально-педагогического явления. Ценности, характеристики и принципы их деятельности рассматривались государством и общественностью как неотъемлемое явление образовательной и филантропической жизни полуострова и были логическим продолжением социальной политики страны в целом. В связи с этим, осмысление исторического опыта деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. и выявление ее роли и места в социокультурном пространстве государства и региона в свете кардинальных преобразований современного российского общества и его образовательно-воспитательной системы представляется весьма актуальным.

Историографический обзор проблемы показал, что до сих пор нет целостного и всестороннего анализа становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века, не освещена их роль в обучении и воспитании, профессиональной подготовке несовершеннолетних детей, оказавшихся в трудных жизненных условиях; не уточнено понятие «социальные заведения для несовершеннолетних детей»; не систематизированы типы социальных учреждений для детей, существовавшие в Крыму во второй половине XIX – начале XX века; не конкретизированы организационно-методические и социально-педагогические особенности деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму в исследуемый период.

Установлено, что социальные заведения для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в., находящиеся под управлением земств, благотворительных организаций, Ведомства императрицы Марии и Министерства внутренних дел – это своеобразные народно-просветительские, национально-религиозные, социально-благотворительные и учебно-воспитательные учреждения, в которых осуществлялось обучение и социальное воспитание подрастающего поколения с целью распространения духовно-нравственного, патриотического, трудового воспитания и православного вероучения. Они входили в единую образовательно-культурную систему государства, выполняя функции социальных воспитательно-образовательных центров многонационального населения Крыма и, одновременно, составляли отдельное направление общественной жизни.

2. Историко-педагогический и социокультурный анализ документов и архивных материалов, периодической прессы дал возможность выявить геополитические, демографические, социально-экономические, культурно-педагогические и духовные предпосылки, которые детерминировали становление социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. Определены этапы становления и развития социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века: 1-й этап (1854-1890) – становление первых социальных заведений для несовершеннолетних детей в крупных городах Крыма; 2-й этап (1890-1914) – развитие и расцвет социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму; 3-й этап (1914-1918 гг.) – упадок и ликвидация социальных учреждений для детей в Крыму.

3. Проанализировано и охарактеризовано содержание, своеобразие, формы, методы и средства социально-педагогической деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века. Социальные заведения для несовершеннолетних детей входили в единую социальную, образовательно-культурную систему Российской империи и выполняли функцию

формирования богобоязненной личности, выросшей в духе православия, русских культурных традиций, патриотизма. Раскрыты цель, задачи, сроки обучения в детских приютах, колыбелях для подкидышей, исправительном приюте, приютах-убежищах и очагах для детей-сирот, чья деятельность зависела как от ситуации в стране и регионе в целом, так и от вида и специфики учреждения, государственных и личных интересов попечителей и руководства, местных властей.

Доказано, что содержание образования в социальных заведениях для несовершеннолетних детей носило религиозно-гуманитарный характер. Учебно-воспитательный процесс осуществлялся на принципах сочетания светского и религиозного образования, доступности, народности, связи обучения и воспитания с национально-религиозными особенностями и потребностями региона. Образовательная деятельность социальных заведений во второй половине XIX – начале XX в. сыграла значительную роль в повышении уровня общего и профессионального образования незащищенных категорий детей в Крыму. Воспитательная работа в сфере социальных учреждений представляла собой базирующуюся на отечественных воспитательных традициях, богословских трудах воспитательную систему, содержащую в себе значительный потенциал и способную трансформироваться в ответ на меняющиеся общественные запросы. Формы и методы воспитательной работы в социальных заведениях Крыма были направлены на формирование личности, гражданина своего отечества.

4. Полученные результаты дают основание утверждать, что использование опыта социально-педагогической и образовательной деятельности крымских социальных заведений для несовершеннолетних детей во второй половине XIX – начале XX века в практике работы современных социальных учреждений полуострова поможет возродить утраченные педагогические традиции путем популяризации в обществе идей гуманности, милосердия, благотворительности, духовно-нравственного воспитания; упрощения процедуры создания новых социальных заведений для детей, в том числе частных, их государственная

поддержка; тесное сотрудничество государства, коммерческих и некоммерческих организаций при творческом использовании исторического наследия отечественных социальных учреждений для всестороннего удовлетворения потребностей подрастающего поколения современной Республики Крым, что способствовало бы повышению качества оказания социальных, психолого-педагогических и образовательных услуг.

Проведенное исследование не претендует на окончательное решение проблемы становления и развития детских социальных заведений во второй половине XIX – начале XX в в Крыму. Перспективным может быть дальнейшее изучение системы социально-педагогической деятельности отдельно взятых социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму, проведение сравнительного анализа развития социальных заведений для детей в Крыму и других регионах Таврической губернии и Российской империи в XIX – XX веках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельбейсов, В. А. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в государственных сиротских учреждениях: монография / В. А. Абельбейсов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Издательство УНЦ ДО, 2011. – 260 с.
2. Аблятипов, А. С. Становление и развитие интернатных заведений образования в Крыму (1920 – 2000 гг.) / Айдер Серверович Аблятипов // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология: сб. статей. – К.: Пед. Пресса, 2002. – Вып. 4. – С. 301 – 308.
3. Агулина, С. В. Становление и развитие воспитательно-благотворительных учреждений для детей в России (в середине XIX – начало XX вв.): автореф. дисс... канд. пед. наук: 13.00.01 / Светлана Вячеславовна Агулина. – М.: МГОПУ, 1996. – 22 с.
4. Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783-1998 гг.: справочник / Комитет по науке и региональному развитию Совета министров АРК; Гос. Архив в АРК. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
5. Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь: Тип. А. Я. Гидалевича, 1908. – 127 с.
6. Азизбаева, Р. Е. Участие церкви в призрении сирот и незаконнорожденных детей в России: 1700-1762 гг. / Р. Е. Азизбаева // Церковь в истории России. Сб. статей. – Вып. 5. / отв. ред. О. Ю. Васильева. – М.: Изд-во института истории РАН, 2003. – С. 56-76.
7. Аксютин, З. А. Методолого-теоретический анализ понятия «социальное воспитание» / З. А. Аксютин // Вестник Омского университета «Междисциплинарные исследования и инновации». – 2014. – № 2. – С. 146-151.

8. Андреев, А. Р. История Крыма: Краткое описание прошлого Крымского полуострова / А. Р. Андреев. – М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. – 96 с.
9. Андросов, А. С. А. Я. Фабр: штрихи к историческому портрету / А. С. Андросов // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 62-72.
10. Антология педагогической мысли России второй половины А. Я. Фабр: штрихи к историческому портрету XIX – начала XX в. / сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1990. – 576 с.
11. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.
12. Армянск // Южные ведомости. – 1910. – 6 мая.
13. Ашрот, П. Ф. Призрение бедных / П. Ф. Ашрот. – СПб.: «Санкт-Петербургская электропечатня», 1902. – 64 с.
14. Бадя, Л. В. Исторический опыт социальной работы в России / Л. В. Бадя, Л. И. Демина, В. Н. Егошина и др. – М.: Центр социальной педагогики, 1994. – 255 с.
15. Басов, Н. Ф. История социальной педагогики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. Ф. Басов, В. М. Басова, А. Н. Кравченко. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2007. – 256 с.
16. Безлюдний, О. І. Опікування дітьми-сиротами та дітьми, позбавленими батьківського піклування: американський досвід / О. І. Безлюдний // Психолого-педагогічні проблеми сільської школи: збірник наукових праць Уманського держ. пед. ун-ту ім. Павла Тичини / ред. кол.: Побірченко Н. С. (гол. ред.) та ін. – К.: Міленіум, 2006. – Випуск 17. – С. 163–168.
17. Беляева, Л. И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.): автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: специальность: 12.00.08 / Л. И. Беляева; Академия МВД России. – М.: 1995. – 48 с.

18. Бензин, В. М. Церковно-приходская благотворительность на Руси / В. М. Бензин. – СПб.: [б.и.], 1907. – 120 с.
19. Бердников, А. А. История становления государственного управления опекой и попечительством над несовершеннолетними детьми / А. А. Бердников // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд: сб. материалов XXVIII Международной научно-практической конференции / под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: изд-во ЦРНС, 2014. – 395 с.
20. Бесприютные дети // Севастопольская газета. – 1906. – 17 янв.
21. Бецкой, И. И. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
22. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России: в 2 т. / под ред. П. И. Лыкошина. – СПб.: С.-Петербургская Электротпечатная, 1901. – Т. 1. – 330 с.; Т. 2. – 264 с.
23. Благотворительные учреждения Российской империи / сост. Канцелярией по учреждениям имп. Марии: в 3 т. – СПб.: [Б.и.], 1900. – Т. 1. – 360 с.
24. Благотворительные учреждения Российской империи / сост. Канцелярией по учреждениям имп. Марии: в 3 т. – СПб.: [Б.и.], 1900. – Т. 2. – 1980 с.
25. Благотворительные учреждения Российской империи / сост. Канцелярией по учреждениям имп. Марии: в 3 т. – СПб.: [Б.и.], 1900. – Т. 3. – 428 с.
26. Благотворительный базар и лотерея-аллегри // Ялтинский вестник. – 1911. – 30 сент.
27. Блонский, П. П. Избранные педагогические произведения / ред. коллегия Б. П. Есипов, Ф. Ф. Королев, С. А. Фрумов; составители Н. И. Блонская, А. Д. Сергеева. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 696 с.

28. Бобкова, О. М. А. Я. Фабр: портрет администратора на фоне эпохи / О. М. Бобкова / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. – К.: Центр памятникведения НАН Украины и УТОПИК, 2007. – 321 с.
29. Бобкова, О. М. Адміністративна та культурно-просвітницька діяльність А. Я. Фабра на Півдні України (30-ті – перша половина 60-х рр. XIX століття): автореф. дис... спец. 07.00.01 / О. М. Бобкова. – Дніпропетровськ: [Б.и.], 2007. – 20 с.
30. Бобкова, О. М. К истории создания сиротского приюта тайного советника Фабра / О. М. Бобкова // 7 Таврические научные чтения: Сб. материалов. – Ч. 1. Крым. – Симферополь: Доля, 2007. – 204 с.
31. Богінська, Ю. В. Історичні аспекти розвитку опіки дітей у Криму / Ю.В. Богінська // Наука і освіта. – 2006. – № 1-2. – С. 61-62.
32. Большая советская энциклопедия. – Т. 1-30. – 3-е изд. М.: Эксмо, 2008.
33. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 816 с.
34. Бондарь, А. Д. Учебно-воспитательная работа в школах-интернатах и группах продленного дня / А. Д. Бондарь, Б. С. Кобзарь. – 2-е изд., доп. и перераб. – К.: Вища шк., 1985. – 303 с.
35. Боханов, А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
36. Бусыгин, Е. П. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование середины XIX – начала XX вв. / Е. П. Бусыгин – Казань: Татарское книжное издательство, 1973. – 64 с.
37. Быковская, Н. В. ...И стали творить благо (Об истории благотворительного дела в Керчи) / Н. В. Быковская // Керченский рабочий. – 1993. – № 190. – С. 3.
38. Быковская, Н. В. Благотворительность по-керченски / Н. В. Быковская // Таврические ведомости. – 1993. – № 47. – С. 4.

39. Быковская, Н. В. Мариинский приют / Н. В. Быковская // Керченский рабочий. – 2003. – № 3. – С. 4.
40. Быковская, Н.В. Приют давали и пропитание / Н.В. Быковская // Керченский рабочий. – 1993. – № 193. – С. 3-4.
41. В. Приют гр. Адлерберг в Симферополе / В. // Слагир. – 1903. – 17 янв.
42. Ван-Путерен, М. Д. Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России / М. Д. Ван-Путерен. – СПб.: [б.и.], 1908. – 756 с.
43. Василькова, Ю. В. Социальная педагогика: учебник / Ю. В. Василькова, Т. А. Василькова. – 5-е издание, стереотип. – М.: Академия, 2006. – 440 с.
44. Власов, П. В. Обитель милосердия: О дореволюционных московских благотворительных учреждениях / П. В. Власов. – М.: [б.и.], 1991. – 48 с.
45. Возгрин, В. Е. Исторические судьбы крымских татар / В. Е. Возгрин. – М.: Мысль, 1992. – 246 с.
46. Восемь детских домов семейного типа создано в Крыму в 2013 г. [Электронный ресурс] / А. Матвеева // ВЧас пик. – Режим доступа: <http://vchaspik.ua/region/2322668-detskih-domov-semeynogo-tipa-sozdano-v-krymu-v-2013-godu>
47. Высочайше утвержденное 18 июля 1891 года «Положение о детских приютах Ведомства Учреждений Императрицы Марии» и высочайше утвержденные 28 октября 1896 г. «Основные начала для деятельности Комитета Главного попечительства детских приютов». – СПб.: [б.и.], 1900. – 36 с.
48. Герье, В. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильного его постановления / В. Герье. / Сост. для Комиссии по пересмотру законов о призрении бедных. – СПб.: [б.и.], 1897. – 110с.

49. Годовой отчет о деятельности Ялтинского благотворительного общества за 1869/1870 год // Таврические губернские ведомости. – 1871. – 4 февр.

50. Головань, Т. М. Общественное дошкольное воспитание в Крыму (вторая половина XIX – начало XX века): монография / Т. М. Головань, Т. И. Пониманская. – К.: Изд. дом «Слово», 2009. – 224 с.

51. Головань, Т. М. Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Крыму (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.01 / Т. М. Головань. – Одесса: ПДПУ ім. К. Д. Ушинського, 2008. – 220 с.

52. Горбунова, Е. Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX-XX веков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Горбунова. – М.: [б.и.], 1996. – 21 с.

53. Горнов, В. А. Из истории развития общественного призрения в российской социальной мысли второй половины XIX – начале XX в. / В. А. Горнов // Вестник российского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2008. - № 20. – С. 68-92.

54. Горшкова? Е. А. Ясли середины XIX – начала XX веков / Е. А. Горшкова // Детский дом. – 2009. – № 2 (31). – С. 38-40. (<http://www.journaldetskidom.ru/magazine/?act=more&id=559>)

55. Государственный архив Республики Крым, ф. 26, оп. 1, д. 26889, л. 1-12.

56. Государственный архив Республики Крым, ф. 26, оп. 1, д. 25478, л. 1-40.

57. Грот, К. К. Проект общих оснований положения об общественном призрении / К. К. Грот // Труды Первого съезда по общественному призрению, созванному Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. – М.: [б.и.], 1910. – С. 3-5.

58. Губернской и уездным земским управлениям Таврической губернии. – Феодосия: Косенко, 1893. – 113 с.

59. Гузенко, Ю. І. Становлення і діяльність благодійних об'єднань на півдні України в другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.: на матеріалах Херсонської губернії: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Ю. І. Гузенко. – Черкаси: Черкаський національний ун-т ім. Богдана Хмельницького, 2004. – 241 с.
60. Гурьев, П. С. Воспоминания о Гугеле / П. С. Гурьев // Рус. пед. вестник, 1859, №3-4. – С. 7-8.
61. Декларация прав ребенка: принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1959 г. // Народное образование. – 1993. - № 5. – С. 7-15.
62. Дело дворянина Николая Федоровича Кокинаса (1803-1913 гг.). – ГААРК. – Ф. 49. Таврическое губернское дворянское депутатское собрание, г. Симферополь Таврической губернии. – Оп.1. – Д. 5949. – Л. 3.
63. Дело об отводе свободной городской земли для постройки приюта / Ялтинская городская управа. – ГААРК. – Ф. 522. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 1-7.
64. Дело об открытии подписки для основания в городе Симферополе для бедных и сирот обоого пола приюта (1830 г.). – ГААРК. – Ф. 26 Канцелярия Таврического губернатора. – Оп.1. – Д. 5939. – 35 л.
65. Дельвиг, А. А. Просветительско-педагогическая деятельность научных обществ Крыма во второй половине ХІХ – первой половине ХХ столетия (издание 2-е, перераб. и доп.): монография / А. А. Дельвиг. – Симферополь: Издательство «Крымпринт» 2014. – 192 с.
66. Денежный отчет Ялтинского благотворительного общества по приходу и расходу за 1901 г. – Б.м., 1902. – 16 с.
67. Державна доповідь про становище дітей в Україні за підсумками 2009 р. / [А. Г. Зінченко, Т. Ф. Алексеєнко, С. Ю. Аксконова та ін.]. – К.: Бланк-Прес, 2010. – 152 с.
68. Дерюжинский, В. Ф. Заметки об общественном призрении / В. Ф. Дерюжинский. – М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель, 1987. – 115 с.

69. Детская санатория в Евпатории // Южные ведомости. – 1914. – 9 мая.
70. Джанкой // Южные ведомости. – 1910. – 21 мая.
71. Джури́нский, А. Н. История педагогики образования: учебник для бакалавров / А. Н. Джури́нский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 680с.
72. Діло про відкриття в Сімферополі графинею Адлерберг притулку для бідних дівчат, прийнятого під покровительство імператриці Марії Олександрівни (1860 р.). – Державний архів Одеської області. – Ф. 1. Управління Новоросійського і Бессарабського генерал-губернатора. – Оп. 195. – Спр. 849. – 8 арк.
73. Дмитриєнко, М. Ф. Благодійність як атрибут громадянського суспільства: історія і сучасність / М. Ф. Дмитриєнко, О. В. Ясь // Розбудова держави. – 1994. – № 6. – С. 36–44.
74. Дриль, Д. А. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних / Д. А. Дриль // Журнал Министерства Юстиции. – 1908. – № 10. – С. 12-15.
75. Дюличев, В. П. Рассказы по истории Крыма: XIX век. Таврическая губерния / В. П. Дюличев. – Симферополь: Таврида, 1994. – 54 с.
76. Евпатория // Южные ведомости. – 1914. – 8 июля.
77. Евреи Крыма: Очерки истории / Научно-исследовательский центр кримведения; сост. Э. И. Соломоник; ред. Д. Лунев. – Симферополь: Иерусалим: Мосты культуры, 1997. – 128 с.: ил. С. 101.
78. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.
79. Ефимова, М. В. Подготовка социальных педагогов и социальных работников в вузах Германии: автореф. дис. ... канд. педагогических наук: 13.00.08 / М. В. Ефимова. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1997. – 21 с.

80. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2010. — 699 с.
81. Жуковский, Г.В. Письма к его императорскому высочеству Великому князю Константину Николаевичу / Г. В. Жуковский. – М.: [б.и.], 1867. – 68 с.
82. Жуковский, Э. А. Ведомство учреждений императрицы Марии: ист. очерк / Э. А. Жуковский. – СПб.: [б.и.], 1884. – 80 с.
83. Журнал заседаний Таврического земского собрания за 1918 г. / Таврическое губернское земское собрание. – Симферополь, 1918. –С. 54-55.
84. Закладка приюта-школы для детей и сирот воинов при деревне Туак, Ялтинского уезда // Южное слово. – 1916. – 1 нояб.
85. Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова // Российское законодательство X-XX веков. – В 9 т. – Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988. – 432 с. С. 202.
86. Записи воспитанника о состоянии приюта им. Фабра (30.11.1915 г.). – ГААРК. – Ф. 120. – Оп. 1 – Д. 42. – 8 л.
87. Захарова, О. Ю. Светлейший князь Воронцов / О. Ю. Захарова. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. – 320 с.
88. Заяц, О. В. Организация, администрирование и управление в социальной работе / О. В. Заяц. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004. – 145 с.
89. Зимаев, Б. А. Развитие общественного призрения в условиях административных реформ в России в XVIII - начале XX века (на примере Ставропольской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. «Отечественная история» / Беслан Аптиевич Зимаев. – Пятигорск: Пятигорск. гос. пед. ин-т, 2010. – 25 с.
90. Иванов, В. Доклад правления общему собранию общества попечения о детях / В. Иванов. – Симферополь: Тип. Эпеля, 1915. – 11 с.
91. Из отчета правления Феодосийского благотворительного общества // Крымский вестник. – 1896. – 25 мая.

92. Известия Симферопольской городской думы. – Симферополь: [б.и.], 1913. – Т. 1. – 1289 с.
93. Инструкция для руководителей очагов, яслей и детских садов // Дошкольное воспитание. – 1916. – № 1-2. – с. 97-98.
94. Исправительные учреждения для несовершеннолетних // Салгир. – 1900. – 3 нояб.
95. Исправительный приют // Салгир. – 1899. – 6 янв.
96. Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России. – СПб.: [б.и.], 1874. – 186 с.
97. История города-героя Севастополя (1783-1917 гг.) / Ин-т истории АН УССР. – К.: Изд-во АН УССР, 1960. – 364 с.
98. История Крыма с древнейших времён до наших дней: Очерки. – Симферополь: Атлас-компакт, 2005. – 284 с., илл.
99. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. Н. Андреева, Т. С. Буторина, З. И. Васильева и др.; под ред. З. И. Васильевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 416 с.
100. История России: с древнейших времен до наших дней / под ред. члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова. – М.: Проспект, 2011. – 768 с.
101. Калинин, М. Ю. Как живут подопечные в детских домах Германии? (на примере детдома г. Бонна) / М. Ю. Калинин // Детский Дом. – 2007. – № 1 (22). – С. 22.
102. Каменчук, О. Н. Благотворительная и меценатская деятельность россиянок конца XIX – начала XX вв. / О. Н. Каменчук // Сборник «Женщина. Гендер. Культура». – М.: Прогресс, 1999. – С. 261-269.
103. Каптерев, П.Ф. Недостаток современного семейного воспитания / П. Ф. Каптерев // Воспитание и обучение. – 1892. – № 11. – С. 393-401.
104. Книга сиротского дома тайного советника Фабра на записку постановлений сонета попечителей сиротского дома (01.01.1873 – 31.12.1873 г.). – ГААРК. – Ф. 120. – Оп. 1 – Д. 17. – 72 л.

105. Ковалева, М. Г. Учреждения социального призрения в России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / М. Г. Ковалева. – Белгород: [б.и.], 2006. – 19 с.
106. Ковалевский, П.И. Борьба с преступностью путем воспитания / П.И. Ковалевский. – СПб.: [б.и.], 1908. – 154 с.
107. Коджаспирова, Г. М. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.
108. Коменский, Я. А. Педагогическое наследие / Я. А. Коменский, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци. – М.: Педагогика, 1989. – 416 с.
109. Комиссарова, В. В. Крымская династия Шлее / В. В. Комиссарова. – Симферополь: Н. Орианда, 2012. – 88 с., илл.
110. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 г.) [Электронный ресурс] / Конвенции и соглашения // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
111. Кононова, Т. Б. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кононова Татьяна Борисовна; МГСУ. – М.: [б. и.], 1997. – 24 с.
112. Коньков, П. В. Графиня Амалия Адлерберг: к истории детского приюта в Симферополе / П. В. Коньков // IV Таврические научные чтения: сб. мат-лов / Крымский респ. краеведческий музей. – Симферополь: Тритон, 2004. – 145 с. – С. 82-86.
113. Кораблин, К. К. Исправительные заведения для несовершеннолетних в России (некоторые историко-правовые проблемы исследования) // Преступность несовершеннолетних: проблемы и пути решения (материалы Международной научно-практической конференции). – М., 2003. – С. 208-211.

114. Коротнев, Д. А. Малолетние и несовершеннолетние преступники (Краткий историко-юридический очерк) / Д. А. Коротнев. – СПб., 1903. – 132 с.

115. Кочкина, Н. А. Социально-педагогическая сущность понятия «общественное воспитание» / Н. А. Кочкина. // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки «Педагогика и психология». – 2009. – Выпуск 2. – С. 108-111.

116. Кочнова, О. А. О деятельности Симферопольского детского приюта имени А. М. Адлерберг / О. А. Кочнова // УА.Филилал МГУ им. Ломоносова в Севастополе. – X Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2011»: тезисы докладов / ред. В. А. Трифонова и др. – Севастополь, 2011. – 452 с. – С. 113-115.

117. Красовский, М. И. Положение исправительных заведений для несовершеннолетних в России / М. И. Красовский // Тюремный вестник. – 1895. – № 8. – С. 404-405.

118. Красюкова, Е. С. Открытие этноконфессиональными обществами социальных учреждений опеки для воспитания детей Крыма середины XIX - начала XX веков / Е. С. Красюкова // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сб. статей: Ялта: РИО КФУ, 2017. – № 54-2. – С. 175-181.

119. Красюкова, Е. С. Социальное воспитание детей в летних детских колониях Крыма начала XX века / Е. С. Красюкова // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сб. статей: Ялта: РИО КФУ, 2015. – № 45-1. – С. 162-167.

120. Краткие сведения о постройке церкви при Таврическом исправительном приюте. – Симферополь: [б.и.], 1989. – 8 с.

121. Круль, Г. Л. Благотворительно-просветительская деятельность семьи Романовых в Крыму во второй половине XIX – начале XX ст.: дис. канд. наук: 13.00.01 «Общая педагогика и история педагогики» / Г. Л. Круль. – Ялта: [б.и.], 2008. – 231 с.

122. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения. Том 2: Общие вопросы педагогики; Организация народного образования в СССР / под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, Н. А. Константинова. Подгот. текста и примеч. П. И. Куликова. – М.: Изд-во АПН, 1958. – 735 с.

123. Крым: прошлое и настоящее / Институт истории АН СССР; Отв. ред.: С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров. – М.: Мысль. – 1988. – 107 с.

384. Крымская газета Февраль 2014 г. <https://gazetacrimea.ru/>

124. Кулясова, Г. А. Феодосия: век XIX: благотворительность / Г. А. Кулясова // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 2000. – № 15. – С. 53-57.

125. Куприянов Б. В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе / Б. В. Куприянов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2018. – № 1 (43). – С. 86-97.

126. Кучерганская, А. В. Роль земств в развитии начального образования в Таврической губернии во второй половине XIX века / А. В. Кучерганская // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 278.

127. Лебедева, Э. И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков / Э. И. Лебедев. – Симферополь: Изд. Центр КГМУ, 2000. – 116 с.

128. Линденмейер, А. Добровольные благотворительные общества в эпоху великих реформ / Адель Линденмейер // Великие реформы в России (1856–1874): сб. / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Д. Бушнелла. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 183-300.

129. Лифинцев, Д. В. Современные концепции социальной работы в Соединенных Штатах Америки: автореферат дис. ... док. пед. наук: 13.00.01 / Д. В. Лифинцев. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2005. – 42 с.

130. Макаренко, А. С. Сочинения: в 7 т. / А. С. Макаренко; подгот. к печати, коммент. и примеч. В. Е. Гмурмана – Т. 5: Общие вопросы теории педагогики; Воспитание в советской школе. – 2. изд. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1951. – 510 с.

131. Максимов, Е. Д. Сословное призрение в России / Е. Д. Максимов // Вестник благотворительности. – 1898. – № 3. – С. 31-41 ; № 4. – С. 30-37.
132. Максимов, Е. Д. Начало государственного призрения в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1901. – № 1. – С. 40-58.
133. Максимов, Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения / Е. Д. Максимов. – СПб., 1903. – 137 с.
134. Максимов, Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е. Д. Максимов. – СПб.: [б.и.], 1894. – 243 с.
135. Максимов, Е. Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения // Антология социальной работы. В 5 т. – Т. 1. История социальной помощи в России; сост. М.В. Фирсов. – М.: Сварогъ. – НВФСПТ, 1994. – С. 29-43.
136. Мальгин, А. В. Русская Ривьера / А. В. Мальгин. – Симферополь: СОНАТ. – 2004. – 352 с.
137. Маркевич, А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1905. – № 37. – С. 1-265.
138. Маркевич, А. И. Симферопольский детский приют имени графини А. М. Адлерберг: к шестидесятилетию существования: краткий, исторический очерк / А. И. Маркевич. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1915. – 71 с.
139. Маркевич, А. И. 3 культурной минувшини Криму XIX ст.: короткі нариси / А. И. Маркевич // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – С. 337-413.
140. Марков, Е. Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – 4-е илл. изд., 257 картин и рисунков. – СПб.-М.: Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1906. – 536 с.
141. Материал об организации сиротского приюта им. А. Я. Фабра (01.01.1863 – 31.12.1881 гг.). – ГААРК. – Ф. 120. – Оп. 1. – Д. 1. – 229 л.

141. Мерко, Е. П. Эволюция института опекунов детей-сирот в Российской империи в 1890 – 1914 гг. (на материалах губерний Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Мерко. – Белгород: Белгородский гос. нац. иссл. ун-т, 2012. – 27 с.

142. Микиртичан, Г. Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества / Г. Л. Микиртичан // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 11. – Выпуск 1. – 2014. – С. 260-274.

143. Микиртичан, Г. Л. Отношение к детям, их праву на жизнь и развитие в России (X–начало XVIII века) / Г. Л. Микиртичан // Педиатр. – Т.5. – № 1. – 2014. – С. 126-131.

144. Милованова, Н. Ю. Воспитание, социальное воспитание и социальная адаптация личности в контексте социализации / Н. Ю. Милованова // Гуманитарные науки. Педагогика и психология. – Вестник ТГУ. – Выпуск 1 (113). – 2013. – С. 108-113.

145. Мировой рейтинг благотворительности 2012. Глобальные тенденции благотворительности // Журнал Британской комиссии по благотворительности «САФ Россия» (рег. номер 268369). – 2012. – Декабрь. – 83 с.

146. Мировой рейтинг благотворительности 2017. Глобальные тенденции благотворительности // Журнал Британской комиссии по благотворительности «САФ Россия» (рег. номер 268369). – 2017. – Декабрь. – 38 с.

147. Мишакова, Е. Н. Становление и развитие дошкольных образовательных учреждений в России второй половины XIX – начала XX в.: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е. Н. Мишакова. – Волгоград: ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный соц.-пед. ун-т», 2012. – 20 с.

148. Могилевский, В. О призрении подкидышей / В. Могилевский // Вестник Таврического земства. – 1903. – № 11. – С. 41-48.

149. Мокеева, Л. Н. Становление и развитие благотворительности и патронирования в системе образования Крыма (XIX – начало XX столетия) / Л. Н. Мокеева. – Одесса: [б.и.], 2010. – 285 с.

150. Москвич, Г. Путеводитель по Крыму. Часть 1. – 22-е издание / Г. Москвич. – СПб.: Редакция Путеводителей, 1913. – 102 с.

151. Моцовкина, О. В. Розвиток конфесійних навчальних закладів Криму в XIX – першій половині XX століття / О. В. Моцовкина // автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Одесса: Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського. – 2011. – 23 с.

152. Мураткина, Д. Е. Педагогическое обеспечение социального воспитания детей группы риска в загородном детском центре: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01./ Д. Е. Мураткина. – Кострома: ГОУ ВПО «КГУ им. Н. А. Некрасова», 2009. – 28 с.

153. Муханова, И. В. Этнопедагогическая направленность гуманистического воспитания студентов / И. В. Муханова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2009. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogicheskaya-napravlennost-gumanisticheskogo-vozpitaniya-studentov> (дата обращения: 12.01.2018).

154. Мушинский, К. А. Устройство общественного призрения в России / К. А. Мушинский. – СПб.: тип. МВД, 1862. – 64 с.

155. Мюнстерберг, Э. Призрение бедных: руководство к практической деятельности в области попечения о бедных / Э. Мюнсерберг / пер. с нем. А.И. Браудо, В.А. Гагена. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1900. – 386 с.

156. На пользу исправительного приюта // Салгир. – 1902. – 3 дек.

157. Непомнящий, А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.

158. Несколько слов о нашем приюте // Севастопольский справочный листок. – 1884. – 26 янв.

159. Нещеретный, П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России / П. И. Нещеретный. – М.: Изд-во «СОЮЗ», 1993. – 31с.

160. Носков, А.В. Покровские храмы Керчи [Электронный ресурс] / Таврический Центр Военной Истории / Проект KERCH.COM.RU. – Режим доступа: <http://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=16981>

161. Нувахов, Б. Ш. Этапы развития милосердия и благотворительности в России в XVIII-XX вв. / Б. Ш. Нувахов, И. Г. Лаврова // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 1995. – № 4. – С. 52.

162. О детях, призреваемых Таврическим земством // Салгир. – 1897. – 24 янв.

163. О лотерее и концерте в пользу сирот Симферопольского благотворительного комитета // Таврические губернские ведомости. – 1838. – 29 апр.

164. О правах ребенка: Конвенция ООН: принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1975 г. // Народное образование. – 1993. – № 5. – С. 17-24.

165. О призрении незаконнорожденных детей / сост. Н. А. Засецкий. – Казань: [б.и.], 1902. – 3 с.

166. О призрении покинутых детей. Основные положения доклада М. А. Ошанина // Из книги: Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Том I. Доклады и журналы заседаний. Часть II. Доклады. Петроград, 1914. – С. 1-12.

167. Об устройстве в Керчи яслей «Дневной приют» для детей беднейших родителей. – ГААРК. – Ф. 455. – Оп. 1. – Д. 3712. – 8 л. – Л. 2.

168. Об учреждении при Керченском Мариинском детском приюте городом 2-х стипендий им. Керчь-Еникальского градоначальника контр-

адмирала Коятовского. – ГААРК. – Ф. 455. – Оп. 1, т. 1 (1872–1920 гг.). – Д. 89. – Л. 1-4.

169. Образование и педагогическая мысль Крыма (XIX – начало XX века): монография / А. В. Глузман, Л. И. Редькина, С. А. Вишневский и др.; под общ. ред. А.В. Глузмана, Л.И. Редькиной. – К.: Знания Украины, 2007. – 384 с.

170. Общее собрание Общества попечения о детях // Южный курьер. – 1902. – 5 февр.

171. Одоевский, В. Ф. Избр. пед соч. / В. Ф. Одоевский / под ред. В. Я. Струминского. – М.: Гос. уч-пед. изд-во МП РСФСР, 1955. – 368 с.

172. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н. Ю.Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1983. – 816 с.

173. Организация, управление и администрирование в социальной работе: учебник для бакалавров / под ред. Е. И. Холостовой, Е. И. Комарова, О. Г. Прохоровой. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 425 с.

174. Основы права: учебник / З. Г. Крылова, Э. П. Гаврилов, В. И. Гуреев и др.; под ред. З. Г. Крыловой. – М.: Высшая школа, 2000. – 400 с.

175. Особое приложение к отчету за 1891 и 1892 гг. о деятельности правления общества исправительных приютов для малолетних преступников. – Симферополь: Тип. Таврич. Губерн. Правления, 1893. – 40 с.

176. Отчет благотворительного общества г. Симферополя за 1877 г. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1878. – 16 с.

177. Отчет благотворительного общества г. Симферополя за 1884 г. – Симферополь: тип. Спиро, 1885. – 41 с.

178. Отчет благотворительного общества г. Симферополя за 1891 г. – Симферополь: тип. газеты «Крым», 1892. – 35 с.

179. Отчет директора Таврического исправительного приюта за 1896 г. – Симферополь: [б.и.], 1897. – 237 с.

180. Отчет дневного детского приюта «Ясли Заречья» за 1895-1906 гг. – Ялта: тип. Лупандиной, 1906. – 10 с.

181. Отчет за 1907 г. общества детской климатической колонии в Ялте. Функционирует 3-й год. – Ялта, 1908. – 18 с.

182. Отчет Керченского городского попечительства Мариинского детского приюта за 1910 г. – Керчь: тип. Нутиса, 1911. – 50 с.

183. Отчет Керчь-Еникальского общества попечения о детях за 1910 г. – Керчь: [б.и.], 1911. – 22 с.

184. Отчет Министерства образования и науки, молодежи и спорта Автономной Республики Крым о своей деятельности в 2012-2013 учебном году и подготовке к 2013-2014 учебному году [Электронный ресурс] // Верховна Рада України, 1994-2014. Офіційний сайт. – Режим доступа: <http://www.rada.crimea.ua/draft-app/6/972pr>.

185. Отчет Общества «Ясли» о содержании и воспитании бедных детей 1896-1897 гг. – ГААРК. – Ф. 595. Керченское общество «Ясли», г. Керчь Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1-11.

186. Отчет по командировке старшего помощника начальника отделения канцелярии Совета министров Н.К. Ди-Сеньи в Бессарабскую, Волынскую, Киевскую, Могилевскую, Полтавскую, Таврическую, Харьковскую и Херсонскую губернии и Терскую область для ознакомления с деятельностью некоторых учреждений, получающих от Романовского комитета пособия на дело призрения крестьянских сирот и детей воинов. – Пг.: [б.и.], 1916. – 115 с.

187. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1886 и 1887 гг.: четвертый и пятый отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1888. – 20 с.

188. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1889 г.: седьмой отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1890. – 22 с.

189. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1893 и 1894 годы: одиннадцатый и двенадцатый отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1895. – 108 с.

190. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1896-1898 годы: четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1899. – 237 с.

191. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1901 и 1902 годы: девятнадцатый и двадцатый отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1903. – 98 с.

192. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1904, 1905, 1906, 1907, 1908 г.: (двадцать второй, двадцать четвертый – двадцать седьмой годы действия Общества). – Симферополь: [б.и.], 1909. – 85 с.

193. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1909-1911 годы (двадцать восьмой – тридцатый годы действия Общества). – Симферополь: [б.и.], 1912. – 124 с.

194. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1912 и 1913 годы: (тридцать первый и тридцать второй годы действия Общества). – Симферополь: [б.и.], 1914. – 131 с.

195. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1890 г.: восьмой отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1891. – 96 с.

196. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1895 г.: тринадцатый отчетный год действия Общества. – Симферополь: [б.и.], 1896. – 131 с.

197. Отчет правления Симферопольского общества исправительных приютов за 1899-1900 гг. (семнадцатый и восемнадцатый отчетный год действия Общества). – Симферополь: [б.и.], 1901. – 112 с.

198. Отчет правления Ялтинского благотворительного общества за 1899 г. – Ялта: Вахтина, 1900. – 26 с.

199. Отчет правления Ялтинского благотворительного общества за 1905 г. – Ялта: Вахтина, 1906. – 31 с.

200. Отчет правления Ялтинского благотворительного общества за 1908 г. – Ялта: Вахтина, 1909. – 34 с.

201. Отчет Севастопольских «Яслей» о приходе и расходе денежных сумм и о деятельности с 1 января 1902 г. по 1 января 1903 г. – Севастополь: Тип. Спиро, 1903. – 13 с.

202. Отчет Симферопольского благотворительного общества за 1871–1872 год // Таврические губернские ведомости. – 1873. – 12 мая.

203. Отчет Симферопольского общества исправительных приютов за 1914 и 1915 гг. – Симферополь: [б.и.], 1916. – 108 с.

204. Отчет Феодосийского благотворительного общества за 1908 г. – Феодосия: тип. Цвибака, 1909. – 29 с.

205. Отчет Феодосийского благотворительного общества за 1911 г. – Феодосия: тип. Цвибака, 1912. – 39 с.

206. Отчет Феодосийского благотворительного общества за 1916 г. – Феодосия: тип. Прогресс, 1917. – 31 с.

207. Отчеты благотворительных и профессиональных обществ за 1910 г., 1910-1912 гг. – ГААРК. – Ф. 162. Канцелярия Керч-Еникальского градоначальника. – Оп. 2. – Д. 6038. – 303 л.

208. Отчеты главы правления Симферопольского благотворительного общества за 1906 г. – Симферополь: тип. Шнейдера, 1907. – 42 с.

209. Отчеты главы правления Симферопольского благотворительного общества за 1915-1916 г. – Симферополь: тип. Шнейдера, 1917. – 56 с.

210. Очерк Керченского Мариинского детского приюта: за 25-тилетнее его существование. – Керчь: [б.и.], 1899. – 19 с.

211. Павлова, О. К. Благотворительность в России X – XVIII веков: тенденции и особенности развития / О. К. Павлова // Клио. – № 3. – 2003. – С. 123-131.

212. Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. – Керчь: Изд. тип. Х.Н. Лаго и К., 1912. – 218 с.

213. Памятная книжка Таврической губернии за 1917 год / Таврический губ. статистический комитет. – Симферополь [б.и.], 1917. – 275 с.

214. Папков, А. А. Упадок православного прихода (XVIII-XIX вв Историческая справка / А. А. Папков. – М.: [б.и.], 1899. – 166 с.

215. Пашенцев, Д. А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук, специальность: 07.00.02 / Д. А. Пашенцев. – М.: Московский государственный социальный университет, 1995. – 22 с.

216. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 528 с.: ил.

217. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: издание Центрального статистического комитета МВД, 1899-1905. – В 89 т. – Т. 84. Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. – 1905. – 108 с.

218. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: издание Центрального статистического комитета МВД , 1899-1905. – Т. 41. Таврическая губерния. – 1904. – 134 с. – С. 52.

219. Перекоп // Крым. – 1900. – 1 февр.

220. Петрова, А. В. Сиротство как социальное явление во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Тверской губернии: автореф. дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. В. Петрова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – 22 с.: ил.

221. Поддубная, Т. Н. Социальная защита семьи и детства в Российской Федерации: справочник социального педагога и социального работника / Т. Н. Поддубный, А. О. Поддубный. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 510 с.

222. Полищук, В. А. История социальной педагогики и социальной работы. Курс лекций / В. А. Полищук, А. И. Янкович. – Тернополь: ТДПУ, 2009. – 256 с.

223. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – Т. 7. – СПб.: [Б.и.], 1830. – № 4335.

224. Положение о ремесленной школе при сиротском доме тайного советника Фабра в г. Симферополе (28.04.1890 г.). – Таврическая губернская типография. – ГААРК. – Ф. 120. – Оп. 1. – Д. 41. – 4 л.

225. Положение о Таврическом исправительном приюте. – Симферополь: [б.и.], 1895. – 16 с.

226. Положение о Таврическом исправительном приюте. – Симферополь: [б.и.], 1890. – 17 с.

227. Попечительское общество о детском приюте «Ясли Заречья» в Ялте. – Ялта: тип. Лупандиной, 1917. – 17 с.

228. Постановление Совета Министров АР Крым «О развитии и укреплении сети приютов для несовершеннолетних служб по делам несовершеннолетних в Автономной Республике Крым» от 9 апреля 1997 г. // СЗРК. – 1997. – № 4. – С. 266-271.

229. Постановление Совета Министров АР Крым «О развитии и укреплении сети приютов для несовершеннолетних служб по делам несовершеннолетних в Автономной Республике Крым» от 9 апреля 1997 г. // СЗРК. – 1997. – № 4. – С. 266-271.

230. Постановление Совета Министров АР Крым «О развитии сети приютов для несовершеннолетних в Автономной Республике Крым» от 13 июня 2000 г. // СНПААРК. – 2000. – № 6. – С. 680-684.

231. Постановления Чрезвычайных и Очередных сессий Евпаторийского уездного Земского Собрания за 1915 г. – Евпатория: Тип. М. М. Мурованской, 1915. – 792 с.

232. Постановления Чрезвычайных и Очередных сессий Евпаторийского уездного Земского Собрания за 1914 г. – Евпатория: Тип. М. М. Мурованской, 1914. – 786 с.

233. Постановления Чрезвычайных и Очередных сессий Ялтинского уездного Земского Собрания за 1916 г. – Ялта: Тип. Н. Р. Лупандиной, 1916. – 584 с.

234. Правила дневного убежища, открываемого Симферопольским благотворительным обществом для детей неимущих родителей. – Симферополь: тип. Гл. Таврич. губ. правления, 1901. – 7 с.

235. Призрение детства. Сведения по общественной и частной благотворительности в России и за рубежом. Т. 3. – СПб.: [б.и.], 1888. – 262 с.

236. Призрение подкидышей в Симферополе // Крым. – 1893. – 2 апр.

237. Приказы общественного призрения [Электронный ресурс] / Словарь терминов / Энциклопедия благотворительности. Санкт-Петербург. – Режим доступа: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2817033890>

238. Проект правил управления лечебными и благотворительными учреждениями г. Симферополя. – Б. м., б.г. – 8 с.

239. Прохоров, Д. А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века / Д. А. Прохоров // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 4. – С. 123-138.

240. Прохорова, А.В. Благотворительность как элемент формирования толерантных отношений в Крыму в середине XIX – начале XX веков: к истории деятельности караимских благотворительных организаций / А. В. Прохорова // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: история, современность, прогноз: сб. науч. ст. / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2010. – С. 38-42.

241. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002 – 656 с.

242. Пятидесятилетие странно-приемного дома Таранова-Белозерова в Симферополе с 1822 по 1872 г. – Симферополь: т. Таврич. губ., 1872. – 35 с.

243. Пятидесятилетие Ялты (1837 – 1887 гг.): исторический конспект и памятная книжка, с приложением трех последовательных фотографий. – Ялта, 1887. – IV, 74 с.

244. Радецкий, И. М. Брошенные дети: Материалы к вопросу о подкидышах / И. М. Радецкий. – СПб.: Издательство М. М. Ледерле и К°, 1894. – 86 с.

245. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.

246. Ратгур, М. В. Развитие системы общественного призрения детей и подростков в России (1881-1894 гг.): автореф. дис. . канд. ист наук / М. В. Ратгур; М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2004. – 23 с.

247. Редькина, Л. И. Этнопедагогика караимов Крыма / Л. И. Редькина. – К.: Педагогічна преса, 2001. – 194 с

248. Резанов, С. Ф. Основные тенденции профессиональной подготовки кадров для сферы общественного призрения в России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. . канд. пед. наук, 13.00.01. – Курск: ГОУ ВО «Курский государственный ун-т», 2011. – 22 с..

249. Результаты доброго дела // Салгир. – 1902. – 9 июня. – С. 3

250. Ромаева, Н. Б. Гуманистические идеи русской педагогики середины XIX начала XX вв. и их реализация в современной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01 / Н. Б. Ромаева. – М., 1993. – 16 с.

251. Российская Федерация. Законы. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135–ФЗ: ред. от 18.12.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/

252. Российская Федерация. Законы. О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ: ред. от 25.12.2018 г.

[Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/

253. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ; ред. от 25.12.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

254. Российская Федерация. Законы. Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 г. № 49-ФЗ: ред. от 02.07.2013 г. // [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/

255. Российская Федерация. Законы. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ: ред. от 27.06.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/

256. Российская Федерация. Законы. Об основных гарантиях прав ребенка в РФ: федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ: ред. от 02.12.2013 г. [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/

257. Российская Федерация. Законы. Семейный Кодекс РФ: принят Гос. Думой РФ 29.12.1995 г. № 223-ФЗ: по состоянию на 03.08.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

258. Российская Федерация. Законы. Трудовой Кодекс РФ: принят Гос. Думой РФ 27.12.2001 г.: по состоянию на 27.12.2018 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

259. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории РФ и

Правил постановки на учет консульскими учреждениями РФ детей, являющихся гражданами РФ и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства: постановление Правительства РФ от 29.03.2000 г. №275: ред. от 19.12.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26751/

260. Рункевич, С. Г. Приходская благотворительность в Петербурге: Исторические очерки / С. Г. Рункевич. – СПб.: [б.и.], 1900. – 320 с.

261. Савочка, А. М. Дитячі притулки Відомства установ імператриці Марії в Таврійській губернії (друга половина XIX – початок XX ст.) / А. М. Савочка // Історичний архів. Наукові студії: зб. наук. праць. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. – Вип. 5. – С. 49-55.

262. Савочка, А. М. З історії функціонування філантропічних установ у Таврійській губернії / А. М. Савочка // Вісник Луганського нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка. Сер.: «Історичні науки». – 2011. – № 11 (222), ч. 2. – С. 162-167.

263. Савочка, А. Н. Благотворительность в Таврической губернии (1802-1920): монография / А. Н. Савочка ; под ред. А. А. Непомнящего / ТНУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь: Доля, 2012. – 320 с.

264. Савочка, А. Н. Роль земского самоуправления в организации благотворительной деятельности в Таврической губернии (1866-1918 гг.) / А. Н. Савочка // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации: сб. материалов III межвузовской науч. конф., 26 февр. 2010 г. – Саратов: изд-во «Научная книга», 2010. – С. 105-109.

265. Свод законов Российской империи.– Т. 1: свод учреждений государственных. – Пг.: [б.и.], 1906. – 214 с.

266. Свод законов Российской империи. Т. 13. Устав об общественном призрении. – Пг.: [б.и.], 1915. – 245 с.

267. Свод постановлений Симферопольской городской думы за 41 год. – Симферополь: Типография Г. М. Эпеля, 1914. – Т. 1. – С.1289-1291.

268. Свод постановлений Симферопольской городской думы за 41 год. – Симферополь: Типография Г.М. Эпеля, 1914. – Т. 2. – С. 729-395.

269. Святский, Н. А. История богоугодных заведений и благотворительных обществ города Симферополя / Н. А. Святский // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности / сост. Ф. Ф. Лашков. – Симферополь, 1890. – С. 129-150.

270. Селиванов, А. Ф. Библиография о благотворительности / А.Ф. Селиванов // Вестник благотворительности. – 1901. – № 4. – С. 78-82.

271. Семин, О. В. Становление государственного призрения в России в XVII веке: историко-социальный аспект / О. В. Семин: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – М.: Московский государственный социальный ун-т, 2005. – 18 с.

272. Сеницкий, А. Поездка в Перекоп / А. Сеницкий // ИТУАК. – 1893. – № 19. – С. 101-104.

273. Симакова, Э. С. Общая характеристика становления социальной работы в Крыму во второй половине XIX – начале XX века (на укр. яз.) / Э. С. Симакова // Педагогіка вищої та середньої школи: збірник наукових праць ДВНЗ «Криворізький національний університет» / [за ред. проф. З. П. Бакум]. – Вип. 37. – Кривий Ріг: КПІ ДВНЗ «КНУ», 2013. – С. 469-473.

274. Симакова, Э. С. Общая характеристика типов социальных заведений для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века / Э. С. Симакова // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Ялта: РИО КГУ, 2014. – Вып. 45. – Ч. 1. – С. 257-263.

275. Симакова, Э. С. Периодизация становления социальных заведений для детей на крымском полуострове во второй половине XIX – начале XX века / Э. С. Симакова // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сборник статей. – Ялта: РВВ КГУ, 2014. – Вип. 45. – Ч. 2. – С. 307-316.

276. Симакова, Э. С. Система воспитательной работы в социальных заведениях для детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века Э. С. Симакова // Гуманитарные науки: РИО ГПА, 2015. – № 3 (31). – С. 155-164.

277. Симакова, Э. С. Теоретический анализ понятия «социальные заведения для несовершеннолетних детей» в литературе XIX – XXI веков (на укр. яз.) / Э. С. Симакова // Проблеми сучасної педагогічної освіти: Сер.: Педагогіка і психологія. – 36. статей: – Ялта: РВВ КГУ, 2013. – Вип. 41. – Ч. 3. – С. 130-140.

278. Симонова, Н. Н. Частная благотворительность: история, традиции, современность / Н. Н. Симонова // Научный сб. Керченского заповедника / Керченский ист.-культур. заповедник. – Керчь, 2006. – Вып. 1: к 180-летию Керченского музея древностей. – С. 346-355.

279. Симферопольский детский исправительный приют. Курорт Судак // Крымский курьер: ежедневная газета: июль-декабрь / ред. Н.Р. Лупандина. – Ялта, 1902. – 10 с.

280. Симферопольский детский приют графини Адлерберг // Крым. – 1893. – 29 окт.

281. Синова, И. В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX – XX веков / И. В. Синова // Общество. Среда. Развитие. 2012. – № 1. – С. 55-59.

282. Сиренко, Ю. В. Развитие системы призрения и воспитания детей-сирот Уфимской губернии XIX - начала XX веков / Ю. В. Сиренко: автореф. дисс. ... канд. пед. наук, специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования. – Оренбург: ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», 1995. – 22 с.

283. Сиротское отделение. – Б.м., [б.и.], 1912. – 8 с.

284. Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания. – Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1908. – Т. 1. – 905 с.

285. Систематический свод постановлений Таврического губернского земства. – Т. 2. – Симферополь. – 1908. – Ч. 2. – С. 1000-1005.

286. Скляр, Т. В. Социальная деятельность в делах призрения малолетних детей в России (XVI-XX века) / Т. В. Скляр // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 2. – С. 103-107.

287. Сколько в России тратят на благотворительность? [Электронный ресурс] / БНК: Информационное агентство. – Режим доступа: <https://www.bnkomi.ru/data/news/87344/>

288. Словарь по образованию и педагогике / В. М. Полонский. – М.: Высшая школа, 2004. – 512 с.

289. Словарь по социальной педагогике / Автор-составитель Л.В. Мардахаев. – М.: Академия, 2002. – 388 с.

290. Словарь-справочник по педагогике: справочное издание / авт.-сост. В. А. Мижериков ; под общ. ред. П. И. Пидкасистого. – М.: Сфера, 2004. – 439 с.

291. Современник (г. Санкт-Петербург). – 1836–1866.

292. Соколов, А.Г. Российская благотворительность в XVIII – XX вв. (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 147-158.

293. Сорока-Росинский, В. Н. Педагогические сочинения / сост. А. Т. Губко; Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1991. – 239, [1] с.

294. Сорокин, В. М. Охрана детства / В. М. Сорокин. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1893. – 267 с.

295. Состояние народного образования в Тавриде // Салгир. – 1901. – 25 января. – С. 2–3.

296. Социальная педагогика: курс лекций: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. М.А. Галагузовой. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 416 с.

297. Социальная педагогика. Прогрессивная роль В. Ф. Одоевского в создании детских приютов (по работе «Наказ лицам непосредственно заведующим детскими приютами») [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://socialpeded.ru/60-voprosov-s-otvetami-po-soczialnoj-pedagogike/238-progressivnaya-rol-v-f-odoevskogo-v-sozdanii.html>

298. Соціальна педагогіка: мала енциклопедія / О.В. Безпалько, І. Д. Зверева, С. Я. Харченко та ін. / за ред. проф. І. Д. Зверевої. – К.: Центр навчальної літератури, 2008. – 336 с.

299. Соціальна робота в Україні: перші кроки / за ред. В. Полтавця. – К.: Видавничий дім «КМАcademia», 2000. – 236 с.

300. Соціальна робота: Короткий енциклопедичний словник / Соціальна робота. Книга 4 / під ред. В. Андрещенко. – К.: ДЦССМ, 2002. – 536 с.

301. Справочная книга по г. Симферополю за 1911 год / Симферопольское городское управление. – Симферополь: [б.и.], 1911. – 416 с.

302. Справочная книга по г. Симферополю на 1913 г. Издание Симферопольского гор. управления. – Симферополь: [б.и.], 1914.– С. 85.

303. Сравнительный анализ выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей (2015-2017 гг.) [Электронный ресурс] // Усыновление в России: Интернет-проект Министерства образования и науки РФ и Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей. – Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/>

304. Степанский, А. Д. История общественных организаций дореволюционной России: учеб. пособие / А. Д. Степанский. – М.: МГИАИ, 1979. – 81 с.

305. Стог А. Д. Об общественном призрении в России: в 2 т. / А. Д. Стог. – СПб.: [б.и.], 1818. – 526 с.

306. Стоюнин, В. Я. Воспитательницам групп малолетнего отделения Московского воспитательного дома / В. Я. Стоюнин // Избр. пед. соч. – М.: Педагогика, 1991. – С. 104-110.

307. Стоюнин, В. Я. Педагогические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб.: [б. и.], 1892. – II, 567, 36 с.
308. Ступак, Ф. Я. Благодійність та суспільна опіка в Україні (кінець XVIII – початок XX ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. іст. наук: спец. 07.00.01 / Ф. Я. Ступак. – Переяслав-Хмельницький, 2010. – 40 с.
309. Сулакшин, С. С. Благотворительность в России и государственная политика: монография / С. С. Сулакшин, Д.В. Бачурина, М. В. Вилисов, Г. Г. Каримова, И. Р. Киш и др. – М.: Научный эксперт, 2013. – 224 с.
310. Сунцева, Я. В. Исторический опыт взаимодействия органов московского городского самоуправления и церковно-православных приходов в деле защиты детей в начале XX века: автореф. ... канд. исторических наук: 09.00.13 / Я. В. Сунцева. – М.: [б.и.], 2007. – 23 с.
311. Сюжеты. Корабль-приют им. Цесаревича Алексея (1911) [Электронный ресурс]. – Кинодокумент №27645 // NetFilm. – Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-27645/>
311. Таврида // Радянська енциклопедія історії України: в 4 т. – К.: Наукова думка. – Т. 4. – С. 247.
312. Таврический земский приют для подкидышей // Вестник Таврического губернского земства. – 1903. – № 4. – С. 4.
313. Т-в Ф. Елка в исправительном приюте Ф. Т-в // Салгир. – 1898. – 29 дек.
314. Теодорович, М. Ф. Дети-преступники и суды для них. Популярные этюды / М. Ф. Теодорович. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1914. – 212 с.
315. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. А-М / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – 704 с.
316. Трудовая помощь (г. Санкт-Петербург). – 1897 – 1918.
317. Тунман, И. Крымское ханство / И. Тунман. – Пер. с нем. издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. – Симферополь: Государственное издательство Крым АССР, 1936. – 109 с.

318. Тур, В. В. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX века / В. В. Тур. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: ИД «Стилос», 2006. – 248 с.
319. Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX-начало XX века / Г. Н. Ульянова. – М.: Наука, 2005. – 403с.
320. Ульянова, Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) / Г. Н. Ульянова // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С.17-32.
321. Устав Евпаторийского общества попечения о детях. – Евпатория: [б.и.], 1913. – 8 с.
322. Устав общества помощи сиротам и семьям лиц, пострадавших от холерной эпидемии 1910 г. в г. Симферополе. – Симферополь: тип. Эпеля, 1910. – 5 с.
323. Устав Севастопольского общества по устройству приютов и убежищ для сирот-мальчиков и дешевых столовых для бедных. – Севастополь: типо-литография Харченко, 1902. – 19 с.
324. Устав Симферопольского общества исправительных приютов. – Симферополь, 1891. – 19 с.
325. Устав Сиротского дома тайного советника Фабра в Симферополе, утвержденный 7 июня 1880 г. – Симферополь: тип. Спиро, 1882. – 16 с.
326. Устав Ялтинского благотворительного общества. – Ялта: т. Лупандиной, 1900. – 36 с.
327. Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи // ПСЗ РИ. – СПб.: Типография II отделения канцелярии Его Императорского Величества, 1830. – Т. 20. – № 14.392. – С. 229-304.
328. Феодосия: забота о детях // Южный курьер. – 1902. – 16 марта.
329. Феодосия: собрание // Южные ведомости. – 1914. – 20 апр.
330. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверницев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

331. Фирсов, М. В. История социальной работы в России: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / М. В. Фирсов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 256 с.

332. Ханыков, Я. В. Исторический очерк правительственных мер по части общественного призрения в России / Я. В. Ханыков // Журнал Министерства внутренних дел. – 1851. – Кн. 10. – С. 60-109.

333. Хотимова, Л. В. Система социального призрения детей на Европейском Севере России (последняя четверть XVIII – начало XX века): автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н.: спец. 07.00.02 / Л. В. Хотимова. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2004. – 19 с.

334. Хроника // Вестник воспитания, 1891, № 2: 183-192.

335. Хроника // Вестник воспитания, 1900, № 7: 92-96.

336. Хроника // Ялтинский вестник. – 1911. – 16 нояб.

337. Чайка // Журнал «Караимская жизнь». – 1912. – № 8-9. – С. 88-94.

338. Черепнин, Л. В. Земские соборы русского государства в XVI – XVII вв. / Л. В. Черепнин. – М.: Наука, 1978. – 420 с.

339. Черкашина, Н. В. Система государственного призрения внебрачных детей в XIX – начале XX века / Н. В. Черкашина // Проблемы в российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 247-252.

340. Чернецов, Н. В. Генезис и эволюция социального призрения в России (X – XIX века): автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Н. В. Чернецов. – М.: Московский гос. социальный ун-т, 1996. – 30 с.

341. Чикин, А. М. Севастополь, которого нет: Книга-исследование в 4-х частях / А. М. Чикин. – Севастополь: «Дельта», 2012. – 336 с., ил.

342. Шацкий, С. Т. Педагогические сочинения: в 4 т. / под ред. И. А. Каирова [и др.] ; Акад. пед. наук РСФСР. – М.: Просвещение, 1962-1965. Т. 1: [Автобиографические работы. Труды дореволюционного периода] / Сост. Г. Ф. Морозова. – 1962. – 503 с.

343. Шихматова, Э. С. Педагогическая работа в социальных заведениях Севастополя второй половины XIX – начала XX вв. / Э. С. Шихматова //

Современное педагогическое образование: ООО Издательство «Русайнс». – 2018. – № 6. – С. 260-264.

344. Шихматова, Э. С. Социальная сфера и отношение к детям в Крыму в Древнем мире и Эпоху Средневековья / Э. С. Шихматова // Проблемы современного педагогического образования. – Сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2019. – Вып. 62. – Ч. 2. – С. 250-253.

345. Шелягова, А. А. Культурно-патриотическая составляющая деятельности гимназий Крыма в XIX – начале XX века / А. А. Шелягова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016 – Том 2 (68). – № 2. – С. 84-99.

346. Шкарлат, Л. П. Образовательная деятельность православной церкви к Крымской епархии (1859-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л. П. Шкарлат. – Ульяновск: УГУ, 2016. – 26 с.

347. Школа садоводства при исправительном приюте // Салгир. – 1900. – 3 марта.

348. Шпак, В. П. Реабілітаційна діяльність зарубіжних і вітчизняних виправно-виховних закладів у XIX – на початку XX століття / В. П. Шпак. – Полтава: АСМІ, 2005. – 332 с.

349. Щапов, Я. Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию / Я. Н. Щапов // Россия в XX в.: историки мира спорят. – М.: АСТ, 1994. – 186 с.

350. Щеглова, А. С. Становление основных теоретико-методологических и организационных направлений общественного призрения в Российской Империи на рубеже XIX – XX веков: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н.: спец. 07.00.02 / А. С. Щеглова. – М.: Моск. гос. соц. ун-т (РГСУ), 2005. – 25 с.

351. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Под ред. И. Е. Андриевского, К. К. Арсеньева. – СПб.: Типо-литография (И.А.Ефрона), Прачешный пер. № 6. – В 86 т. Т. 41. – 1904. – С. 644-647.

352. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Под ред. И.Е.Андриевского, К.К.Арсеньева. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А.Ефрона), Прачешный пер. № 6. – В 86 т. – Т. 20. – 1893. – 499 с.

353. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. И. Е. Андриевского, К. К. Арсеньева. – СПб.: Типо-литография (И.А.Ефрона), Прачешный пер. № 6. – В 86 т. – Т. 35. – 1902. – 478 с.

354. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат / под ред. Ю. С. Гамбарова, В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского и др. – 14-е стереотипное изд. – В 33 т. Т. 19. – М.: «Русский библиографический институт Гранат», 1938. – 682 с.

355. Я. В-ман. Общество «Ясли» в Феодосии / Я. В-ман. // Салгир. – 1900. – 19 февр.

356. Ялтинское благотворительное общество 1869-1909. – Ялта: т. Лупандиной, 1909. – 24 с.

357. Bradley, J. The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia / J. Bradley // Russian Review. – Vol. 41. – 1982. – P. 427-444.

358. Lindenmeyr, A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia / A. Lindenmeyr. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 330 p.

359. Lindenmeyr, A. The Ethos of Charity in Imperial Russia / A. Lindenmeyr // Journal of Social History. – Vol. 23. – 1990. – № 4. – P. 679-694.

360. Ransel, D. Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia / D. Ransel. – New Jersey: Prinsenton University Press, 1988. – 330 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Типы социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века

Типы социальных заведений для детей	Краткая характеристика	Режим пребывания детей	Представители в Крыму	Современный аналог
Детские приюты смешанного типа	для детей 4-18 лет: сирот полусирот, беспризорных, детей из бедных семей	кругло-суточное и дневное	Детский приют им. графини А. М. Адлерберг Ялтинский детский приют	Школа-интернат
Сиротские дома	для круглых сирот 4-18 лет	круглосуточное	Симферопольский сиротский дом им. тайного статского советника А.Я.Фабра Керченский Мариинский детский приют Таврический земский приют для подкидышей	Детский дом
Колыбели (тайные) для подкидышей	для новорожденных и детей до 3-х лет: законнорожденных и незаконнорожденных	круглосуточное	Колыбель при Таврическом земском приюте (Симферополь) Тайная колыбель при Керченском Мариинском приюте	Детский дом для детей раннего возраста (дом малютки)
Исправительные приюты	для подростков до 18 лет, совершивших преступления	круглосуточное	Симферопольский исправительный приют для малолетних преступников	Исправительная колония для несовершеннолетних детей
Очаг для детей	дошкольники, подростки	дневное	Очаг для детей мобилизованных родителей (Симферополь)	Социальные приюты для детей и подростков,
Приют-убежище	с 2-х до подросткового	круглосуточное	Приют-убежище в Керчи для бездомных детей Приют-убежище для несовершеннолетних им. К.И. Месаксуди (Керчь)	центры помощи детям, приемники-распределители

**Этапы становления и развития социальных заведений для
несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX
вв.**

Период, краткая характеристика	Общие тенденции:	Открывающиеся социальные заведения для несовершеннолетних детей
<p>Первый (1854 – 1890 гг.)</p> <p>Становление первых социальных заведений для несовершеннолетних детей</p>	<p>Активизация благотворительного движения в губернском центре, обоих градоначальствах и крупных уездных городах Крыма;</p> <p>активные совместные действия местного дворянства и купечества на пути к созданию первых социальных заведений для несовершеннолетних на полуострове; участие всех слоев зажиточного населения в их материальном обеспечении;</p> <p>в крымском обществе окончательно сформировалось представление об объектах социальной помощи среди детского населения: незаконнорожденные младенцы и подкидыши, сироты и беспризорные, дети из бедных многодетных семей, несовершеннолетние преступники, малоимущие учащиеся, способные к обучению;</p> <p>помощь местной власти и земств в организации социальных заведений для детей;</p> <p>незначительное участие государства и царской семьи в благотворительности для несовершеннолетних в Крыму (поддержка инициатив местной власти);</p> <p>совершенствование законодательного регулирования системы социальной защиты детства;</p> <p>наличие начальных школ во многих социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму;</p> <p>недостаточное развитие профессионального образования выпускников начальных школ при социальных заведениях;</p> <p>преимущественное преподавание всех учебных предметов в начальных школах при социальных заведениях для детей священнослужителями;</p> <p>недостаток квалифицированных педагогических кадров в социальных учреждениях;</p> <p>появление на полуострове таких типов социальных учреждений для детей как детский</p>	<p>Симферопольский детский приют им. графини А. М. Адлерберг (1854 г.).</p> <p>Симферопольский детский приют для мальчиков тайного статского советника А. Я. Фабра (1864 г.).</p> <p>Таврический земский приют для подкидышей (1867 г.) в Симферополе с тайной колыбелью.</p> <p>Городской детский приют в Ялте (1871 г.).</p> <p>Керченский Мариинский детский приют (1874 г.).</p> <p>Колыбель для подкидышей в Керчи (1876).</p> <p>Севастопольский приют для девочек (1882).</p> <p>Приют для мальчиков Керченского Свято-Троицкого православного братства (1885).</p> <p>Симферопольский исправительный приют для малолетних преступников (1890).</p>

	<p>приют, сиротский дом, колыбель для подкидышей, исправительный приют; ограничение профессионального образования девочек в социальных заведениях хозяйственно-бытовыми навыками и рукоделием; открытие 9 учреждений за 36 лет.</p>	
<p>Второй (1891 – 1913 гг.)</p> <p>Развитие существующих и открытие новых социальных заведений для детей, совершенствование методики воспитания, обучения и профессионального образования несовершеннолетних в них</p>	<p>Узаконено круглосуточное пребывание сирот в социальных заведениях (Устав детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии от 1891 г.); учреждениям призрения детей вменено в обязанность давать несовершеннолетним элементарное начальное образование и по возможности – профессиональные навыки; совершенствование педагогических методов и форм работы с детьми и улучшение материально-технической базы системы образования в существующих социальных учреждениях; государственное регулирование (Министерством Народного Просвещения) учебных планов и программ начальных школ и профессиональных училищ при социальных заведениях для детей; увеличение количества квалифицированных педагогических кадров в социальных учреждениях для несовершеннолетних (выпускницы институтов благородных девиц, выпускники педагогических классов, учителя русского языка и др.); появление новых типов социальных заведений (убежищ, приюта-корабля), а также других учреждений, бесплатно призревающих социальные категории детей (оздоровительные колонии, бесплатный санаторий, ясли и дневные приюты); развитие возможностей для профессионального образования воспитанников социальных заведений как внутри приютов (открытие собственных ремесленных школ), так и в городских, уездных и губернских средних и высших учебных заведениях; активное участие этноконфессиональных групп населения Крыма в расширении и в финансировании сети существующих социальных заведений для несовершеннолетних; охват все большего количества нуждающихся детей всех возрастных категорий (от</p>	<p>Севастопольский приют для мальчиков (1893). Приют-убежище для бездомных Керченского общества попечения о детях (1900) Приют-убежище для детей им. К.И. Месаксуди в Керчи (1909) Севастопольский береговой приют для мальчиков (1903) Корабль-школа им. цесаревича Алексея в Севастополе (1908)</p>

	<p>новорожденных младенцев до учащихся школ, училищ и вузов);</p> <p>сохранение ограничения профессионального образования девочек хозяйственно-бытовыми навыками и рукоделием;</p> <p>открытие 5 учреждений за 22 года.</p>	
<p>Третий (1914 – 1918 гг.)</p> <p>Упадок и ликвидация сети социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму</p>	<p>Постепенное ухудшение материального положения большинства социальных заведений для несовершеннолетних в Крыму вследствие начала Первой Мировой войны, гражданских войн и революций;</p> <p>недостаток педагогических работников в социальных заведениях для детей вследствие их участия в военных действиях, работы в госпиталях;</p> <p>снижение качества содержания детей в учреждениях призрения или их количества вследствие материальных проблем меценатов;</p> <p>возрастание участия государства и царской семьи в финансировании социальных заведений для несовершеннолетних;</p> <p>создание сиротских приютов, специально предназначенных для детей солдат, умерших или раненых на войне; переориентация системы благотворительности и призрения в целом на военные нужды;</p> <p>постепенное закрытие большинства работающих детских учреждений призрения; а к концу периода – резкое сокращение количества заведений для незащищенных слоев детского населения, сворачивание всей системы социального призрения и, в конце концов, полная ликвидация ее разветвленной сети в Крыму.</p>	<p>Очаг для детей мобилизованных родителей (1914) в Симферополе</p> <p>Каратобийский земледельческий приют для сирот павших и увечных воинов (1915) между Евпаторией и Саками</p> <p>«Здравница-приют» в деревне Туак Ялтинского уезда (1915)</p> <p>Приют для сирот-мальчиков в Ялте (1916)</p>

**Заработная плата сотрудников социальных заведений для
несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX
вв.**

Все сотрудники Мариинского приюта получали достойную зарплату: священник – 600 руб./год, смотрительница – 420 руб./год, ее помощница – 240 руб./год, учителя и няни – 180 руб./год, а прислуга – от 120 до 180 руб./год. При этом большинство сотрудников проживали и питались в социальном заведении. В случае необходимости работнику могли предоставить отдельное жилье на территории приюта (2 квартиры во дворе, которые обычно сдавались в аренду). Применялась и система небольших одноразовых материальных поощрений (премий) [210].

В приюте А. Я. Фабра по заработной плате выделялись три категории служащих: управляющее звено и священник (250-300 руб./год), среднее звено – педагогический состав и медицинский персонал (100-150 руб./год.), и низшее звено – обслуживающий персонал (60 руб./год.).

Кроме заработной платы, в соответствии с усердием к работе им выдавали единовременное пособие (наподобие современных премий): в размере от 25 руб. – педагогам и до 150 руб. и 90 руб. – смотрителю приюта и кастелянше соответственно. К тому же педагогический состав приюта и некоторые другие сотрудники имели жилье на территории социального заведения и питались вместе с детьми [104].

**Штат Симферопольской школы садоводства, огородничества и пчеловодства
2-го разряда с однолетним подготовительным отделением [225]**

Должность	Годовое содержание, руб.
Управляющий школой	450
Ему же за исполнение обязанностей преподавателя специальных дисциплин	300
Второму преподавателю специальных дисциплин	400
Законоучителю	150
За преподавание общеобразовательных предметов	300
На приглашение добавочных преподавателей	150
Учителю церковного пения	50
На учебные пособия	200
Итого:	2000

Перечень социальных заведений для несовершеннолетних и количество детей в них по уездам и градоначальствам Крыма во второй половине XIX – начале XX века

Уездный город, численность населения	Численность населения уезда	Социальные заведения для несовершеннолетних детей	Максимальное количество призываемых детей в начале XX века, в год	Учредители, меценаты, источники финансирования
Симферопольский уезд				
Симферополь (49 078 чел.)	141 717	1. Симферопольский детский приют им. графини А. М. Адлерберг (1854 г.); 2. Симферопольский детский приют для мальчиков тайного статского советника А. Я. Фабра (1864 г.); 3. Таврический земский приют для подкидышей (1867 г.) с тайной колыбелью (№4) 5. Симферопольский исправительный приют для малолетних преступников (1890) 6. Очаг для детей мобилизованных родителей (1914)	до 80 до 40 до 2174 до 60 до 50	1. А. М. Адлерберг, МВ, ЧП 2. А. Я. Фабр, ЧП, 3. Таврическое губернское земство, С.А.Арендт, МВ 4. МВД, Н.А. Арендт, Департ. земл. и сельск. промышл. 5. Общество попечения о детях, ЧП
Севастопольское градоначальство				
Севастополь (53 595 чел.)	57 455	1. Севастопольский приют для девочек (1882) 2. Севастопольский приют для мальчиков (1893) 3. Севастопольский «береговой» приют для мальчиков (1903) 4. Корабль-школа им. цесаревича Алексея в Севастополе (1908)	до 20 до 20 до 50 до 20	1. Севастопольское благотворительное общество, ЧП 2. Севаст. общ-во по устройству дешевых столовых и приюта для сирот-мальчиков, МВ 3. ВУИМ, РК 4. А.И. Млинарич, МВ
Керчь-Еникалийское градоначальство				
Керчь (33 347 чел.)	43 698	1. Керченский Мариинский детский	до 40	1. Керч. женское благотв. общ-во,

		приют (1874) 2.Колыбель для подкидышей (1876) 3.Приют для мальчиков Керченского Свято-Троицкого православного братства (1885) 4.Приют-убежище им. Месаксуди для несовершеннолетних (1905)	до 300 ? (малочислен) до 53	ВУИМ 2. Городское управление, ЧП 3. Керченское Свято-Троицкое православное братство 4. Керч. общество попечения о детях, семья Месаксуди
Ялтинский уезд				
Ялта (13 155 чел.)	73 260	1.Городской детский приют в Ялте (1871 г.) 2.Здравница-приют в деревне Туак Ялтинского уезда (1915) 3.Приют для сирот-мальчиков (1916) Приют-школа и церковь им. Св. Захария и Елизаветы (заложены в 1916 г., не были открыты)	до 20 до 100 до 20 -	1. Ялтинское благотв. общество, ЦС, МВ 2. МВ, Таврич. земство 3. ВУИМ 4. Местн. жит., гор. власти, меценат – вел. княг. Елиз. Фед.
Евпаторийский уезд				
Евпатория (17 913 чел.)	63 211	1. Каратобийский земледельческий приют для сирот павших и увечных воинов (1915)	более 30	1. РК, Евпатор. уездное земство, Гл. Упр-е землеуст-ва и земледелия ТГ
Феодосийский уезд				
Феодосия (24 096 чел.)	115 858	нет	-	-
Перекопский уезд				
Перекоп (5 279 чел.)	51 393	нет	-	-
Всего:		18 социальных заведений	более 3000 детей в год	

Условные обозначения:

ТГ – Таврическая губерния, МВ – местные власти (городские, земские, уездные), ВУИМ – Ведомство учреждений императрицы Марии, ЧП – частные пожертвования (дворянство, купцы и др.), ЦС – материальная помощь членов Царской семьи, РК – Романовский комитет, ИЧО – Императорское человеколюбивое общество

**Расписание занятий и учебные планы некоторых социальных заведений
для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале
XX вв.**

Расписание занятий сиротского дома А. Я. Фабра¹[104]:

Время:	С 8.00 до 9.15	С 9.30 до 11.00	Преподаватели	Занятия после обеда
Дни недели:			Причетник под руководством священника	
Понедельник	1. Чистописание 2. Обучение чтению	Чтение		3 часа башмачное мастерство
Вторник	1. Арифметика 2. Обучение письму	Диктовка		церковное пение
Среда	1. Диктовка 2. Обучение чтению	Чтение		3 часа башмачное мастерство
Четверг	1. Чистописание 2. Обучение чтению	Чтение		церковное пение
Пятница	1. Арифметика 2. Обучение письму	Славянское чтение, изучение молитв		3 часа башмачное мастерство
Суббота	1. Чистописание 2. Обучение чтению	Чтение		подготовка к всенощной

**Расписание уроков в школе Керченского Маринского детского приюта
на 1910 – 1911 учебный год [210]**

Первый класс						
Часы	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	
8.30-9.30	Чтение	Русский язык	Арифметика	Письменные упражнения по арифм.	Арифметика	
9.35-10.35	Арифметика	Закон Божий	Чтение	Русский язык	Закон Божий	
10.40-11.40	Письменные упражнения по рус. яз.	Церковно-слав. чтение	Чистописание	Церковно-слав. чтение	Диктовка	
Второй класс						
Часы	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
8.30-9.30	Русский язык	Арифметика	Арифметика	Закон Божий	История	Закон Божий
9.35-10.35	География	Русский язык	Письменные упражнения по арифм.	Арифметика	Русский язык	География
10.40-11.40	Чистописание	Русский язык	История	Русский язык	Русский язык	Чистописание

¹ Архивный документ, на основании которого составлена данная таблица, упоминал о том, что священнослужитель преподавали в школе при приюте Фабра Закон Божий, но не указано, сколько раз в неделю, поэтому данная дисциплина не включена нами в расписание уроков.

Режим дня некоторых социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму (вторая половина XIX – начало XX века)

Режим дня в Симферопольском детском приюте им. Адлерберг [138]

Время	Режимные моменты
6.00 в летнее время / 6.30 – в зимнее время	Подъем
6.00 – 7.00	Одевание, умывание, уборка постелей
7.00 – 7.05	Молитва (также проводилась до и после каждого приема пищи, до и после занятий и перед сном)
7.05 – 7.30	Завтрак
7.30 – 8.30	Прогулка / у дежурных – уборка в здании
8.30 – 12.20	Занятия в школе и мастерской / у дошкольников – игры в спальнях комнатах. Посередине занятий в школе – перерыв 20 мин
12.30 – 13.00	Обед
13.00 – 14.00	Отдых
14.00 – 16.00	Рукоделие у школьников / прогулка и игры у дошкольников
16.00 – 16.15	Полдник (чай)
16.15 – 17.00	Свободное время
17.00 – 18.30	Занятия пением со школьниками (вторник, пятница, воскресенье) / с дошкольниками – игры, чтение
18.30 – 19.00	Ужин
19.00 – 20.30	Уборка здания, штопка и починка одежды и белья, вязание и другие работы. Свободное время, подготовка ко сну
20.30	Отбой у дошкольников
21.00 в зимнее время / 21.30 в летнее время	Отбой у школьников

Режим дня в Керченском Мариинском детском приюте [210]

Дни недели / Время дня	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
6.00-7.30	Встают, умываются, моются, уборка постелей и здания						
7.30-8.30	Утренняя молитва и чай с белым хлебом						
8.30-11.30	Классные и художественные занятия / Летом – купание в море						Богослужение
11.30-12.00	Мытье рук, приготовление к обеду						
12.00-13.00	Молитва и обед						
13.00-14.00	Отдых и гуляние						
14.00-16.00	Уроки рукоделия					Баня	Прием родных
16.00-17.00	Чай и отдых						
17.00-19.00	Работа и приготовление уроков / Летом – игры и прогулки					Богослужение	Игры / Летом – чтение книг
19.00-20.00	Ужин						
20.00 зимой / 21.00 летом	Общая молитва и младшие идут спать						
21.00 зимой / 22.00 летом	Старшие идут спать, дежурные убирают приют						

**Содержание детей в приюте Таврического губернского земства
(1866, 1887-1896) [162, 262]**

Год	Стоимость содержания детей в приюте, руб.	Стоимость содержания детей вне приюта, руб.	Количество призываемых	Усыновлено	Умерло
1866	2140	2140	24	-	-
1887	19291	3542	407	24	218
1888	19344	4367	441	27	237
1889	19344	5593	454	42	254
1890	19470	9182	503	47	244
1891	20272	14073	569	24	214
1892	20294	20866	689	44	231
1893	21044	24810	855	77	342
1894	20844	29222	901	77	245
1895	21163	39043	1066	68	280
1896	20822	49222	1214	48	289

**Распределение учебных часов для каждого класса сельскохозяйственной школы Таврического исправительного приюта для несовершеннолетних преступников
[175, с. 14]**

№ п/п	Учебный предмет	Классы и количество учебных часов в неделю				Всего
		подготов.	1-й	2-й	3-й	
1.	Закон божий	2	2	2	2	8
2.	Русский язык	5	3	3	3	14
3.	Арифметика	5	2	2	2	11
4.	Чтение с черчением	2	2	2	2	8
5.	Объяснение важнейших явлений природы	-	2	2	2	6
6.	Учение о полезных и вредных для садоводства растений и животных	2	2	2	2	8
7.	Основные понятия по садоводству, огородничеству и пчеловодству	-	4	4	4	12
8.	Церковное пение	2	1	1	1	5
Всего в неделю учебных часов:		18	18	18	18	72

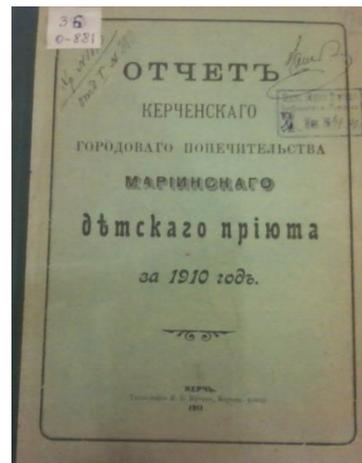
**Сведения о призреваемых детях в Керченском Мариинском приюте
в 1910-1911 учебном году [182, 183]**

На начало 1910 г., детей	Поступило в 1910 г.	Всего человек	Выбыло в 1910 г., детей	На начало 1911 г., детей	Болело, детей	Умерло, детей
37	4	41	10 (5 – отдано родственникам; 5 – поступило в услужение)	31	39	0

**Благотворительность в современной Республике Крым в области
социальной поддержки детства**

№ п/п	Источники благотворительности	Названия организаций
1.	Международные благотворительные фонды	(«Помощь и развитие» IRD, «Пища жизни», «Каритас», «Международный Красный Крест»)
2.	Крупные государственные и частные компании, в т.ч. транснациональные, туристические фирмы, банки	РНКБ, Банк России, МТС, Яндекс
3.	Религиозные благотворительные фонды и организации	РПЦ, «Православный Севастополь»
4.	Региональные этноконфессиональные (национальные) благотворительные фонды и организации	Крымско-татарская благотворительная организация «Фонд «Крым», еврейский благотворительный фонд «Хесед Шимон», «Федерация греков Крыма», «Крымское армянское общество»
5.	Крымские светские благотворительные фонды и организации	(«Будем милосердны», «Возрождение», «Сеть ЛЖВ», «Центр социальной защиты и помощи», «Нам не все равно», «Благотворец», «Милосердие – детям», «Правопорядок», «Талант», «Радуга – детям», «Зеленый луч», «Родной Крым»)
6.	Крымские сообщества волонтеров и центры социальной помощи	(«Волонтеры Симферополя», «Помощь детским домам», «Гражданский фонд инициатив»)
7.	Крымские сети магазинов	(«Чистый Дом», «ПУД», «Фуршет», «Меганом», «Фокстрот», «Ашан», «Эльдорадо»)
8.	Частная инициатива в виде пожертвований	Физические и юридические лица

Фотоматериалы по проблеме становления социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму во второй половине XIX – начале XX века

Керченский Мариинский приют (1874 г.)

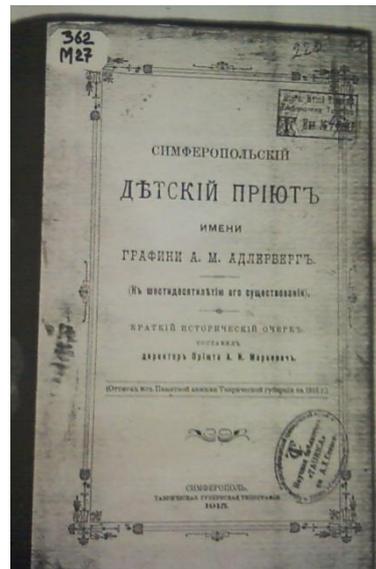
Керченский Мариинский приют (современное состояние)

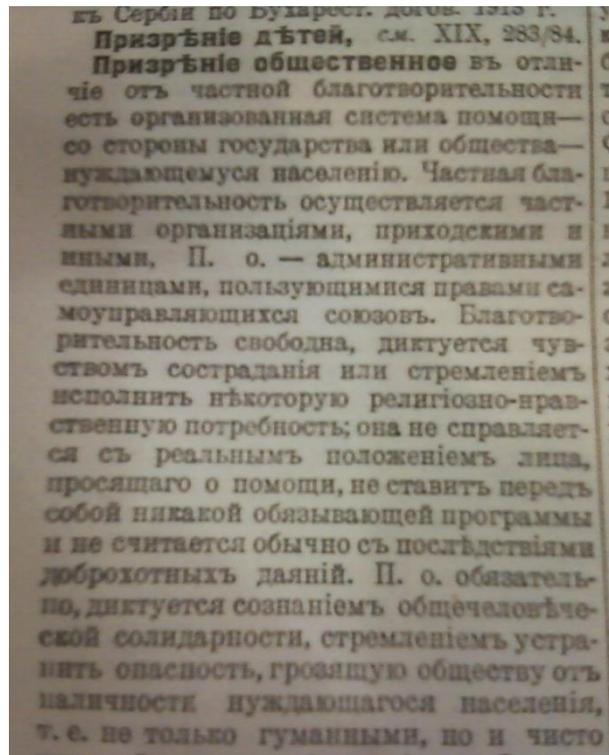
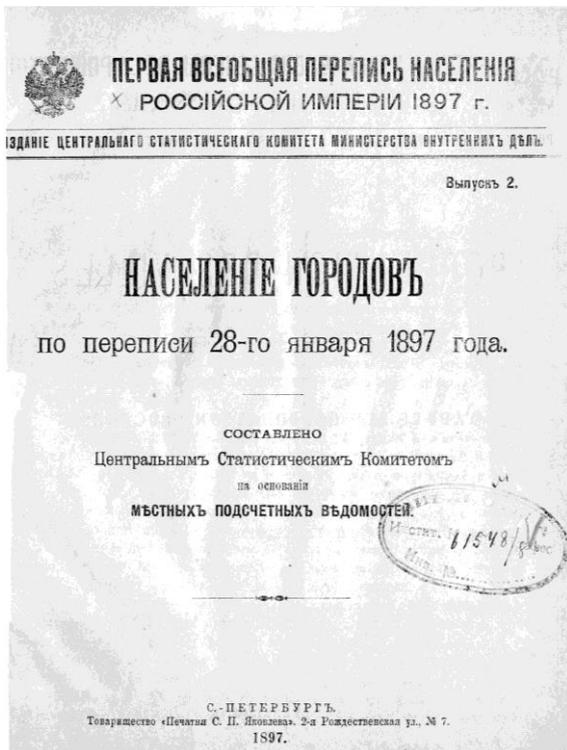
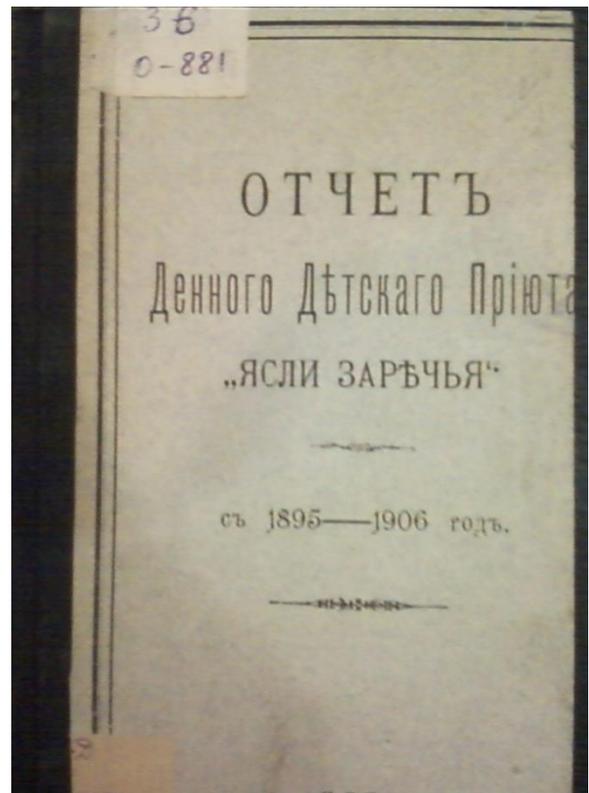
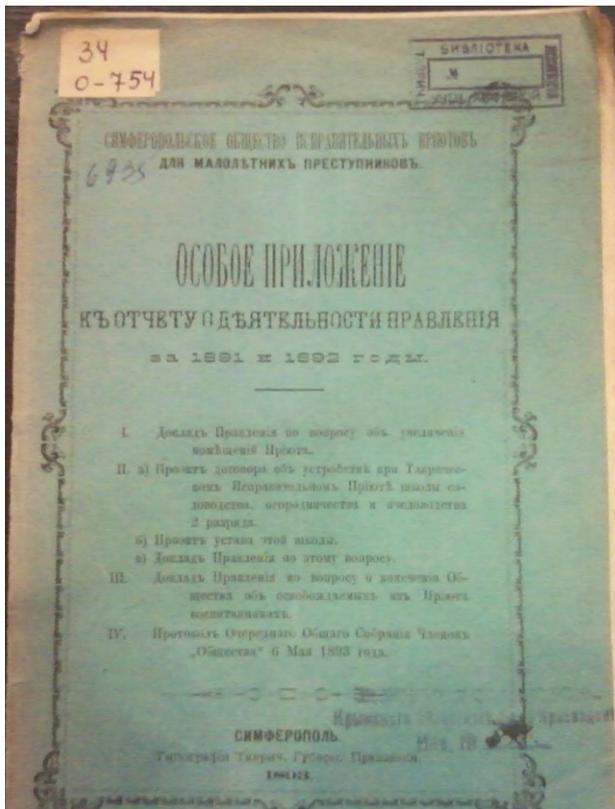
Н.В. Адлерберг

А. М. Адлерберг

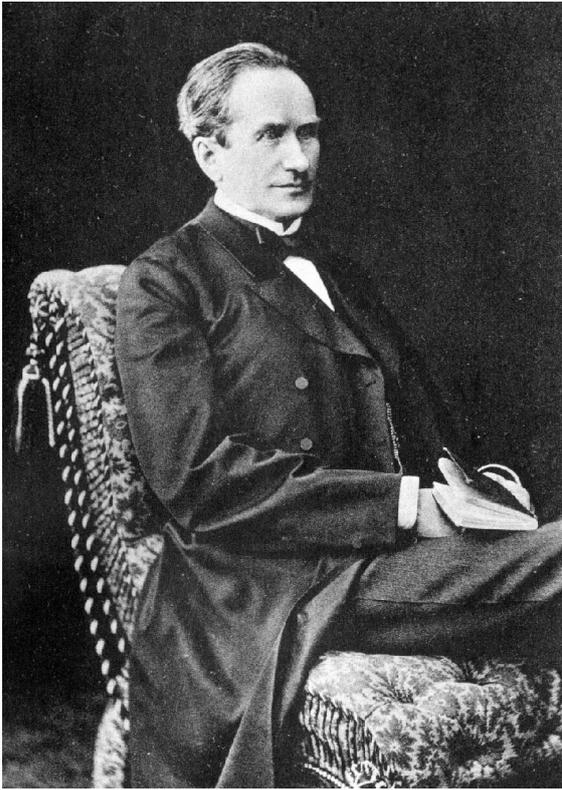
Симферопольский детский приют им. графини А. М. Адлерберг, г. Симерополь

Отчеты и другие документы второй половины XIX – начала XX века о деятельности социальных заведений для несовершеннолетних детей в Крыму

Сиротский дом тайного статского советника А. Я. Фабра, г. Симферополь (1864 г.), современное фото

Государственные деятели, авторы нормативных документов о деятельности учреждений призрения для несовершеннолетних детей второй половины XIX в.

К.К. Грот

В.Ф. Одоевский